Иван Франко

Захар Беркут

Детгиз
1946

Иван Франко

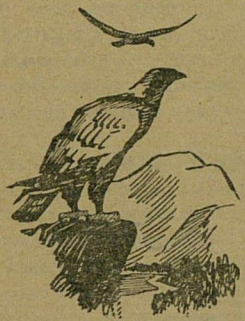
Ф-83

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Иван Франко

ф 835

Захар Беркут

Рисунки Г. Пустовийта

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1946 Ленинград

Картина общественной жизни XIII века в Карпатской Руси

Перевод с украинского
П. Карабана

5050 1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Для семилетней и средней школы

Ответственный редактор *А. Кравченко.* Художественный редактор *В. Пахомов.* Технический редактор *В. Артамонов.* Корректоры *А. Враныч* и *Е. Трушковская.* Подписано к печати 2/XI 1946 г. 11⅛ п. л. (9¾ уч.-изд. л.). 37 000 зн. в п. л. Тираж 30 000 экз. А04503. Заказ № 3003. Цена 6 руб.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

ИВАН ФРАНКО

Около ста лет назад в селе Нагуевичи, недалеко от города Дрогобыча (Западная Украина), жил кузнец Яков Франко. Окрестные селяне очень любили умного и дельного кузнеца. В его мастерской, прокопченной дымом и заваленной железным хламом, часто собирались крестьяне и вели нескончаемые беседы о своем житье-бытье.

Фантастические языки пламени, вырывавшиеся из горна, освещали разгоряченные лица людей, мечтавших о лучшей жизни.

Маленький сынок сельского кузнеца, Иван Франко, чуткий, любознательный ребенок, впитывал в себя рассказы обиженных и обездоленных крестьян. Воспоминания о кузнице отца, превращавшейся в своеобразный клуб, сохранились у Ивана Франко на всю жизнь. Уже в зрелые годы, когда этот сельский мальчик стал выдающимся украинским писателем и ученым, он красочно рассказывал о своих детских впечатлениях: «На дне моих воспоминаний и до сих пор горит маленький, но сильный огонь. Это огонь в кузнице моего отца. И мне кажется, что запас его я взял ребенком в свою душу для далекого жизненного пути».

Иван Яковлевич Франко родился в селе Нагуевичи 15 августа 1856 года.

В ту пору родина Франко входила в состав Австро-Венгерской монархии под названием Галиции. Австро-венгерское правительство отдало галицийских крестьян во власть польских помещиков-угнетателей. Товарищ Сталин дает объяснение, почему Австрия дала возможность польскому дворянству эксплоатировать украинское население

693504 ех.рер
Российская государственная детская библиотека

в Галиции: «Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию» (И. Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 121).

Сельское население Галиции страдало не только от гнета помещиков. Неурожайные годы и сельскохозяйственный кризис обрекали крестьян на голод. Они предпочитали оставлять села и переселяться в города и промышленные центры.

В Бориславе и Дрогобыче тысячи рабочих задыхались в плохо оборудованных шахтах, угрожавших обвалами. Предприниматели богатели, а рабочие нищали, становились пролетариями, обреченными на каторжную жизнь.

В такой сложной социальной обстановке протекала юность будущего писателя Ивана Франко. Огромная жажда знаний привела его из сельской школы в гимназию, а затем во Львовский университет, где он попал в самую гущу студенческой политической жизни. В эти годы Франко познакомился с известным украинским литератором и историком Михаилом Драгомановым, эмигрировавшим из царской России на Западную Украину. Драгоманов усилил интерес молодого студента к истории и литературе родного народа. Он призывал Франко приблизиться к живому народному слову и изучать украинский фольклор.

Иван Франко пишет ряд небольших рассказов, в которых дает страшные картины жизни бориславских и дрогобычских рабочих. Первые литературные опыты молодого писателя обратили на себя внимание читающей публики.

В 1877 году Иван Франко был арестован за участие в студенческом журнале «Друг». Его бросили в тюрьму вместе с уголовными преступниками и бездомными бродягами. Но воля писателя была непреклонна. За тюремной решеткой родились его стихи, выражавшие безграничную веру в силу народа. Он утверждал, что «бог с ангелами» не могут дать «царства божия на земле», и только разум трудящихся и их воля к борьбе принесут освобождение.

После выхода из тюрьмы Франко окончательно посвятил себя литературно-общественной деятельности. Ему приходилось преодолевать множество препятствий: его исключили из университета, «благонамеренные» приятели

чуждались его. Материальная нужда, полицейские, судебные преследования были спутниками его дальнейшей жизни. Но он, проявляя несокрушимую волю, видел свою роль в том, чтобы будить народные массы, просвещать их и готовить к освободительной борьбе.

В острых политических стихах писатель звал к тому лучшему будущему, когда

Упадут оковы вековые,
Тяжкие оковы, —
И, врага сломивши, встанет
Украина снова.

Думая о лучшей доле всех трудящихся, Франко проявлял большую любовь к родному народу. Крестьяне и рабочие — основные герои многочисленных рассказов и повестей Франко. Верный своему методу бытописателя-реалиста, он изобразил внутренний мир «маленьких людей» — рабочих и крестьян, показал, как помещики и капиталисты унижают человеческую личность, как под натиском предпринимателей разрушается сельское хозяйство, как из рабочей среды вырастают первые руководители революционного движения.

Две повести Франко — «Boa constrictor» и «Борислав смеется» — рисуют ярко и правдиво начало рабочего движения среди бориславских нефтяников. В повести «Борислав смеется» мы встречаемся с первыми рабочими организациями. Члены этих организаций, «побратимы», собираются на сходку и решают вступить в борьбу с хозяевами: «Радостные надежды вспыхивали в их головах среди мрачных сумерек настоящего и озаряли их искренние, чистые сердца, подобно тому как восходящее солнце розовым блеском озаряет пустынные, каменистые и печальные вершины Бескидских гор».

Франко изображает не только мир угнетенных. Под его пером встают во весь рост фигуры врагов трудового народа. Вот, например, образ жестокого хищника Гольдкремера («Boa constrictor»). Он вечно насторожен, потому что другой такой же удав, как он, может погубить, уничтожить его. Гольдкремер радуется, что засуха истребляет крестьянские поля, потому что разорившиеся крестьяне, лишившись своего хлеба, попадут в его эксплоататорские лапы.

В повести «Борислав смеется» показана борьба Гольд-

кремера с его конкурентом Гаммершлягом. Последний — такой же хищник, как Гольдкремер, хотя он на словах горячий друг рабочих и либерал.

Широко образованный писатель и ученый, Иван Франко был далек от всякого проявления узкого национализма. Он жадно искал в мировой культуре все передовое, зовущее к прогрессу и справедливости. Выдающиеся представители русской демократической литературы 60-х годов Чернышевский, Писарев, Помяловский учили Франко правдивому и глубокому изображению действительности.

Удивительно многогранной и разнообразной была творческая деятельность великого украинского писателя. Его художественная проза включает, кроме названных выше повестей и рассказов, еще историческое произведение «Захар Беркут». Поэтическое наследство Франко составляют сборники великолепных политических и лирических стихов. Из этих сборников надо назвать «Думы пролетария», «С вершин и низин», «Мой смарагд», «Увядшие листья». По силе лирического чувства поэта нередко сравнивают с Гейне; поэзии Франко присущи и острые сатирические ноты.

Этим не исчерпывается литературное наследство писателя. Он создал революционную поэму «Моисей», он написал множество сатир и сказок, литературно-критических и публицистических статей. Он был ученым-филологом, почетным членом Петербургской и Пражской академий, автором драматических произведений («Учитель», «Украденное счастье» и др.).

Всей своей деятельностью демократа-просветителя Иван Франко дает пример высокой целеустремленности и большого трудолюбия. Его внешний облик вполне гармонировал с внутренним содержанием. Иван Франко был скромен, сдержан, прост и чуток в обращении с людьми, непримирим к врагам трудового народа и необычайно предан интересам крестьян и рабочих.

Взгляните на портрет Ивана Франко. Перед вами коренастый мужчина, с серыми, несколько холодными глазами, приподнятым лбом; в линиях его подбородка чувствуются энергия, упорство. Непокорно торчат рыжеватые волосы, топорщатся усы. Он скромно одет, он выглядит тихим и незаметным. Но современники, хорошо знавшие Ивана Франко, рассказывают, что под этой внешностью

скрывалась титаническая сила борца, оратора, трибуна. Стоило ему заговорить, и аудитории казалось, что от сияния его лучистых глаз становилось светло, а его речь была не словом, а сталью, которая бьет о кремень и сыплет искры.

Как художественная, так и общественная деятельность Франко была посвящена интересам трудового человека, к какой бы национальности он ни принадлежал. Украинские, польские, еврейские рабочие, жившие в Галиции, видели в нем горячего друга и защитника.

Иван Франко умер 28 мая 1916 года в большой нужде. Это были дни, когда над его краем пылал огонь первой мировой войны. Многое еще пришлось пережить с тех пор Западной Украине. Годы томилась она под игом шляхетской Польши, старавшейся уничтожить национальную украинскую культуру.

Когда Красная Армия в 1939 году пришла в село Нагуевичи, она нашла там единственную память о писателе Иване Франко — деревянную табличку на месте, где был дом, в котором он родился. Власти панской Польши уничтожили все, связанное с именем писателя: и его сочинения и даже древний развесистый дуб, под которым часто сидел Франко, создавая свои стихотворения.

И вот теперь, когда весь украинский народ воссоединен под солнцем Сталинской Конституции, новой, свободной жизнью живут Борислав, Дрогобыч, города и села родины великого украинского писателя.

Литературное наследство Ивана Франко принадлежит не только украинскому и братскому русскому народу, но всей Советской стране, которая чтит замечательного художника и непоколебимого борца за национальное и социальное раскрепощение своего отечества.

Повесть Ивана Франко «Захар Беркут» выделяется из всего литературного наследства писателя. Франко выступил здесь как мастер исторического жанра. Он уводит своих читателей в далекий XIII век, в эпоху феодальных войн и междоусобиц, в то время, когда могучий народ стойко боролся за свои права против бояр-угнетателей и иноземных захватчиков — монголов из полчищ Батыя.

Во вступлении к повести Иван Франко красноречиво объясняет, почему он обратился к стародавним временам. Он сделал это не для того, чтобы любоваться прошлым и лить бессильные слезы отчаянья, а потому, что хотел пре-

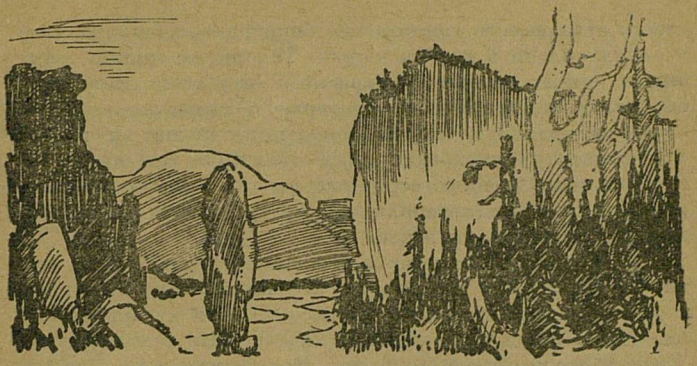
подать славный урок мужества и гражданской доблести своим забитым и униженным землякам, беднякам Западной Украины: «Мысль поэта уносится в эти древние времена, воскрешает живших там людей, и тот, в чьей груди чистое сердце и настоящие человеческие чувства, увидит в них своих братьев, а в их жизни, так не похожей на нашу, заметит много такого, что можно лишь пожелать и нашим «культурным» временам!»

Время, изображаемое Франко, относится к княжению Даниила Галицкого, выдающегося полководца и дипломата, одного из могущественнейших феодалов южной Руси.

Франко любовно изображает храбрых и честных людей, исполненных горячей любви к родной земле. Его центральный герой — мужественный юноша Максим Беркут, сын замечательного народного деятеля Захара Беркута. Иван Франко сумел нарисовать этот обаятельный образ правдиво, без всякой слащавости. В таких же ясных и благородных тонах дана пленительная фигура Мирославы, дочери жестокого боярина Тугара Волка. Любовь Максима и Мирославы сильна и красива. Она овеяна дыханием могучей природы их родины, она крепнет, несмотря на преграды и испытания, которые выпадают на долю двух влюбленных.

Народ Тухольской общины живет в трудах и борьбе за честь и независимость. Иван Франко поэтизирует лучшие стремления и надежды славных предков своей родины. Голос исторического прошлого звучит по-современному в передаче великого украинского поэта и писателя. Правда, Иван Франко несколько приукрашивает примитивный строй и жизнь Тухольской общины, но тем не менее картины мужественного сопротивления Тухольщины, оказанного иноземным захватчикам, живо перекликаются с эпизодами недавней героической борьбы украинского народа против немецко-фашистских оккупантов. Читатель, несомненно, с увлечением воспримет историческую повесть Ивана Франко, помещаемую здесь в новом переводе П. Карабана, удачно передающем существенные черты подлинника.

Александр Дейч

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

А. С. Пушкин

Печально и неприветливо нынче в нашей Тухольщине! Правда, и Стрый и Опор попрежнему омывают свои усыпанные гравием зеленые берега; луга попрежнему покрыты весною травами и цветами, и в лазурном прозрачном воздухе попрежнему плавает и кружит орел беркут — так же, как и в древние времена. Но как же изменилось все остальное! И леса, и села, и люди!

Прежде густые, непроходимые леса покрывали почти все пространство, кроме высокогорных лугов, сбегая в долину до самых рек. Теперь они истаяли, как снег на солнце, поредели, измельчали, исчезли куда-то, оставив на память по себе лишь лысые прогалины; кое-где еще уцелели от них обугленные пни, между которыми там и сям робко выглядывает чахлая пихта или же еще более чахлый можжевельник.

Тихо тут было раньше, ничей голос не нарушал тишины, кроме голоса пастушеской трембиты [1], доносивше-

[1] Трембита — музыкальный инструмент гуцулов: труба длиной около трех метров.

гося с отдаленного горного пастбища, да рычания дикого тура или оленя в густых чащах. Теперь на горных пастбищах кричат пастухи, в оврагах и чащах шумят лесорубы, пильщики и плотники, которые беспрерывно, как не знающий отдыха и смерти червь, подтачивают и подсекают красоту Тухольских гор — столетние ели и пихты, спуская подрубленные огромные стволы вниз по течению к новым паровым лесопилкам либо тут же, на месте, разделывая их на доски и тес.

Но больше всего изменились люди. Если судить по внешности, может показаться, что выросла их культура, а на деле выросло только их число. Сел и хуторов стало больше, в селах стало больше хат, но зато в хатах стало более убого и более голодно. Народ изможден, забит, угрюм, при посторонних — робок и неловок. Каждый думает лишь о себе, не понимая, что этим дробятся силы, ослабляется общая мощь.

Не так тут когда-то было! Хоть меньше было народу, да зато какой народ!

Какая жизнь бурлила здесь, в этих горах, средь этих непроходимых лесов, у подножья могучего Зелеменя!

Злая судьба в течение долгих веков измывалась над этим народом. Тяжкие беды подорвали его благосостояние. Нищета сломила его свободный живой характер. И нынче лишь полузабытые древние сказания напоминают правнукам о счастливой жизни их предков. И когда порой старенькая бабушка, сидя на печи за пряжей грубой шерсти, заведет рассказ о седой старине, о нашествии страшилищ-монголов да о тухольском вожаке Беркуте, с волнением слушают маленькие внучата, и в их глазках сверкают слезы. А когда окончится это диковинное повествование, и малый и старый шепчут вздыхая: «Ах, какая прекрасная сказка!»

— Да, да, — говорит бабушка, покачивая головой, — да, да, деточки! Для нас это сказка, а когда-то она правдой была!

— А вернутся ли еще когда-нибудь такие времена? — спросит кто-нибудь постарше.

— Говорят старые люди, что когда-нибудь еще вернутся, да, верно, уж перед самым концом света.

Печально и неприветливо нынче в нашей Тухольщине! Сказкою кажется повесть о давних временах и давних людях. Верить не хотят ей нынешние люди, выросшие в

нужде и притеснениях, в тысячелетних путах, в тысячелетней зависимости.

Что же, пусть так! Мысль поэта уносится в эти древние времена, воскрешает живших тогда людей, и тот, в чьей груди чистое сердце и настоящие человеческие чувства, увидит в них своих братьев, а в их жизни, так не похожей на нашу, заметит много такого, что можно лишь пожелать и нашим «культурным» временам.

I

Было это в 1241 году. В Тухольских горах стояла весна. В один прекрасный день лесистые холмы Зелеменя огласились звуками охотничьих рогов и криками множества охотников. Шла большая облава на крупного зверя.

Это новый тухольский боярин Тугар Волк праздновал начало своей жизни на новом месте — недавно князь Данила подарил ему в Тухольщине огромные участки высокогорных пастбищ и целиком один из склонов Зелеменя. Тугар Волк поселился в этих горах, построил себе красивый дом и вот теперь справляет первый пир, знакомится с окрестными боярами. После пира все отправились на охоту в Тухольские леса.

Охота на дикого зверя — не забава: это тяжелая борьба, нередко кровавая, зачастую не на жизнь, а на смерть. Туры, медведи, вепри — опасные противники. Стрелами из луков и даже рогатиной, которую бросали, когда зверь подойдет ближе, редко кому удавалось свалить такого противника. Решающим оружием было тяжелое копье, которое надо было всадить в упор, со всего размаха. Неверный удар — и жизни охотника грозила большая опасность, если он не успевал в последнюю минуту укрыться в надежном убежище и выхватить меч или тяжелый топор.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Тугар со своими гостями снаряжался на охоту так, словно шел на войну: с запасами стрел и рогатин, со множеством слуг, с большим грузом провизии и даже в сопровождении сведущего знахаря, умевшего заговаривать раны. Неудивительно также и то, что Тугар и его гости были в полном рыцарском вооружении, кроме панцырей, которые могли

бы помешать им пробираться сквозь густые заросли и бурелом.

Удивительно было лишь то, что и дочь Тугара Мирослава также ехала вместе с гостями на охоту. Тухольские обитатели, видя, как она гордо и смело едет среди гостей, похожая на стройную чинару среди коренастых дубов, провожали ее восхищенными взорами, приговаривая:

— Вот это девушка! Такой не грех бы и мужчиной быть. И был бы этот мужчина, пожалуй, получше своего отца!

А это было немалой похвалой, ибо Тугар Волк был мужчина, что крепкий дуб. Плечистый, коренастый, с резкими чертами лица и жесткими черными волосами, он и сам походил на одного из тех свирепых тухольских медведей, на которых теперь шел войной.

Но и дочь его Мирослава была девушкой, какую не везде найдешь. Мы уж не говорим об ее красоте, стройности или об ее добром сердце — в этом многие из ее ровесниц могли бы посоперничать с нею, хоть и немногим удалось бы ее превзойти. Но в чем она не имела себе равных — это в свободе и живости всех своих движений, в необычайной силе мускулов, в смелости и решительности характера, присущих лишь тем из мужчин, которые выросли в непрестанной борьбе с суровыми препятствиями.

Сразу бросалось в глаза, что Мирослава росла на свободе, что она получила чисто мужское воспитание и что в этом прекрасно развитом девичьем теле живет сильная, высоко одаренная душа.

Она была у отца единственной дочерью, лишившись матери при своем рождении. Ее нянька, старая крестьянка, с малых лет приучала ее ко всякой работе, а когда девочка подросла, отец, чтобы скрасить свое одиночество, брал ее повсюду с собою и, идя навстречу ее пылкой натуре, научил владеть рыцарским оружием, переносить невзгоды и смело смотреть в лицо опасностям. И чем больше препятствий предстояло ей преодолеть, тем с большей охотой принималась Мирослава за дело, тем ярче проявлялись ее физическая сила и решительный, прямой характер.

В то же время Мирослава ни на миг не утрачивала своей женственности, оставаясь нежной, доброй девушкой с живыми чувствами, скромным лицом и стыдливой улыб-

кой. Все это соединялось в ней в такую дивную, чарующую гармонию, что тот, кто однажды видел или слышал ее, до конца дней своих не мог забыть ни ее лица, ни фигуры, ни голоса.

Уже третий день продолжалась охота. Много рогатых оленей и черногривых туров полегло от стрел и копий боярских. Над бурным горным потоком, на зеленой лесной поляне были разбиты охотничьи шатры, то и дело вспыхивали огромные костры, на железных крючьях висели котлы, кружились вертела, варилось и жарилось оленье и турье мясо. Сегодняшний, последний, день охоты посвящался самому главному и наиболее опасному делу — облаве на медведей.

На крутом холме, отделенном от других холмов страшной пропастью и густо покрытом громадными буками и пихтами, заваленном корнями и рухнувшими деревьями, издавна находилось главное обиталище медведей.

Здесь, по утверждению тухольского проводника, молодого горца Максима Беркута, была берлога медвежьей матки. Отсюда дикие звери наводили страх на всю окрестность. И хотя не раз отважным пастухам удавалось забить какого-нибудь медведя стрелами и топорами или же заманить иного к столбу, где ему ломала хребет обрушившаяся сверху тяжелая колода, — все же этого было слишком мало, чтобы население, страдающее от дикого зверья, чувствовало заметное облегчение.

Поэтому-то, когда поселившийся здесь боярин Тугар Волк оповестил тухольцев, что хотел бы устроить большую облаву на медведей и просит дать ему для этой цели проводников, — тухольцы не только дали ему в проводники первого во всей округе удальца, Максима Беркута, сына тухольского беседника [1] Захара, но отрядили еще от себя в помощь собравшимся боярам целую дружину молодых горцев, вооруженных луками и копьями. Вся эта армия должна была обложить медвежье гнездовье и очистить его раз и навсегда от хищного зверя.

Еще до рассвета в охотничьем лагере царило напряженное ожидание и началось движение. Боярские слуги поднялись с полуночи, чтобы приготовить гостям пищу на целый день, наполнить шипучим медом и яблочником дорожные баклаги.

---

[1] Беседник — оратор на мирских сходках.

Тухольские дружинники готовились в свою очередь: они точили ножи и тесаки, натягивали крепкие сапоги из зубровой кожи, укладывали в небольшие дорожные мешки вяленое мясо, ковриги хлеба, сыра и все, что могло понадобиться в тяжелом, требующем целого дня походе. Максим Беркут только теперь, готовясь к важному и трудному делу, почувствовал себя вполне на месте, полным хозяином своей маленькой армии: отдавал распоряжения с подлинно начальственной степенностью и рассудительностью, ни о чем не забывая, без излишней спешки, но и без задержек. Все делалось во-время, все было на своем месте, без суеты и сутолоки; он поспевал повсюду, где в нем была нужда, и во все вносил необходимый порядок.

Со своими товарищами, а также с боярами и их слугами Максим Беркут держался совершенно одинаково — спокойно, свободно, как равный с равным. Его товарищи обращались с ним тоже свободно и непринужденно, смеялись и шутили, выполняя, однако, все его распоряжения точно, быстро и так весело и охотно, словно они и без них сделали бы то же самое. Боярская челядь, далеко не такая свободная в обращении, привыкшая гордо пренебрегать низшими и низко склоняться перед высшими, все же относилась с уважением к Максиму Беркуту за его степенность и рассудительность и, хоть и не без шуток и шпилек по его адресу, делала все, что он говорил.

Даже сами бояре, в большинстве люди военные, высокомерные, которые с неудовольствием терпели в своем обществе «смерда», к тому же считавшего их равными себе, — даже они не выказывали слишком явно своей неприязни и повиновались указаниям молодого проводника, убеждаясь всякий раз в их правильности и необходимости.

До восхода солнца оставалось еще немало времени, а уж охотники двинулись в путь. Глубокая тишина стояла в горах; ночные сумерки еще дремали под темнозелеными кронами пихт; на широких листьях папоротника стыли капли росы; ползучая зеленая повилика мешала итти, путаясь меж огромных вывороченных корневищ, сплетаясь в непроходимые узлы с гибкими кустами колючей ежевики и вьющимися стеблями дикого, карабкающегося вверх хмеля. Из густо заросших оврагов, черных, как ущелья

пропастей, поднимался седой туман — свидетельство того, что на дне этих оврагов струились маленькие лесные ручьи.

Воздух в лесу был насыщен испарениями и смолистым духом; от этого спирало дыхание и казалось, что для того, чтобы дышать здесь, надо было иметь другие, более сильные легкие и более широкую грудь.

Молча пробирался охотничий отряд сквозь непроходимые чащи бурелома; в сумрачной тени не было ни тропинки, ни каких-либо примет. Впереди шел Максим Беркут. Тугар Волк и другие бояре — за ним. Рядом с Тугаром шла его дочь Мирослава. Шествие замыкали тухольские пастухи. Все шли, зорко вглядываясь во тьму и настороженно прислушиваясь.

Лес начинал просыпаться к дневной жизни. Пестроперая сойка хрипела в вершинах пихт, зеленый дятел, припав к стволу, тут же, над головами идущих, долбил своим железным клювом кору; из дальних ложбин доносились рычанье туров и волчий вой. Насытившиеся к этому времени медведи дремали под валежником на своих мшистых постелях. Из глубины леса доносилось хрюканье кабаньего стада, нежившегося в прохладе остывшего песка.

Уже около часа шел отряд этой трудной, нехоженой дорогой. Все, тяжело дыша, отирали крупные капли пота.

Максим то и дело оглядывался. Он с самого начала был против того, чтобы вместе с мужчинами отправлялась в опасный поход женщина, но Мирослава настояла на своем. Она первый раз в жизни принимала участие в такой большой охоте, и никакие трудности не заставили бы ее пропустить самую интересную часть.

Напрасно Максим твердил ей о тяжести дороги, о грозящих опасностях, о силе и ярости зверя — ничто не могло убедить ее!

— Тем лучше! Тем лучше! — отвечала она, смело глядя ему в лицо, но с такой пленительной улыбкой, что очарованный Максим смолкал.

И отец, который сначала также советовал Мирославе остаться в лагере, в конце концов был вынужден уступить ей.

С удивлением смотрел теперь Максим, как эта необыкновенная девушка наравне с самыми сильными мужчи-

нами преодолевала все трудности утомительного пути, как легко перескакивала она через груды гнилого бурелома и огромные стволы, каким уверенным шагом шла над обрывами, карабкалась по уступам скал, проскальзывала между вывороченными корневищами — и все это проделывала так грациозно, что Максиму казалось, будто она летит на чудесных крыльях. Он глядел и не мог наглядеться.

«Удивительная девушка! — думал он всякий раз. — Таких я еще не видывал».

Наконец они пришли на место. Оно представляло собой высокий, только с южной стороны доступный холм, поросший толстыми буками и пихтами, заваленный вывороченными с корнем деревьями. С севера, востока и запада вход и выход замыкали высокие скалистые стены, словно гигантским топором отсеченные от тела великана Зелеменя и отодвинутые от него на несколько десятков саженей; внизу, под этими стенами, в тесной расселине пенился и шумел студеный горный поток.

Такое расположение облегчало охотникам дело; требовалось только окружить не слишком широкое пространство с южной стороны, подвигаясь все ближе к холму, и зверь, не имея иного выхода, неминуемо должен был попасть на их копья.

Очутившись на этом важном, хотя и чрезвычайно опасном участке, Максим Беркут приказал отряду остановиться на минуту, чтобы отдохнуть и набраться сил.

Уже всходило солнце, скрытое пока от взоров густыми ветвями пихт и соседними холмами. После короткого отдыха Максим принялся расставлять охотников в два ряда, с таким расчетом, чтобы оцепить весь участок.

Там, где он представлял собой узкую полосу, охотники должны были разместиться цепочкой, на расстоянии пяти шагов друг от друга; но дальше, вверх, участок расширялся, образуя большую пологую площадь, и здесь охотникам можно было стоять не так тесно.

Одно только беспокоило Максима: как поступить с Мирославой, которая решительно отказывалась стоять рядом с отцом и требовала для себя отдельного места?

— Что же, я хуже твоих приятелей? — говорила она Максиму, зардевшись, как роза. — Их ты ставишь отдель-

но, а меня не хочешь... Нет, не будет этого! Да и для отца моего было бы позором, если б мы двое стояли на одном месте... Правда, батюшка?

Тугар Волк не мог ей противиться. Максим начал было толковать о грозящей опасности, о силе и лютости разъяренного зверя, но Мирослава и слушать не хотела.

— А я-то, что же, бессильна, что ли? Или не владею луком, рогатиной и топором? А ну-ка, пусть кто-нибудь из твоих попробует потягаться со мною — увидим, кто сильнее!

В конце концов Максим замолчал, вынужденный уступить. Да и мог ли он противиться такой удивительной, такой прекрасной девушке! Он думал выбрать для нее, по крайней мере, хотя наименее опасное место, но, на беду, и это было невозможно: все места были одинаково опасны.

Расположив отряд, Максим отдал следующее распоряжение:

— Теперь помолимся, кто в какие силы верит, а затем все разом затрубим в рога. Это будет первым сигналом, который всполошит зверя. Потом двинемся вверх по участку до того места, где он расширяется. Там мои товарищи останутся сторожить, чтобы ни один зверь не ушел, а вы, бояре, пойдете дальше, к самому логову матки.

В следующую минуту леса и поляна огласились хриповатым ревом охотничьих рогов. Подобно громадной волне, раскатилось эхо по лесам и оврагам, рассыпаясь, замирая и возникая вновь с удвоенной силой. Леса пробудились. Застонал коршун над вершиною пихты; поднялся в воздух, широко размахивая крыльями, испуганный беркут; захрустел бурелом под лапами зверя, ищущего надежного убежища.

Рев рогов смолк так же внезапно, как и возник, и охотники двинулись вверх по пологому склону. Все сердца бились учащенно в ожидании неведомых опасностей. Охотники осторожно пробирались к логовищу. Первыми шли бояре, за ними — молодые тухольские пастухи; Максим шагал впереди всех, напряженно вслушиваясь и выслеживая зверя. Властелин леса, медведь, еще не показывался.

Охотники уже достигли самого узкого места участка.

693504

Российская государственная детская библиотека

Здесь, по приказу Максима, они остановились; еще громче затрубили рога, тревожа медведей в их темных берлогах. Вдруг неподалеку, за высокой грудой громадных, вывороченных из земли гнилых корневищ, раздался треск валежника.

— Внимание! — крикнул Максим. — Зверь приближается!

Не успел он произнести этих слов, как в широком просвете между двумя перевернутыми вверх корнями показалась громадная косматая голова, и два серых глаза с любопытством и страхом уставились на Тугара Волка, стоявшего в десяти шагах от щели.

Тугар был старый вояка и опытный охотник — страх ему был неведом. Не говоря ни слова, ни к кому не обращаясь, он выхватил из колчана тяжелую железную стрелу и натянул тетиву, прицеливаясь в зверя.

— Целься в глаз, боярин! — шепнул стоявший позади Максим.

Миг тревожной тишины — стрела свистнула, зверь заревел, отдернувшись судорожно назад. И хоть он исчез из глаз, скрытый грудой сваленных деревьев и пней, но рев долго не стихал, и было слышно, как зверь продолжал бешено метаться.

— Вперед! — крикнул Тугар Волк и бросился к расщелине, в которой исчез медведь.

В тот же самый момент два боярина, уже успевшие взобраться на груду валежника и поднять свои копья, собирались метнуть их с такой силой, чтоб сразу, одним ударом прикончить зверя.

Тугар Волк, стоя в расщелине, пустил в него вторую стрелу. Зверь заревел еще громче и бросился бежать, но глаза его заплыли кровью, он заметался из стороны в сторону, не находя выхода и расшибаясь о деревья. Одно копье впилось ему между ребер, но рана была не смертельна. Дикое рычанье раненого медведя становилось с каждой минутой все громче. Он поднимался на задние лапы, отирая передними залитые кровью глаза, ломал и швырял сучья, но без всякого толку. Один глаз у него был выбит стрелой, а другой беспрерывно заливало хлещущей из раны кровью.

Ослепленный зверь снова приблизился к Тугару Волку. Тот, отбросив лук и притаившись за вывороченным деревом, крепко, обеими руками сжал рукоятку топора, и

в ту минуту, когда медведь ощупью добирался до расщелины, Тугар изо всей силы хватил его топором по голове — и медвежий череп раскололся пополам, как треснувшая тыква.

Окровавленный мозг брызнул на боярина, и зверь беззвучно рухнул наземь. Радостно затрубили боярские трубы в честь первой одержанной победы.

Медвежью тушу вытащили из завала сучьев и пней и ободрали. Затем бояре двинулись дальше, в глухую чащу. Солнце уже стояло высоко в небе, и его косые лучи пробивались сквозь ветви, словно золотые пряди. Охотники теперь шли веселее, похваляясь своей отвагой и силой.

— Хоть я всего лишь волк, мелкий зверь, а я еще потягаюсь с тухольским медведем! — говорил Тугар Волк в радостном возбуждении.

Максим Беркут слышал хвастливые речи, и ему почему-то — он сам не знал почему — стало жалко тухольского медведя.

— Что ж, — сказал он. — Глупая тварь этот медведь, в одиночку держится. Если б они собрались вместе, кто знает, смогла ли бы тогда справиться с ними и целая стая волков?

Тугар бросил на него гневный взгляд, но не сказал ничего. Охотники продолжали осторожно продвигаться вперед, пробираясь через высокие груды бурелома, перескакивая через пни и то и дело проваливаясь по пояс в прелую пыль перегнившего валежника.

Среди этих развалин величественной природы там и сям виднелись медвежьи тропы, проложенные в давние времена, узкие, но крепко утоптанные и густо усеянные побелевшими костями баранов, оленей и разного другого зверья. Теперь Максим шел сзади; он пристально осматривал все следы, чтобы установить, свежие они или нет, помогал утомившимся, подбадривал их, не выказывая сам никаких признаков усталости. С удивлением поглядывала на него Мирослава. И хотя ей доводилось видеть многих молодцов, и сильных и смелых, однако такого, как Максим, в чьем лице соединялись и крепкий работник, и рыцарь, и начальник, — такого ей еще не приходилось встречать.

Вдруг раздался треск, и навстречу охотникам выскочил свирепый медведь. Он бежал на четвереньках, но,

увидев перед собой врагов, поднялся на задние лапы и, схватив передними отломанный бурей громадный буковый сук, стал размахивать им, испуская время от времени короткое свирепое, похожее на вызов рычанье.

Прямо против зверя стояли два боярина — из числа тех, которые особенно шумно хвастались своими охотничьими подвигами. Увидев перед собой страшного противника, они побледнели и задрожали. Но деваться было некуда — надо было встречать опасность грудью, будь что будет! Две стрелы одновременно сорвались с двух луков: одна пролетела мимо, просвистев над самым ухом медведя; вторая вонзилась медведю в бок, не причинив ему серьезной раны, а лишь приведя зверя в невероятную ярость.

Медведь сделал громадный прыжок в сторону бояр, швырнул со всего размаха в одного из них свое копье — буковый сук, который со страшной силой грохнулся о дерево, и, не останавливаясь и не давая врагам опомниться, кинулся на того, который стоял на его пути, на утоптанной медвежьей тропе. В дрожащей руке боярина блеснуло копье — он хотел метнуть его в зверя.

— Не бросай! — тревожно крикнул боярину Максим, торопясь к нему на помощь и ведя за собой Тугара Волка и еще одного боярина. — Не бросай! Стань боком к медведю, наставь копье и защищайся!

Но боярин, не послушавшись, метнул копье. Размах был небольшой: рука боярина дрожала, медведь находился уже в каких-нибудь пяти шагах, и неудивительно, что копье лишь слегка оцарапало зверю переднюю лопатку. Медведь схватил в лапы дубину, сломал ее и со страшным ревом ринулся на своего врага. Тот к этому времени уже держал в руках обыкновенный, заостренный с обеих сторон меч, называвшийся медведником, готовясь вонзить острие в грудь противника. Однако меч, скользнув по кости, застрял в лопатке, и зверь сжал боярина в своих страшных железных объятиях.

Несчастная жертва издала безумный крик; захрустели человеческие кости на медвежьих зубах.

Все это произошло так внезапно, так неожиданно, что, пока Максим успел подбежать, боярин уже лежал на земле в предсмертных судорогах, а над ним стоял окровавленный медведь, оскалив страшную пасть и рыча на весь лес от боли.

Бояре остановились на месте как вкопанные, охваченные ужасом, и лишь один Максим, наложив стрелу на свой роговой лук, сделал два шага вперед и, прицелившись, пустил ее прямо в сердце медведю. Крик зверя оборвался, словно отсеченный ножом, и медведь рухнул трупом на землю.

Не трубили рога, не звучали веселые клики при этой новой победе. Все бояре сбежались к месту печального происшествия. Как ни были они закалены в боях, как ни привыкли видеть рядом с собой смерть, но вид окровавленного, изуродованного и растерзанного человека исторг у всех тяжелый стон.

Мирослава прижала руки к сердцу и отвернулась, не имея сил долее смотреть на эту страшную картину. Тухольские пастухи уложили труп на сплетенные из ветвей носилки и понесли. Следом тащили тушу убитого медведя.

Унылое молчание царило в отряде. Блестевшая на солнце большая лужа крови напоминала всем, что здесь еще минуту назад стоял живой человек, а теперь от него осталась лишь бесформенная груда окровавленного мяса. У большинства бояр отпала охота продолжать облаву.

— Чур им, этим проклятым медведям! — говорили иные. — Живи они тут или пропади пропадом — нам-то к чему из-за них лезть на рожон, рискуя жизнью?

Но Тугар Волк, а в особенности Мирослава и Максим решительно настаивали на том, чтобы закончить начатое дело. Бояре в конце концов согласились, но как-то не слишком охотно возвращались назад, на свои места.

— Позвольте мне, бояре, слово сказать, — обратился к ним Максим. — Мои товарищи тухольцы замкнули выход и не выпустят отсюда ни одного зверя. Поэтому нам не следует отходить далеко от них. Лучше всего будет, я думаю, разделиться на два отряда и итти над самым краем пропасти, по обеим сторонам ее. Таким образом нам удастся скорее согнать все зверье на середину, а тогда мы вместе с тухольскими пастухами вплотную окружим их густой цепью и перестреляем всех до единого.

— Правильно, правильно! Так будет лучше! — закричал кое-кто из бояр, не замечая, как насмешливая улыбка тронула губы Максима.

Охотники разделились на два отряда. Одним предводительствовал Тугар Волк, другим — Максим. Мирослава

по собственному желанию присоединилась ко второму отряду, хотя и сама не отдавала себе отчета, почему. Повидимому, искала опасности, так как Максим ясно говорил, что путь второго отряда опаснее.

Вновь затрубили рога, и оба отряда разошлись в разные стороны. Охотники шли то парами, то поодиночке, сходясь и расходясь вновь в поисках дороги. Итти группами не было никакой возможности. Наконец охотники достигли почти самой макушки холма; она была совершенно голая, а чуть пониже ее тянулся вал из каменных нагромождений, бурелома и вывороченных корней. Это была самая трудная и опасная часть пути.

В одном месте груда обломков высилась, словно башня. Валежник, камни и нанесенная сюда с давних времен листва преграждали, казалось, всякий доступ к этой естественной крепости. Максим пополз по самому краю пропасти, цепляясь там и сям то за скудную растительность, то за скалистые выступы, отыскивая проход. Бояре же, не привыкшие к таким непроходимым, опасным для жизни дорогам, пошли вдоль каменного вала в обход, надеясь найти где-нибудь подальше расщелину.

Мирослава остановилась, словно ее что-то удерживало возле Максима; она пристально всматривалась в топорщившуюся перед ней груду бурелома, ища в нем какого-нибудь, пускай опасного, прохода. Она всматривалась не так уж долго и вскоре начала взбираться на каменные нагромождения и груды корневищ, завалившие проход. Взобравшись наверх, она оглянулась вокруг. Бояре уже успели отойти довольно далеко, Максима не было видно, а прямо перед ней находилось бесформенное нагромождение скалистых обломков и стволов, через которое, казалось, невозможно было перебраться. Но нет! Вон там, немного подальше, лежит громадная пихта, переброшенная, словно мост; по ней можно свободно пройти к вершине. Недолго думая Мирослава двинулась по направлению к пихте. Ступив на нее, она еще раз оглянулась и, гордая своим открытием, приложила прекрасно отполированный рог к губам и затрубила. Эхо раскатилось по лесу и полянам, рассыпалось по дебрям и оврагам, пока наконец не затихло в далеких, глухих чащобах. На этот звук первым откликнулся издали ее отец, затрубивший в свой рог, а за ним и остальные бояре.

Мирослава поколебалась с секунду, стоя на высоком

вывороченном пне. Пихта была очень старая и насквозь прогнившая, а снизу, под ней, в непроглядном мраке густого бурелома Мирославе послышались словно мурлыканье и легкий хруст. Она прислушалась — нет, это ей показалось!.. Тогда она смело пошла по этому своеобразному мосту. Но не успела Мирослава сделать и пяти шагов, как перегнившая пихта вдруг затрещала под ее ногами, подломилась, и отважная девушка вместе с гнилыми обломками рухнула вниз.

Она устояла на ногах, не выпустив из рук оружия, крепко сжимая окованную серебром рукоятку копья; за плечами у нее висел тугой лук и колчан со стрелами, а за красивым кожаным поясом, который охватывал стройный девичий стан, торчали топор и широкий охотничий нож с костяным черенком.

Неожиданно очутившись на дне мглистой ямы, девушка ни на миг не испытала страха; она стала осматриваться по сторонам, искала выхода отсюда и сначала не могла ничего разобрать; но вскоре она привыкла к полумраку, царившему вокруг, и тогда ее глазам представилось зрелище, которое наполнило бы смятением и страхом и заставило задрожать даже самого смелого храбреца. Не далее как в пяти шагах от нее лежала громадная медведица рядом со своими медвежатами и сердитыми зеленоватыми глазами смотрела на незваную гостью. Мирослава затрепетала. Вступать ли в борьбу со страшным зверем или продолжать искать выхода и позвать на помощь?

Однако найти выход было нелегко: вокруг щетиной торчали острые камни, сучья, обломки деревьев; с большим трудом можно было бы через них перебраться, но не на глазах у медведицы.

Мирослава решила не раздражать ее и лишь обороняться в случае нападения, а тем временем протрубить тревогу и позвать на помощь. Но едва раздался звук ее рога, как медведица вскочила и с воем бросилась к Мирославе. Лук теперь был бесполезен — зверь был слишком близко. Мирослава схватила обеими руками копье и, упершись плечами в находившийся сзади каменный выступ, наставила копье острием против медведицы. Та, увидев блестящее железо, приостановилась. Противницы застыли на миг в своих позах, не сводя глаз друг с друга. Мирослава не решалась напасть первой, а медведица высмат-

ривала, с какой стороны ей кинуться на врага. Вдруг она схватила передними лапами большой камень, поднялась на дыбы, собираясь швырнуть им в Мирославу, но в этот самый момент девушка мгновенным движением сильных рук всадила ей копье меж передних лопаток.

Издав невероятный рев, медведица опрокинулась навзничь, обливаясь кровью. Но рана была не смертельна — медведица тотчас же вскочила на ноги. С нее текла кровь, она ревела от боли и все же вновь кинулась на Мирославу. Это была страшная минута. Разъяренный зверь разевал уже прямо перед ней свою ужасную пасть. Единственным спасением было вскочить на каменный выступ. Миг — и Мирослава уже стояла на нем. Девушка облегченно вздохнула — теперь ее положение уже не было таким угрожающим: в случае нападения она могла бы разить зверя сверху. Но едва она успела подумать об этом, как медведица уже стояла неподалеку от нее на том же выступе, с грозно разинутой окровавленной пастью.

Холодный пот выступил на лбу у Мирославы; она поняла, что настала решительная минута, что на этой узкой каменной площадке сейчас разыграется последний акт борьбы не на жизнь, а на смерть, и победа останется за тем, кто сумеет удержаться здесь, столкнув вниз противника.

Медведица была уже совсем близко; Мирослава пыталась защищаться, наставив копье, но медведица схватила его зубами и рванула с такой силой, что едва не свалила Мирославу с выступа. Копье выскользнуло из рук, и зверь швырнул его прочь в бурелом.

«Теперь погибать!» сверкнула молнией мысль у Мирославы. Но девушка не растерялась. Крепко сжав обеими руками топор, приготовилась она к последней схватке. Зверь уже приблизился вплотную, и Мирослава чувствовала на своем лице его жаркое дыхание; мохнатая лапа, усаженная острыми когтями, протянулась к ее груди... Еще миг — и она лежала бы растерзанная и окровавленная, так как топорище было значительно короче лап огромного зверя.

— Спасите! — закричала Мирослава в смертельном ужасе.

В эту минуту над ее головой блеснуло копье, и пронзенная в горло медведица рухнула вниз с выступа, как колода.

Вверху, над головой Мирославы, в щели между каменными нагромождениями, показалось радостное разгоряченное лицо Максима Беркута. Благодарный взгляд спасенной девушки проникал все его существо. Но они не обменялись между собой ни одним словом. На это не было времени: медведица еще была жива.

Испуская рев, она одним прыжком очутилась возле своих детенышей, которые как ни в чем не бывало продолжали резвиться, катаясь с боку на бок в своем логовище. Обнюхав их, медведица снова ринулась к Мирославе, но девушка была к этому готова, и, подняв обеими руками топор, она с размаху раскроила зверю череп. Медведица, обливаясь кровью, дернулась несколько раз всем телом и издохла.

Тем временем Максим успел пролезть сквозь груды валежника и стать рядом с Мирославой. Из глаз девушки выкатились две жемчужные слезинки. Не говоря ни слова, она горячо пожала руку своему спасителю. Максим смешался и покраснел. Опустив глаза, он взволнованно произнес:

— Я слышал твой тревожный сигнал... но не знал, где ты... Хорошо еще, что хоть кое-как добрался...

Мирослава стояла в той же позе, все еще держа руку красивого юноши в своей руке, не отрывая взора от его обожженного солнцем, открытого, честного лица. В эту минуту она не испытывала к нему ничего, кроме благодарности за свое спасение.

Лишь когда Максим, несколько осмелев, пожал ее нежную — и такую сильную — руку, Мирослава почувствовала, как сладко защемило ее сердце. Она залилась стыдливым румянцем, опустила глаза, и уже готовое было слететь слово благодарности застыло на ее устах; только глаза ее светились дивным огнем первого разгорающегося чувства.

Максим овладел собою раньше, чем она. В его смелом и чистом, как золото, сердце родилась светлая мечта, превратившаяся тут же в твердое решение. Это вернуло ему спокойствие и прежнюю уверенность в себе. Приложив рог к губам, он радостно затрубил.

Рядом, за стеной бурелома, на этот победоносный клич отозвались рога Тугара Волка и других бояр.

Ловко, как белка, Мирослава быстро взобралась на ту самую груду, с которой рухнула вниз, и, стоя наверху,

поведала столпившимся внизу боярам о своем приключении.

С трудом взобрался к ней Тугар Волк, а за ним и остальные бояре. Тугар долго сжимал в объятиях свою дочь, а когда увидел на ее одежде кровь, весь задрожал.

— И ты, ты, дочь моя, находилась в такой опасности?!

И он опять и опять обнимал свою дочь, словно боясь потерять ее.

Затем он слез вниз, подошел к Максиму, который возился около убитой медведицы и медвежат. Малыши еще не видели в человеке своего врага; они мирно мурлыкали и резвились в своей берлоге, словно щенята, позволяя гладить себя, и совсем не боялись людей. Максим взял их на руки и положил перед Мирославой и Тугаром.

— Это ваша добыча, — сказал он. — Вы, чай, охотно примете в своем доме этих гостей...

Бояре смотрели со смехом и любопытством на медвежат и со страхом — на убитую медведицу, осматривали ее раны, удивляясь силе и отваге Мирославы, не побоявшейся вступить в борьбу с таким страшным зверем.

— О нет! — отвечала, смеясь, Мирослава. — Без помощи этого доброго молодца я бы теперь лежала, как эта медведица, окровавленная и растерзанная. Ему от меня великая благодарность.

Тугар Волк слушал слова своей дочери с угрюмым видом. Хоть он и любил ее без памяти и от всего сердца радовался ее спасению, но он предпочел бы, чтобы ее спасителем был боярский сын, а не этот простой тухольский мужик, этот «смерд», хотя этот смерд и сумел понравиться Тугару. Ему, гордому боярину, который вырос и достиг высоких почестей при княжеском дворе, трудно было публично, на глазах у всех бояр, благодарить мужика за спасение своей дочери. Но делать было нечего... Он взял Максима за руку и вывел его вперед.

— Добрый молодец, — сказал он, обращаясь к нему, — моя дочь, единственное мое дитя, говорит, что ты отвел от нее огромную опасность и спас ей жизнь. Я не имею оснований не верить ее словам. Прими же за свое доброе дело благодарность отца, любовь которого и вся его надежда заключаются в его детище. Я не знаю, чем можно отблагодарить тебя за это, но будь уверен, что

если представится случай, — боярин Тугар сделает все, что в его силах, и никогда не забудет, чем он обязан тебе.

Максим чувствовал себя словно на горячих угольях. Он не привык к подобным похвалам, не ждал и не желал их. Он смешался, не зная, надобно ли отвечать на них или нет, и сказал совсем просто:

— Не за что благодарить, боярин! Я сделал то, что каждый сделал бы на моем месте, — за что же тут благодарить? Пусть дочка твоя будет жива и здорова, но никакой благодарности я не заслужил.

Промолвив это, он пошел позвать своих тухольских товарищей. С их помощью медведицу быстро ободрали, а медвежат отнесли к месту сбора охотников, откуда по окончании облавы гости должны были возвратиться в лагерь.

Солнце уже стояло в зените, осыпая жаркими золотыми лучами Тухольские горы; в лесу еще сильнее пахло смолой; высоко над лугами, лишь изредка взмахивая распластанными в воздухе крыльями, гордо и неподвижно реял в лазурном океане ястреб. В природе царствовала ничем не нарушаемая тишина.

Облава закончилась. Впереди отряда шли тухольские пастухи, неся на шестах три медвежьи шкуры; в мешках барахтались медвежата, а на носилках позади отряда боярские слуги несли окровавленный, уже окоченевший труп несчастного боярина, погибшего в медвежьих лапах.

Под предводительством Максима охотничий отряд быстро достиг места стоянки лагеря.

Бояре хотели разойтись по домам сейчас же после обеда. Путь был не близкий, но Максим взялся проводить отряд более короткой лесной тропой к Тухле, а оттуда — к усадьбе Тугара Волка.

Тухольские пастухи, пообедав, разошлись по домам; Максим же оставался с боярами до тех пор, пока слуги убрали шатры и уложили всю кухонную утварь и охотничье снаряжение. После этого отряд двинулся в путь, домой.

II

Древняя Тухля была большим горным селением с двумя или тремя крупными выселками; всего в ней насчитывалось около полутора тысяч человек. Село и выселки

находились тогда не там, где лежит нынешняя Тухля, а много выше, среди гор, в просторно раскинувшейся, вытянутой в длину долине, которая теперь поросла лесом и зовется «Запалой долиной». В те древние времена, о которых идет речь, Запалая долина не была покрыта лесом, а представляла собой хорошо обработанное поле, досыта кормившее своих обитателей хлебом. Протянувшись более чем на полмили в длину и почти на четверть мили в ширину, долина эта, ровная, с илистой почвой, окруженная со всех сторон торчащими вверх скалистыми стенами высотой в три, а то и в четыре сажени, напоминала собой огромный котел, из которого вылита вода. Да, повидимому, так оно и было.

На востоке с полуторасаженной высоты в долину низвергался водопадом большой горный поток, прорывая себе путь меж тесных гранитных скал; поток вился ужом по долине и вытекал на западе через такую же теснину, разбиваясь на брызги среди гладких каменных стен, образуя по дороге еще ряд грохочущих водопадов, пока, наконец, одной четвертью мили ниже не впадал в Опор.

Высокие крутые берега тухольской котловины были покрыты темным пихтовым лесом, отчего долина казалась еще более погруженной в какую-то пустынную тишину и отрезанной от всего остального мира.

И действительно, это было громадное горное убежище, почти неприступное ни с какой стороны — такими, впрочем, тогда, во времена беспрерывных войн, усобиц и набегов, были почти все горные селения; только благодаря своей неприступности они и смогли дольше, чем подольские села [1], сохранить у себя древнерусский общинный уклад.

Тухольское население жило преимущественно скотоводством. Лишь долина, где было расположено самое село, да несколько небольших, лишенных леса поемных лугов были отведены под посевы и давали ежегодно богатые урожаи овса, ячменя и проса. На горных пастбищах, являющихся, как и окрестные леса, собственностью Тухольской общины, паслись громадные стада овец, составлявших основное богатство тухольцев: овцы давали им одежду и пищу, жир и мясо.

---

[1] Подольские, то есть лежащие по долинам.

В близлежащих лесах паслись коровы и быки; но самый характер местности, гористой, скалистой и недоступной, препятствовал разведению крупного рогатого скота.

Вторым основным источником благосостояния тухольцев были леса. Не говоря уж о дереве, шедшем на топливо и постройки, леса доставляли тухольцам пушнину, дичь, лесную ягоду и мед. Правда, жизнь среди лесов и неприступных гор представляла собой беспрерывную войну с природой: с наводнениями, снегами, дикими зверями и непроходимой местностью. Но эта борьба вырабатывала в народе силу, смелость, охотничью хватку и была опорой и главной пружиной его крепкого свободного общинного строя.

Было уже далеко за полдень, когда с высоких гор в Тухольскую долину стал спускаться знакомый нам охотничий отряд под предводительством Максима Беркута. Впереди шли Тугар Волк с дочерью и Максим; остальные участники охоты следовали за ними, разбившись на небольшие группы, делясь недавними впечатлениями и вспоминая различные охотничьи приключения.

Глазам охотников представилась Тухольская долина, облитая жаркими солнечными лучами, похожая на большое зеленое озеро с маленькими черными островками. Оно было окружено, словно высоким забором, каменными стенами, по которым там и сям карабкались вверх стебли зеленой ежевики и кусты орешника.

У самого входа в долину гремел водопад, разбиваясь о камни серебряной пеной; в скале рядом с водопадом был прорублен узкий проход, который вел вверх и дальше, по берегу потока, через пастбища, к самому Угорскому краю; это был известный тогдашним горцам Тухольский проход, самый удобный и безопасный после Дуклянского: десять окрестных общин — и с галицкой и с угорской стороны — работали почти два года над сооружением этого прохода. Тухольцы затратили на него трудов больше, чем другие, и поэтому гордились им, как делом собственных рук.

— Гляди, боярин, — сказал Максим, остановившись перед водопадом, у начала крутого, вырубленного в скале прохода, — погляди, боярин, это дело рук Тухольской общины. Вон туда, далеко, через Бескиды [1], тянется эта

[1] Бескиды — южные склоны Карпат.

дорога, первая в этих горах. Мой отец сам размечал вехами ее направление на протяжении пяти миль. Каждый мостик, каждая извилина, каждый подъем сделаны на всем этом пространстве по его указанию.

Боярин как-то неохотно глянул вверх, куда убегала, извиваясь меж скал потоком, проторенная горная дорога, потом посмотрел вниз, на конец прохода, и покачал головой.

— Твой отец имеет большую власть над общиной? — спросил он.

— Власть, боярин? — ответил удивленный Максим. — Нет, власти над общиной у нас не имеет никто: власть принадлежит самой общине и больше никому, боярин. Но мой отец, опытный человек, всегда готов служить общине. Так говорить на мирском сходе, как он, не умеет никто в горах. Община следует советам отца, но власти мой отец не имеет и не ищет ее.

Глаза Максима горели гордостью и восторгом, когда он говорил о своем отце. Тугар Волк слушал его задумчиво, склонив голову, зато Мирослава не сводила с Максима глаз. Слушая его, она чувствовала, что отец Максима делается и ей таким же близким, родным человеком, словно и она век прожила под его родительским попечением.

Но Тугар Волк становился все угрюмее, на лбу его собрались складки, и он устремил на Максима взор, сверкавший долго сдерживаемым гневом.

— Так это твой отец взбунтовал тухольцев против меня и князя? — неожиданно спросил он злым, резким тоном.

Как от жгучего прикосновения, вздрогнула от этих слов Мирослава; побледнев, она смотрела то на отца, то на Максима. Но Максим нисколько не смутился и спокойно ответил:

— Взбунтовал общину, боярин? Нет, это тебе неправду сказали. Вся община в гневе на тебя за то, что ты присваиваешь общинный лес и выпасы, даже не спросясь, согласна община или нет.

— Вот как! Еще спрашиваться вашей общины! Мне князь пожаловал этот лес и угодья, и не у кого мне больше спрашивать!

— То же самое говорит общине и мой отец, боярин. Мой отец успокаивает людей и советует дождаться общинного суда, где это дело разберут.

— Общинного суда! — вскричал Тугар Волк. — Чтобы я предстал перед этим судом?!

— Думаю, что и для тебя это было бы кстати. Ты мог бы всем доказать свое право, успокоить народ.

Тугар Волк отвернулся. Они продолжали итти высеченным в скале проходом, который вился змеей, чтобы дорога была не так крута и опасна. Максим шел позади, не сводя глаз с Мирославы. Но лицо его уже не светилось счастьем, как незадолго до этого. Чем мрачнее и угрюмее становился ее отец, тем явственнее видел Максим пропасть, которая разверзается между ним и Мирославой. Причем он, дитя гор, не знающий другого мира и боярских гордых замыслов, не подозревал, как глубока и широка была эта пропасть на самом деле.

Они спустились в долину. Под водопадом поток образовывал широкий, спокойный и чистый, как стекло, пруд. У его берегов стояли высокие шапки серебристой шипящей пены; дно пруда было усеяно большими и маленькими обломками скал; быстрые, как стрелы, форели мелькали меж камней, сверкая своими жемчужно-желтыми с розоватым отливом боками. Прямо перед глазами низвергался по каменной стене, словно столб живого серебра, грохочущий водопад, игравший при солнечном сиянии всеми цветами радуги.

— Какое чудесное место! — невольно воскликнула Мирослава, всматриваясь в отраженные в глубине пруда дико громоздящиеся скалы, окруженные темнозеленой полосой пихтового леса.

— Это наша Тухольщина, наш край! — сказал Максим, окидывая взором долину, горы и водопад с таким гордым видом, с каким не всякий государь обозревает свое царство.

— Только вы мне отравляете жизнь в этом раю, — сказал Тугар Волк.

Эти слова остались без ответа. Все трое продолжали путь в молчании. Они уже подходили к селу, которое широко раскинулось тесными рядами опрятных, крытых дранцами хат, густо обсаженных рябиной, вербами и развесистыми грушами.

Все люди работали на поле; в селе оставались только старые, почтенные седобородые деды, которые похаживали возле хат, что-то обтесывая или плетя силки и сети на зверя и рыбу или же обсуждая мирские дела.

Максим кланялся им, громко и дружелюбно приветствуя. Вскоре и Мирослава стала кланяться встречавшимся на пути старикам; лишь Тугар Волк шел мрачный и молчаливый, не желая даже взглянуть на тех смердов, которые смели противиться княжеской воле.

Но вот среди села им повстречалась странная процессия. Три празднично одетых старика несли на высоком, гладко обтесанном и изукрашенном серебром шесте большую, тоже украшенную серебром цепь, сделанную из одного куска дерева в виде перстня. Над этим сооружением развевалось малиновое, расшитое серебром знамя. Старики шли медленно. Они останавливались перед каждым двором и громко выкликали имя хозяина. Когда хозяин или кто-либо из обитателей дома являлся на зов, они обращались к нему со словами:

— Завтра на сход! — и продолжали путь.

— Это что за диво дивное? — спросил Тугар Волк, когда старики подошли к ним близко.

— Разве ты еще не видел этого? — удивленно ответил Максим.

— Не видел. У нас, близ Галича, нет такого обычая.

— На сход скликают, на общинный совет.

— А я думал, что это попы с хоругвями, — насмешливо бросил Тугар. — У нас, когда скликают сход, делают это тихо, передавая из хаты в хату общинное знамя.

— У нас общинное знамя носят по селу эти скличники. Они обязаны каждого по имени выкликать на сход. И тебя тоже покличут, боярин.

— Пускай себе кличут, я не приду! Меня не касается ваш сход. Я здесь по княжьей воле и могу сам собирать сход, когда найду это нужным.

— Ты сам... собирать сход? — спросил изумленный Максим. — Без наших скличников? Без нашего знамени?

— У меня свои скличники и свое знамя.

— Но ведь на твой сход никто из наших сельчан не пойдет. А как наш сход присудит — так в нашей общине и будет.

— Посмотрим, — сердито и упрямо сказал Волк.

К этому времени наши путники подошли вплотную к старикам. Увидев боярина, они поставили на землю знамя, и один из них произнес:

— Боярин Тугар Волк!

— Я, — ответил сурово боярин.

— Завтра на сход!

— Зачем?

Но скличники ничего не ответили на это и пошли дальше.

— Не их дело, боярин, отвечать на это, — пояснил Максим, всеми силами стараясь смягчить неприязнь боярина к общинному совету.

Воцарилось долгое молчание. Путники продолжали итти селом. Наконец Максим заговорил снова:

— Боярин, позволь мне, неопытному и молодому, молвить тебе слово?

— Говори, — ответил боярин.

— Приди завтра на сход!

— И подчиниться вашему холопскому суду?

— Что ж, боярин... Тухольская община судит по справедливости. А справедливому суду разве стыд подчиниться?

— Батюшка, — вмешалась в разговор и Мирослава, — сделай так, как говорит Максим! Он правильно говорит. Он спас мне жизнь и не станет давать тебе дурного совета. Он знает хорошо здешние обычаи.

Эта воистину женская логика заставила Тугара Волка невольно улыбнуться. Лицо его сейчас же снова омрачилось.

— Ты мне уже все уши прожужжала об этом Максиме! — бросил он. — Ну, спас тебе жизнь, и я благодарен ему за это и, если хочешь, дам ему пару быков. Но тут речь совсем о другом, во что не следует вмешиваться ни тебе, ни Максиму.

— Нет, боярин, — сказал на то Максим, — ты, верно, не захочешь унизить меня уплатой за мое незаметное дело. Ни я, ни мой отец не примем никакой платы. А то, что я тебя прошу притти завтра на сход, — я делаю только из искреннего расположения. Я хотел бы, боярин, чтобы между тобой и Тухольской общиной было полное согласие.

— Ну, пускай так, — согласился наконец Тугар Волк. — Приду завтра на этот ваш совет, но не для того, чтобы подчиниться ему, а лишь затем, чтобы поглядеть, что это за совет такой.

— Приди, боярин, приди! — радостно воскликнул Максим. — Увидишь сам, что Тухольская община умеет быть справедливой.

После слов Тугара Волка у Максима стало легко на сердце. Он сделался веселым, разговорчивым и указывал Мирославе то налево, то направо — на все красивое и достойное внимания, а такого вокруг было много. Путники находились как раз на самой середине села, в центре Тухольской долины. Отвесные скалистые берега сверкали по обеим сторонам котловины, словно прямые высокие мраморные стены. Поток бежал среди села, рядом с дорогой, шумя, пенясь, дробясь о камни, усеявшие его дно, и навевая прохладную свежесть на всю долину. По обе стороны на довольно высоких берегах потока, прорезанных в илистом дне древнего озера, были сооружены из камня и толстых пихтовых бревен и колод плотины, предохранявшие село от наводнения. Там и сям через поток были переброшены удобные мостки с перилами, а сейчас же за плотинами начинались огороды: грядки гороха и фасоли, стебли которых завивались вокруг жердей, грядки свеклы и капусты, а также участки пшеницы, тянувшиеся чистыми светлозелеными полосами далеко за хатами. Опрятные хаты были аккуратно огорожены; не обмазанные глиной стены, сложенные из гладко тесанных бревен, несколько раз в году мыли и скоблили речной галькой; лишь узкие полосы меж бревен были оштукатурены и выбелены гашеной известью, очень красиво выделяясь среди зеленых верб и груш. Перед каждым двором стояло по две липы, на которых держались красиво плетенные узорные ворота.

Почти над каждыми воротами висело прибитое к жерди чучело какой-нибудь хищной птицы: совы, сороки, ворона, ястреба или орла, с широко распростертыми крыльями и свесившейся вниз головой; это были изображения духов — покровителей дома. За хатами находились конюшни и другие хозяйственные строения, все под тесом, сложенные из толстых, гладко струганных брусьев; только многочисленные обороги[1] были крыты соломой, вздымая там и сям свои желто-золотые, между четырьмя высокими столбами, конусообразные чубы.

— Вот двор моего отца, — сказал Максим, указывая на один из дворов, ничем не отличавшийся от прочих.

[1] Оборог — соломенная крыша на четырех столбах (оборожных), которую по надобности можно опускать или поднимать. Под оборогом держат рожь, пшеницу, сено и проч., чтобы уберечь их от дождя.

Перед домом не было никого, но двери в сени были раскрыты, а в стене, обращенной на юг, были прорублены два небольших квадратных отверстия, которые либо стояли открытыми все лето, либо их задвигали тонкими полупрозрачными гипсовыми плитками; на зиму их заколачивали дощатыми ставнями. Это были тогдашние окна.

Мирослава с любопытством взглянула на это Беркутово гнездо; над воротами вправду висело чучело недавно убитого огромного беркута, который и теперь, после смерти, словно грозил своими могучими железными когтями и черным крючковатым окровавленным клювом. Уютом, спокойствием и чистотой веяло от этого подворья; его отделял от дороги поток, через который были переброшены широкие мостки; поток, тихо журча, катил свои хрустальные волны, которые бились о каменную плотину. Тугар Волк заглянул во двор.

— Ага, вот где сидит этот тухольский владыка! Ну, рад познакомиться с ним. Посмотрим, что это за птица.

Максим хотел распрощаться с боярином и его дочерью и завернуть во двор, но что-то словно тянуло его продолжать с ними путь. Мирослава, казалось, поняла это.

— Ты уже идешь домой? — спросила она, отворачиваясь, чтобы скрыть свое смущение.

— Хотел было, да раздумал. Провожу вас еще ущельем до вашей усадьбы.

Мирослава повеселела, сама не зная почему. И опять они пошли вместе по селу, оживленно разговаривая, бросая во все стороны взгляды, любуясь друг другом, наслаждаясь звуками голосов, близостью и забывая все вокруг, отца и общину. Ни одним словом не обмолвились они о себе, о своих чувствах или надеждах. Но в каждой, даже самой обыкновенной, равнодушно брошенной фразе трепетал жар молодых, согретых первой любовью сердец, проявлялась таинственная сила, притягивавшая друг к другу два молодых, здоровых и красивых существа, чистых и неиспорченных, которые в своей невинности даже и не подозревали о преградах, какие должна была встретить на своем пути их молодая любовь.

И Тугар Волк, шедший в тяжелом и мрачном раздумье, погруженный в размышления о том, чтоб завтра предстать перед этими смердами во всем своем блеске и показать им все свое значение и величие, — и Тугар Волк

ровно ничего не заметил: раздражало его лишь то, что этот молодой парень так смел и держится с ним и его дочерью, как с равными себе. Но до поры до времени он сдерживал свой гнев.

Они уже миновали село и приближались к тому месту, где тухольская котловина замыкалась, пропуская поток в долину лишь через узкое скалистое ущелье. Солнце, склоняясь к закату, уже стояло над лесом, купая косые лучи в пенящихся волнах потока. От скал, теснивших поток при выходе в долину, уже ложились длинные тени; в самом ущелье было сумрачно, холодно и скользко. Внизу грохотала вода, разбиваясь об огромные глыбы навален-ных грудами камней, а высоко вверху шумели гигантские пихты и буки. По обеим сторонам потока были прорублены в скалах удобные тропинки — тоже дело рук тухольцев.

Дрожь прошла по телу Мирославы, когда они вошли в это удивительное «Каменное ущелье». От царящего ли там холода, или от сырости, или бог знает от чего, но она вдруг схватила отца за руку и тесно прижалась к нему.

— Какое страшное место! — прошептала она, останавливаясь и бросая взоры вокруг себя.

И правда, место было необыкновенное, поражавшее своею дикостью. Ущелье было узкое, сажени три в ширину, не больше. Оно было так гладко отполировано стремительным течением горного потока, пробившего его в слоистой сланцевой скале, что любой посторонний человек мог бы поклясться, что оно сделано руками людей.

Перед самым входом в ущелье стоял высокий каменный столб, сильно подмытый волнами, тонкий внизу и расширяющийся кверху, с похожей на человеческую голову вершиной, поросший папоротником и карликовыми березками. Это был известный в народе Сторож, который, казалось, сторожил вход в Тухольскую долину и готов был обрушиться на всякого, кто с враждебной целью попытался бы проникнуть в этот тихий, счастливый уголок. Даже у самого Тугара Волка холодок пробежал по спине, когда он взглянул на этого страшного сторожа.

— Тьфу, экое каменное страшилище! Экий опасный камень! — сказал он. — Так навис над самым проходом, что того и гляди сейчас упадет!

— Это святой камень, боярин! — с уважением произ-

нес Максим. — Ему каждую весну плетут венки из огнецвета, это наш тухольский Сторож.

— Э, все у вас ваше, все у вас святое, все у вас тухольское, даже слушать надоело! — всердцах сказал Тугар Волк. — Будто, кроме вашей Тухольщины, и нет ничего на свете!

— Для нас и вправду нет, — ответил Максим. — Мы больше всего на свете любим наш уголок. Если бы все любили так свой край, тогда бы, верно, все люди на земле жили спокойно и счастливо.

Максиму, с его простой искренностью, даже в голову не приходило, как больно его слова укололи боярина в самое сердце. Он не заметил и злобного взгляда, который бросил на него Тугар Волк. Обращаясь к Мирославе, Максим продолжал спокойно и задушевно:

— А об этом камне, о нашем Стороже, я вам расскажу то, что слышал от отца...

Давно, очень давно это было, еще в те времена, когда великаны жили в наших горах. Здесь, где теперь находится Тухля, было большое озеро; котловина была еще тогда закрыта со всех сторон, и вода текла поверху; озеро это было заколдованное; в нем не водилось ничего живого: ни рыбки, ни червячка. И который зверь напьется из него, погибает; и которая птица вздумает его перелететь, падает в воду и тонет. Озеро находилось под властью Мораны, богини смерти.

Однажды случилось так, что царь великанов поссорился с Мораной и, чтоб сделать ей наперекор, хватил своим чародейским молотом по скале и разрушил стену. Вся вода вытекла из заколдованного озера и потеряла свою волшебную силу. Все вокруг сразу ожило: дно озера превратилось в плодородную долину и буйно зазеленело травами и цветами; горный поток наполнился рыбой; между камнями поползла всякая тварь; в лесу завелся зверь, в воздухе — птица. Взъярилась Морана, потому что она ненавидит все живое, и заклятьем обратила царя великанов в этот камень. А с самой долиной уже ничего поделать не могла, потому что не имела силы вернуть назад мертвую воду, вытекшую из озера. Если бы она могла вернуть эту воду до капли и закрыть этот выбитый в скале проток, то снова стала бы царицей наших гор.

А теперь, хоть царь великанов и неживой, но и Морана не имеет тут власти. Однако царь и не вовсе мертвый.

Обращенный в камень, он ждет своего часа и сторожит долину. Говорят, что Морана когда-нибудь еще соберет свою силу, чтоб завоевать нашу Тухольщину, и тогда этот заколдованный Сторож обрушится на ее силу и раздавит Морану своей тяжестью...

Со страшным чувством слушала Мирослава эту повесть; она глубоко запала ей в сердце — ей так хотелось пойти под водительством этого доброго и животворного царя великанов на бой с войском Мораны! Кровь быстрей заиграла в ее молодом сердце. Как сильно, как горячо любила она в эти минуты Максима!

А Тугар Волк хоть и слушал повесть Максима, однако, повидимому, не слишком ей верил; он лишь еще раз обернулся, взглянул на каменного тухольского Сторожа и презрительно улыбнулся, словно говоря: «Глупые смерды, какие пустяки составляют их гордость и надежду!»

Наши путники миновали узкое ущелье и вышли на свежий воздух. Перед их глазами внезапно раскрылась длинная, окруженная крутыми горами долина Опора, сливавшаяся где-то далеко-далеко с долиною Стрыя. Солнце уже клонилось к западу, отражаясь пурпурным багрянцем в волнах широкого Опора. Тухольский поток бешеными прыжками, с чудовищным шумом низвергался вниз, чтобы слиться там с Опором. Волны потока, ярко окрашенные закатным багрянцем, были похожи на кровь, хлещущую из огромной раны. Вокруг шумел уже потемневший лес.

Путники с минуту стояли, наслаждаясь бессмертной и живительной красотой природы. Максим был в нерешительности от засевшей в его голове мысли, которая так и рвалась на волю. Наконец он собрался с духом и подошел к Тугару Волку, дрожа и краснея.

— Отец боярин... — произнес он необычайно мягко и робко.

— Чего тебе?

— Дозволь мне быть твоим преданнейшим слугой...

— Слугой? Что ж, это нетрудно. Приходи с отцом и наймись, если окончательно решил поступать на службу.

— Нет, боярин, ты не так понял меня. Позволь мне быть твоим сыном!

— Сыном? Но ведь у тебя есть отец и, как я слышу, много лучше, справедливее и мудрее меня, так как он завтра будет судить меня.

Боярин горько и ядовито усмехнулся.

— Я хотел сказать... — поправился Максим, — я хотел не это сказать. Боярин, отдай за меня свою дочь, которую я люблю больше жизни, больше своей души!

Гром среди ясного неба не испугал бы так Тугара Волка, как эти пылкие и вместе с тем простые слова юноши. Он отступил на два шага и смерил Максима с ног до головы уничтожающим и презрительным взглядом. Лицо его приняло недоброе выражение и посинело, зубы были крепко сжаты, губы дрожали.

— Смерд! — крикнул он вдруг таким голосом, что этот злой окрик эхом прокатился по окрестным горам. — С какими словами посмел ты обратиться ко мне?! А нука, повтори еще раз. Не может быть, чтобы я и впрямь их слышал, это мне лишь почудилось!

Грозный боярский окрик пробудил в Максиме присущую ему смелость и решительность. Он выпрямился перед бояриным, как молодой стройный тополь, и ответил почтительно, но твердо:

— Ничего худого я не сказал тебе, боярин, ничего такого, что затронуло бы честь твою или твоей дочери. Я просил руки твоей дочери, которую я люблю так, как никто на свете любить не будет. Неужто пропасть между твоим боярским и моим мужицким родом так велика, что ее не может заполнить любовь? Да и чем же ты настолько выше меня?..

— Молчи, смерд! — прервал его яростным криком Тугар Волк. — Рука моя судорожно стискивает рукоять меча, чтобы проткнуть твое глупое горло! Одно только спасает тебя, что ты сегодня выручил мою дочь из беды! Иначе ты в ту же минуту лег бы мертвым за такие слова! И ты, безумный, мог помыслить об этом, посмел поднять глаза на нее, мою дочь?.. И потому лишь, что я и она разговариваем с тобой по-человечески, а не гоним тебя, как собаку! И ты думал, что, спасая ее из когтей медведицы, ты добыл ее для себя, точно пленницу? О нет! Если бы так было суждено, пусть она лучше погибла бы в кровавых объятиях дикого зверя, чем досталась тебе!

— Нет, боярин, не говори этого! Лучше было бы мне погибнуть в медвежьих лапах, чем хоть одному волосу упасть с ее головы!

При этих словах Мирослава отвернулась, скрывая от отца и Максима так долго сдерживаемые, но все же брызнувшие слезы.

Но Тугар Волк не обратил никакого внимания на слова Максима.

— И ты, подлое хамское отродье, — продолжал он, — смеешь равнять себя со мною! Со мною, который весь свой век провел с князьями, удостоился княжеской похвалы и награды за рыцарские подвиги! Моя дочь может выбирать себе жениха среди самых прославленных, первых рыцарей в стране, а я вместо этого вдруг взял бы да и отдал ее тебе, холопу, в твое жалкое тухольское гнездо, где она бы увяла, засохла и погибла в нужде! Нет, нет, ступай прочь, бедняга, ты просто не в полном рассудке и сказал свои слова в припадке безумия!

Максим уже увидел, что его надежды разбиты, что боярин слишком высоко заносится, слишком презрительно смотрит на него. Как ни тяжело было Максиму, но делать было нечего.

— Боярин, боярин, — произнес он печальным тоном, — слишком высоко занесся ты на крыльях гордости, но смотри! Судьба обычно тех возносит слишком высоко, кого собирается ниже всего сбросить. Не гнушайся бедными, не гнушайся низкими, не гнушайся работающими, боярин! Кто знает, кому из какой криницы придется воду пить!

— Ты еще смеешь учить меня! — вскричал разъяренный Тугар Волк, и глаза его загорелись безумным гневом. — Прочь с глаз моих, а не то, богом клянусь, не погляжу ни на что и проткну тебя этим ножом, как проткнул нынче утром медведя!

— Не гневайся, боярин, за слово глупого парня, — ответил все так же спокойно Максим. — Прощай! Прощай и ты, моя звезда, так чудесно блеснувшая мне лишь на миг, чтоб теперь навек для меня померкнуть! Прощай и будь счастлива!

— Нет, довольно молчать! — произнесла вдруг Мирослава, оборотясь лицом к Максиму. — Я не померкну для тебя, добрый молодец, я буду твоей!

Тугар Волк остолбенел от неожиданности.

— Что ты говоришь, дочь моя! — наконец воскликнул он.

— То, что слышишь, отец. Отдай меня за Максима! Я выйду за него замуж.

— Глупая девушка! Это невозможно.

— Попробуй и ты увидишь, что возможно.

— Ты в горячке, дочка, ты испугалась дикого зверя, ты больна!..

— Нет, милый отец, я здорова и повторяю еще раз: клянусь перед этим ясным солнцем, что этот юноша будет моим мужем! Солнце, будь моим свидетелем!

И она взяла за руку Максима и жарко прильнула устами к его устам. Тугар Волк был так ошеломлен, что не пошевельнулся, не произнес ни слова.

— А теперь, добрый молодец, иди домой и не бойся ничего. Мирослава поклялась, что будет твоею, и она сумеет сдержать свою клятву. А мы, отец, давай поторопимся домой. Вон уже видна наша усадьба, а вот и наши гости подходят.

И, сказав это, удивительная девушка взяла еще не пришедшего в себя отца за руку и стала спускаться с горы. А Максим еще долго стоял на месте, счастливый и очарованный. Наконец он очнулся и, опустившись на колени, помолился заходящему солнцу, как молились его деды и прадеды, как молился тайком и его отец.

Потом он поднялся и медленным шагом пошел домой.

III

За селом Тухлей, сейчас же за водопадом, стояла посреди поляны громадная липа. Никто не помнил, когда она была посажена и когда она разрослась здесь, такая большая и развесистая. Тухля была не слишком древним поселением, и деревья, росшие в Тухольской долине, были куда моложе этой липы; поэтому неудивительно, что тухольские жители считали это дерево старейшим свидетелем седой старины и окружали его великим почетом.

Тухольцы верили, что эта липа — дар их извечного покровителя, царя великанов, собственноручно посадившего ее в Тухольской долине в честь своей победы над Мораною. Из-под корней липы бил прозрачный родник, тихо журчавший по мелким камешкам и вливавшийся в поток. Здесь было место мирских сходок, сельского веча, являвшегося встарину высшей и единственной властью в червоннорусских общинах.

Вокруг расстилалась широкая ровная площадь. На ней рядами тянулись к западу гладко тесанные камни, служившие скамьями для сельских старейшин, родоначаль-

ников. Количество скамей соответствовало числу родоначальников. Дальше находилось ничем не занятое пространство. Под липой, над самым родником, стоял четырехгранный камень с просверленным посредине отверстием, куда во время схода общины вставляли древко общинного знамени. А сбоку стояло другое возвышение — для беседника, то есть для того, кто выступал перед народом по какому-нибудь делу; он покидал свое место и всходил на это возвышение, чтобы все могли его слышать.

На другой день после боярской охоты густые толпы тухольцев усеяли эту площадь. Шум стоял в долине. Медленной поступью шли сюда из села один за другим старейшины и усаживались на своих местах. Шумно собиралась молодежь, становясь широким полукругом за скамьями. На сход явились и женщины, хотя их количество было невелико; все взрослые — как мужчины, так и женщины — имели право принимать участие в собрании. И хотя правом решающего голоса пользовались только старейшины — родоначальники, однако все — и молодежь и женщины — могли свободно высказывать свое мнение.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда из села последними пришли скличники, неся пред собой общинное знамя. При их появлении все кругом зашептались, но когда скличники подошли близко, все смолкло. Скличники троекратно поклонились собранию, стали под липой и обнажили головы. Все собрание последовало их примеру.

— Честной народ! — обратились к собравшимся скличники. — Согласны ли вы нынче совет держать?

— Согласны, согласны! — загудело собрание.

— Пускай же вам бог помогает! — сказали скличники и, высоко подняв общинное знамя, воткнули его в отверстие, просверленное в камне. Это было знаком того, что собрание открыто.

Затем поднялся со своего места старейший из всех присутствовавших, Захар Беркут, и медленной, но твердой поступью подошел к липе; прикоснувшись к ней рукой, он опустился на колени у бегущего из-под ее корней родника и окропил водою глаза и губы. Это была обычная древняя церемония, знаменовавшая собой то, что у участников народного собрания уста должны быть чисты ми и зрение ясным. Потом он уселся на возвышение, обратясь лицом к народу, то есть на восток.

Захар Беркут, седой, как голубь, старик, имевший более девяноста лет от роду, был старше всех в Тухольской общине. У него было восемь сыновей, из которых трое уже сидели вместе с ним среди старейшин, а меньшой его сын, Максим, выделялся среди тухольских молодцов, как молодой дубок выделяется среди зеленой поросли.

Высокого роста, величавый, со строгим лицом, умудренный жизненным опытом, знанием людей и обстоятельств, Захар Беркут являл собой истинный образец тех древних патриархов-отцов и водителей народа, о которых говорят нам тысячелетние песни и предания. Несмотря на свою глубокую старость, Захар Беркут был еще силен и крепок. Правда, он уже не работал в поле, не гонял овец на горные пастбища и не промышлял зверя в лесных дебрях, но трудиться не перестал. Сад, пасека и приготовление лекарств — вот что было теперь его работой. Едва весна бывало заглянет в Тухольские горы, как Захар Беркут уже в своем саду копает, чистит, подрезывает, прищепливает и пересаживает. Дивились тухольцы его умению и знаниям, и тем больше дивились, что не скрывал он своих знаний, а охотно обучал каждого, показывал и привлекал к своему делу.

Пасека его находилась в лесу, и каждый ясный день Захар Беркут ходил туда, хоть путь был не близкий и утомительный. Однако больше всего почитали тухольцы Захара Беркута за его лекарства. Как только наступит время между троицей и праздником Купалы, Захар Беркут вместе с меньшим сыном Максимом уходит на несколько недель в горы собирать лекарственные травы.

Правда, простота и чистота нравов того времени, свежий тухольский воздух, просторные, светлые хаты и неустанный, но отнюдь не чрезмерный труд — все это оберегало людей от частых болезней и эпидемий. Зато часто случались увечья и раны, которых, верно, ни один знахарь не смог бы так быстро и так хорошо залечить, как Захар Беркут.

Однако не в этом видел Захар Беркут главный смысл своей стариковской жизни.

— Человеческая жизнь имеет лишь до той поры цену, — говаривал он частенько, — пока человек может помогать другим. Когда же он становится бременем для других, а пользы от него нет никакой, тогда это уже не человек, а помеха, тогда и жить-то не стоит. Упаси меня

бог стать когда-нибудь кому-нибудь в тягость и есть данный мне из милости, хоть пускай и заслуженный хлеб!

Эти слова были путеводной золотой нитью в жизни Захара Беркута. Все, что бы он ни делал, ни говорил, ни думал, он делал, думал и говорил, лишь имея в виду добро и пользу других и прежде всего — общественную. Община — вот был его мир, цель его жизни. Видя, что медведи и кабаны часто нападают в горах на скотину и человека и нередко наносят им увечья, он, будучи еще молодым парнем, задумал научиться излечивать раны. И вот, покинув родительский дом, он пустился в далекий неведомый путь, к некоему знаменитому ворожею, который, по слухам, умел заговаривать стрелы и кровь. Однако заговоры этого лекаря оказались пустыми. Захар Беркут, явившись к нему, пообещал дать десять куниц, если тот научит его своему заклинанию. Ворожей согласился, но Захару недостаточно было выучить слова, он хотел убедиться, действует ли заклинание. Он вынул нож и вонзил его глубоко себе в бедро.

— Заговори! — сказал он изумленному знахарю.

Ворожба не подействовала.

— Э, — сказал врач, — это потому не удается, что ты сам себя ранил. Такие раны заговорить нельзя.

— Нет, видно, твои заговоры плохи, и мне таких не нужно. Я ищу таких заговоров, которые бы не спрашивали, сам ты себя ранил или нет, а излечивали бы всякую рану.

И Захар Беркут тут же покинул знахаря и пошел дальше разыскивать лучших врачей. Долго скитался он по горам и долам, пока через год не пришел к скитским монахам[1]. Среди них был один столетний старец, долгое время пробывший на Афонской горе у греков и прочитавший там множество греческих книг. Этот монах умел прекрасно лечить раны и обещал обучить своему искусству всякого, кто проживет вместе с ним год в добром согласии и покажется ему человеком доброго сердца и чи-

[1] Упоминая о скитских монахах, я не имею в виду существовавшего в действительности исторического Манявского скита, основанного Иовом Княжицким в начале XVII века, а пользуюсь преданием о первых апостолах Карпатского подгорья, киево-печерских монахах, о путешествии и поселении которых в Коломийских горах рассказывает Антон Могильницкий в своей поэме «Скит Манявский», частично вымышленной, а частично построенной на основе действительной народной традиции. *(Примеч. автора.)*

стой души. Много учеников являлось к этому вечно погруженному в думы и всегда угрюмому старику, но ни один из них ему не понравился, никто из них не прожил с ним условленного срока и не унес с собой его целительных тайн.

Об этом-то лекаре и прослышал Захар Беркут и решил попытать счастья. Придя в Скитский монастырь, он попросил допустить его к старцу Акинфию, которому откровенно рассказал о цели своего прихода. Седобородый угрюмый старик Акинфий взял его к себе без возражений, и Захар пробыл у него не один год, а целых три. Вернулся он из Скита другим человеком: его любовь к общине стала еще крепче и горячей, его речь текла чистой, кристальной струей, слова были спокойны, разумны и тверды, как сталь, а против всякой неправды — остры, как бритва.

В своей продолжавшейся четыре года отлучке Захар Беркут видел свет, побывал и в Галиче и в Киеве, видел князей и их дела, близко узнал и воинов и купцов, и его простой, ясный ум вкладывал все виденное и слышанное в сокровищницу своей памяти как материал для размышлений. Он возвратился из своего путешествия не только врачом, но и гражданином.

Видя там, в долинах, как князья со своими боярами всеми силами стараются разорвать и ослабить общинный свободный порядок, существовавший в селах, чтобы с тем большей легкостью превратить затем разъединенных и разрозненных людей в своих невольников и слуг, Захар Беркут убедился в том, что для его братьев-крестьян нет другого спасения и надежды, как только хорошо налаженный, разумно действующий и крепнущий общинный уклад, крестьянское объединение и дружба.

От старца Акинфия и других бывалых людей Захар много наслышался об общественном устройстве в Северной Руси, в Новгороде и в Пскове, о растущем благосостоянии тамошних жителей, и все это зажгло в его пылкой душе желание посвятить всю свою жизнь исправлению и укреплению добрых общинных порядков в его родной Тухольщине.

Семьдесят лет минуло с той поры. Подобно древнему дубу-великану, стоял Захар Беркут среди молодого поколения и мог видеть теперь плоды своей деятельности. И, вероятно, не без радости взирал он на них. Была едина

и дружна Тухольская община и в труде, и в отдыхе, и в радости, и в горе. Община являлась сама себе судьей и управителем. Общинное поле, общинные леса не требовали сторожа: община сама всегда и везде зорко стерегла свое добро. Бедняков в общине не было — земля доставляла пропитание всем, а общественные закрома и риги были всегда открыты для нуждающихся. Князья и бояре завистливым оком глядели на эту жизнь, в которой им не было места и которая в них не нуждалась.

Раз в год приезжал в Тухольщину княжеский сборщик податей, и община старалась возможно скорее избавиться от неприятного чиновного гостя; спустя день или два он уезжал, нагруженный всяческим добром: подати большей частью тухольцы уплачивали натурой. Однако в Тухольщине сборщик податей княжеских не был таким полновластным хозяином, как в других селах. Тухольцы хорошо знали, что полагается сборщику, а что князю, и не допускали чрезмерных поборов.

Благодетельное влияние Захара Беркута сказывалось не только в Тухольщине: его знали на несколько десятков миль вокруг — и на украинской и на угорской стороне. И знали его не только как прекрасного целителя, излечивающего всякие раны и болезни, но также и как великолепного беседника и советчика, который «лишь только заговорит, то словно бог в твое сердце входит». И если дает совет — отдельному ли человеку или всей общине, — то хоть всю площадь стариками заполни, и те все вместе, верно, лучшего совета не надумают.

Давно уже Захар Беркут пришел к твердому убеждению, что, подобно тому как слаб и беспомощен человек, если он один, — так слаба и каждая община в отдельности, и лишь содружество многих соседних общин, их совместные действия дают им необходимую силу и укрепляют в каждой общине ее свободное устройство.

Поэтому, отдавая все силы своей Тухольщине, Захар никогда не забывал и о соседних общинах. Еще во времена своей молодости он часто посещал другие общины, бывал там на мирских сходах, старался хорошо ознакомиться с людьми и их нуждами, и всегда и везде его советы и увещания имели одну цель: укрепление дружбы, товарищеских и братских связей между людьми и между общинами. А связи между соседними общинами в те времена еще были достаточно живы и крепки. Разъедающая

власть бояр и князей была еще не достаточно сильна, чтобы полностью их уничтожить, и потому нет ничего удивительного, что под руководством любимого всеми, такого опытного и преданного общественному делу человека, как Захар Беркут, эти связи быстро восстановились и окрепли.

Связь с украинскими общинами, находившимися на угорской стороне, имела особенно важное значение для Тухольщины, да и для всего стрыйского нагорья, изобиловавшего овечьей шерстью и шкурами, но нуждавшегося в хлебе, который был в изобилии у загорных жителей. Поэтому одной из главнейших забот Захара было проложить прямую и безопасную дорогу на угорскую сторону. Много лет он носился с этой мыслью, исходил вдоль и поперек тухольские окрестности, прикидывал, где будет лучше, безопаснее и дешевле проложить эту дорогу, и в то же время медленно, но настойчиво склоняя горные общины по обеим сторонам Бескид к этому предприятию.

Пользуясь всяким удобным случаем, он на каждом из общинных собраний не переставал доказывать необходимость и выгоды такой дороги, пока наконец не добился своего. Больше десяти ближних и дальних общин прислали своих выборных на общинный совет, на котором должен был обсуждаться вопрос о постройке новой дороги. Это был радостный для Захара день. Он не только с радостью принялся сам ставить вехи, указывающие направление дороги, но вызвался самолично наблюдать за работой во все время постройки дороги, а кроме того, прислал на работу четырех своих сыновей; пятый же его сын, кузнец, должен был со своей передвижной кузницей находиться все время на постройке для приведения в порядок необходимого инвентаря.

Каждая из общин высылала от себя по нескольку десятков человек, снабженных собственной провизией, и под руководством неутомимого Захара дорога была окончена за один год. Ее выгоды стали очевидны для всех. Связь с тогда еще богатыми угорско-украинскими общинами оживила весь нагорный край. Начался живой, обоюдовыгодный обмен продуктами своего труда: в одну сторону шли овечьи шкуры, сыр и целые стада овец; в другую — пшеница, рожь, полотна. Но польза Тухольской дороги заключалась не только в этой обменной торговле. Дорога являлась также проводником различных известий

о жизни общин по ту и по другую сторону Бескид, она была живой нитью, связывавшей детей одного народа, оказавшихся в двух разных государствах.

Правда, Тухольская дорога была не первой такой нитью. До нее существовала пользовавшаяся гораздо большей славой Дуклянская дорога. Но червоннорусским князьям она была не по сердцу по многим причинам: из них главной, может быть, было даже не то, что по этой дороге поддерживалась живая связь между общинами по ту сторону Бескид (и тем самым укреплялись в них вольные общинные порядки), а то, что по этой дороге мадьярские короли и дуки частенько вторгались со своим войском в Червонную Русь.

Вот почему галицкие и перемышльские князья пытались если не вовсе запереть, то, по крайней мере, укрепить эти входные ворота в свои владения. Понятно, что такое «укрепление», произведенное государственной властью и в государственных целях, должно было пойти во вред общинам и их самоуправлению.

Князья посадили вдоль Дуклянской дороги своих бояр, роздали им общинные земли, обширные угодья и поместья, вменив в обязанность охранять дуклянские ворота. В случае нападения бояре должны были сдерживать неприятеля с помощью военных дружин, набранных из окрестных крестьян, а также с помощью засек, то есть преград из камня и дерева, которыми заваливали в узких местах дорогу и делали ее совершенно непроходимой для неприятельских войск.

Разумеется, все это главной своей тяжестью ложилось на плечи общин. Они не только теряли часть испокон века принадлежавших им земель, на которых располагались бояре, но вынуждены были, кроме того, выставлять посты, давать дружинников и слуг боярам, делать засеки; в военное же время они полностью были подчинены боярам и их суду.

Ясное дело, что наделенный такими широкими правами боярин становился могущественной силой в селе и, естественно, всеми способами старался еще более укрепить свое могущество. В целях обогащения бояре ставили на дорогах засеки-рогатки не только в военное, но и в мирное время и взимали плату за проезд; это приводило к прекращению движения по Дуклянской дороге и к ослаблению живой связи между общинами. Одновременно

с ослаблением этой связи приходил в упадок и вечевой свободный строй в общинах. Боярская власть не могла и не желала терпеть рядом с собой существование другой, общинной, власти. Между общинами и боярами неминуемо должна была возникнуть и возникла упорная и жестокая борьба, которая закончилась не в пользу общин.

Однако те времена, о которых идет речь в нашем рассказе, борьба еще далеко не была закончена, а кое-где, в отдаленных горных селениях, она даже и не начиналась — и это были (это можно сказать с уверенностью) наиболее счастливые уголки тогдашней Руси.

К таким счастливым уголкам принадлежала и Тухольщина. Дорога же, проложенная через Бескиды на Угорщину, обеспечила ей благосостояние на долгое время. Тухольскую дорогу еще не захватили в свои руки бояре, она была свободна для всякого, но жители смежных с нею сел — как с червоннорусской, так и с угорской стороны — зорко охраняли ее от неприятельских вторжений, давая знать друг другу о грозящей опасности, которую своевременно отражали соединенными силами всех заинтересованных общин. Неудивительно поэтому, что лежащая у самой дороги, как раз в середине пути между Угорщиной и подгорьем, Тухольщина отличалась не только все растущим благосостоянием, но и свободным общинным строем. Ее пример поднимал и поддерживал дух населения всего окрестного нагорья, особенно тех сел, в которых к этому времени появились княжеские бояре и где уже началась губительная борьба между старыми общинами и новыми господами.

Горячее слово Захара Беркута и огромное уважение, которым он пользовался, немало способствовали тому, что бóльшая часть общин хорошо держалась в этой борьбе. Бояре не могли распространять свою власть так быстро, как им того хотелось бы, и вынуждены были жить в добром согласии с общинами, будучи подсудны в мирное время общинным судам и заседая в них рядом со старейшинами общины, как равные с равными.

Но такое положение боярам крайне не нравилось. Они дожидались войны, словно большого праздника, ибо надеялись тогда одним ударом захватить власть в свои руки и до основания уничтожить ненавистный общинный порядок, чтобы однажды захваченная ими власть больше не ускользала из их рук.

Однако войны все не было. Как ни хорошо относился к боярам — невпример своему отцу — властитель Червонной Руси князь Данила Романович, особенной помощи он им оказать не мог, занятый то домогательством королевской короны, то усобицами князей, дравшихся за великокняжеский киевский престол, и меньше всего обеспечением своей страны от нашествия нового, доселе неизвестного врага — монголов.

Десять лет назад они появились, как страшная грозовая туча, на восточных границах Руси, в придонских степях, и разбили русских князей в страшной, кровавой битве у реки Калки. От Калки, однако, они внезапно, словно напуганные храбростью русичей, повернули назад, и вот уже истекал десятый год, как о них ничего не было слышно. Лишь глухая тревога волновала народ, как волнует созревающее поле дыхание знойного ветра, и никто не знал, уляжется ли он или нагонит грозную градовую тучу. А меньше всего знали и думали об этом князья и бояре.

После разгрома у Калки они преспокойно занялись своим старым делом — спорами о престолонаследии и уничтожением свободных, самоуправляющихся общин. Безумные! Они подрывали корни дуба, кормившего их своими желудями!

Если бы они использовали свою власть и силу для укрепления, а не для уничтожения общинных порядков и живой связи между общинами, тогда бы наша Русь не пала под стрелами и топорами монголов, она бы устояла против них, подобно тому как распространивший глубоко под землей свои корни дуб-гигант выстаивает против осенней бури.

Счастлива была Тухольщина, ибо до сих пор ее как-то миновали несытые взгляды князей и бояр. То ли потому, что она лежала далеко, затерявшись между горами и скалами, то ли потому, что она была не особенно богата. Так или иначе, у бояр не было охоты забираться в такую глушь. Однако это счастье было недолговечным. В один прекрасный день приехал в Тухольские горы боярин Тугар Волк и, не говоря никому ни слова, стал строить на холме над Опором, в отдалении от Тухли, но на Тухольской земле, дом. Тухольцы с удивлением смотрели на это, молчали и не мешали новому гостю. Однако они стали допытываться, кто он, откуда и зачем явился сюда.

— Я боярин князя Данилы! — гордо отвечал им Тугар Волк. — За мои заслуги князь наградил меня землями и лесами на Тухольщине.

— Но ведь эти земли и леса принадлежат общине! — отвечали ему тухольцы.

— Это меня не касается, — бросил им боярин. — Идите к князю и домогайтесь у него своих прав. У меня есть грамота, и я знать ничего не хочу.

Тухольцы качали головами в ответ на такие боярские слова и не отвечали ничего. А боярин тем временем продолжал себя вести все так же горделиво, похваляясь княжьей лаской, и все время упоминал о княжеской воле, впрочем ни в чем и не стесняя тухольцев и не вмешиваясь в их общественные дела. Тухольцы, особенно молодежь, поначалу не то из любопытства, не то из чувства гостеприимства частенько приходили к боярину, оказывая ему те или иные услуги, но потом вдруг прекратили свои посещения и, очевидно, стали избегать его. Это сначала удивило, а затем рассердило боярина, и он начал чинить тухольцам всяческие пакости.

Его дом находился у дороги, и Тугар Волк, по примеру прочих бояр, устроил на дороге громадную рогатку, требуя от проезжих пошлинной платы.

Но тухольцы были тугой народ. Они сразу поняли, что начинается решительная борьба, и, по совету Захара Беркута, решили твердо и неотступно отстаивать свои права. Через неделю после того как была поставлена рогатка, общинный совет послал своих представителей к Тугару Волку. Те задали ему короткий и прямой вопрос:

— Что ты делаешь, боярин? Зачем запираешь дорогу?

— Так мне хочется! — высокомерно ответил боярин. — Если вам это не нравится, идите жалуйтесь на меня князю.

— Но ведь эта дорога не княжеская, а общинная.

— Это меня не касается!

С тем представители и ушли. Но вскоре по уходе их из Тухли явилась целая дружина сельской молодежи, вооруженная топорами, изрубила рогатку в мелкие куски, сложила из них костер и сожгла неподалеку от боярского двора. Боярин неистовствовал у себя во дворе, проклиная грязных смердов, но вступать в борьбу с ними не осмелился и больше рогаток не ставил.

Первое нападение на общинные права было отбито, но тухольцы не предавались преждевременной радости: они хорошо знали, что после первого нападения следует ожидать второго. Так оно и случилось. Однажды в Тухлю прибежали пастухи с криком, что боярские слуги гонят их с самого лучшего участка. Не успели пастухи как следует рассказать эту печальную новость, как примчались лесники с известием, что боярин отмеривает и отводит для себя громадную площадь лучшего общественного леса. Опять общинный совет послал выборных к Тугару Волку.

— За что ты, боярин, обижаешь общину?

— Я беру только то, что мне подарил мой князь.

— Но ведь это не княжьи, а общинные земли! Князь не мог дарить то, что ему не принадлежит.

— Ну, так идите к князю и жалуйтесь! — отвечал боярин и отвернулся.

С той поры началась настоящая война между боярином и тухольцами. То тухольцы гонят боярские стада со своих пастбищ, то, наоборот, боярские слуги гонят стада тухольцев. Лес, захваченный боярином, стерегли и общинные и боярские лесники, и между ними не однажды происходили ссоры и драки. Это бесило боярина все больше и больше. В конце концов он приказал убивать скотину, пойманную его слугами на захваченном пастбище, а одного общинного лесничего, задержанного в захваченном лесу, велел привязать к дереву и сечь розгами чуть не до смерти.

Это было уже слишком много для Тухольской общины. Много голосов раздавалось за то, чтобы, по давнему обычаю, к боярину применили закон о непокорных и вредных общинниках, разбойниках и грабителях, и выгнали бы его с Тухольской земли, а дом разрушили до основания. Бо́льшая часть тухольцев присоединилась к этому, и, вероятно, круто пришлось бы боярину, если бы Захар Беркут не высказал своего мнения, что нельзя осуждать никого, не выслушав сначала его доводов, и что справедливость требует прежде всего позвать боярина на общинный суд, дать ему возможность высказаться и затем уже поступать с ним так, как постановит общинный совет. Община приняла это разумное предложение.

Вероятно, никто на нынешнем собрании не понимал так ясно всей важности происходящего, как Захар Бер-

кут. Он видел, что дело всей его жизни колеблется на острие общинного приговора. Если бы вопрос шел о простой справедливости, Захар Беркут вполне полагался бы на общину. Но тут приходилось принимать во внимание — впервые на тухольском общинном суде — и ряд посторонних, но чрезвычайно важных обстоятельств, которые запутывали дело почти до полной безнадежности. Захар отлично понимал, что и благоприятный и неблагоприятный приговор одинаково грозит общине огромной опасностью. Решение в пользу боярина будет обозначать признание не столько права, сколько силы боярина и раз и навсегда подчинит ему общину, отдаст в его руки не только захваченные уже леса и пастбища, но и всю общину, будет первой и самой опасной брешью в свободном общественном устройстве, над обновлением и укреплением которого он неустанно трудился в течение семидесяти лет.

Решение же не в пользу боярина, постановление изгнать боярина из общины грозит также большой опасностью. А вдруг боярин сумеет уговорить князя, возбудит его гнев, убедит его, что тухольцы — бунтовщики? Это может вызвать сильнейшую бурю, а то и привести к полному уничтожению Тухольщины. В результате подобных решений многие общины бывали превращены в развалины, князья признавали их бунтарскими и отдавали боярам и боярским дружинам на поток и разграбление.

Все это наполняло сердце старого Захара тяжкой печалью, и он жарко молился перед началом общинного совета великому Дажбогу-Солнцу, чтобы тот просветил его разум и помог общине и ему самому найти правильный путь.

— Честная община! — так начал он свою речь. — Не буду от вас скрывать, да, впрочем, вы и без меня хорошо знаете, какие трудные дела ждут сегодня нашего обсуждения. Когда я смотрю на то, что делается вокруг и что грозит нам самим, то мне представляется, что наша спокойная доныне общинная жизнь кончилась безвозвратно и что для всех нас наступает пора показать в деле, в борьбе, силен ли, хорош ли наш общинный уклад и может ли он выдержать надвигающуюся грозную бурю. Какая буря надвигается на нас — и не с одной только стороны, — вы уже знаете, а еще лучше узнаете сегодня, поэтому я о ней не стану говорить. Я хотел бы только

разъяснить вам и укрепить вас в мысли, чего нам, по моему мнению, нужно держаться, держаться твердо, до последней возможности. А впрочем, тут ни у меня, ни у кого другого нет власти над вами... Захотите — послушаетесь, не захотите... воля ваша. Только скажу вам, что сегодня мы стоим на распутье, сегодня нам придется выбирать: сюда или туда. Поэтому следует нам, людям старым и опытным, делая выбор, хорошенько понять то, на чем мы стоим сейчас и куда этот выбор может нас повести.

Поглядите, честные общинники, на наше мирское знамя, которое вот уж пятьдесят лет слышит наши речи и видит наши дела. Знаете ли вы, что означают изображенные на нем знаки? Святые и почтенные старцы, отцы наши, изготовили его и разъяснили мне его значение. «Захар, — сказали они, — когда-нибудь, в минуту самой грозной опасности, когда жизнь нашлет на общину сокрушительную бурю и станет угрожать ее существованию, ты откроешь общине, что означает это знамя, откроешь, что на нем почивает благословение наше и нашего Духа-Покровителя; что отступление от пути, указываемого знаменем, будет величайшим несчастьем для общины, будет началом ее полного упадка»...

Захар на минуту умолк. Его речь произвела большое впечатление на всех. Все глаза были устремлены на воткнутое в камень знамя, которое развевалось перед общиной на высоком древке, поблескивая серебряными кольцами и переливаясь, словно живой кровью, малиновым своим полотнищем.

— Я до сих пор не говорил вам об этом ничего, — продолжал Захар, — так как времена были спокойные. Но сегодня настала пора это сделать. Смотрите на него, на наше знамя! Вся эта цепь сделана из одного куска дерева. Крепкая и словно замкнутая в себе, она в то же время свободна в каждом своем звене. Эта цепь такова, как наш русский народ, каким он вышел из рук добрых созидающих духов. Каждое звено в этой цепи — это община, неразрывно по самой природе своей связанная с другими общинами, но в то же время свободная и словно замкнутая в себе, живущая своей собственной жизнью, сама удовлетворяющая свои потребности.

Только такая неразрывность всех общин, при свободе каждой из них в отдельности, делает все целое неразрывным и свободным. Пусть только одно звено лопнет —

распадется и вся цепь, разорвется ее связь. Так точно и упадок вольного общинного уклада в одной общине является раной, которая грозит недугом остальным общинам или даже смертельной заразой по всему телу нашей святой Руси. Горе общине, которая добровольно станет такой раной, не употребив всех сил и способов для сохранения своего здоровья! Лучше бы такой общине вовсе исчезнуть с лица земли, провалиться сквозь землю!

Последние слова Захара, произнесенные грозным, торжественным тоном, заглушили шум водопада, гремящего неподалеку по камням. Он падал со скалы подобно живому хрустальному столбу, который играл на солнце всеми цветами радуги и сиял над толпой сверкающей полосою. Захар продолжал:

— Поглядите еще раз на знамя! Каждое звено этой цепи оковано блестящими серебряными узорами. Эти узоры не утяжеляют звена, а придают ему красоту и прочность. Так точно и каждая община имеет свой устав и свои обычаи, рожденные потребностями общины, созданные разумом мудрых наших отцов. Эти обычаи хороши не потому, что они древние, не потому, что они созданы нашими отцами, а потому, что они свободны, не связывают никого в его добрых поступках, а связывают лишь злого, который хотел бы вредить общине. Порядки и обычаи эти не связывают общину, они лишь прибавляют ей силы и власти, чтобы сберечь все хорошее и полезное и уничтожить все дурное и вредное. Не будь этих серебряных узоров, деревянные звенья легко могли бы потрескаться, и целостность цепи была бы нарушена. Если бы не священные общинные устои — и вся община пропала бы! Смотри же, честная община! Злодейские руки тянутся, чтобы сорвать эти серебряные узоры с нашего звена, чтобы ослабить и затоптать наш общинный уклад, при котором нам так хорошо жилось!

— Не позволим этого! — вскричала в один голос вся община.

— Встанем на защиту своей свободы, прольем кровь до последней капли!

— Правильно, дети! — сказал взволнованно Захар Беркут. — Так и следует! Верьте мне, это сам дух нашего великого Сторожа проницает вашими устами. Это благодаря ему вам открылось значение священного знамени, развевающегося перед вами. Отчего оно красное? Потому

что этот цвет означает кровь! До последней капли крови обязана защищать община свою свободу, свой священный порядок! И верьте мне — недалека та минута, которая потребует от нас нашей крови. Будем же готовы пролить ее в свою защиту!

В эту минуту все взоры, словно по чьему-то знаку, обратились в сторону села.

На дороге, ведущей вдоль водопада от села в горы, показалась небольшая группа идущих красивым строем вооруженных людей. Это шел во всем блеске своем на тухольский общинный совет боярин Тугар Волк со своею дружиной. Несмотря на жаркий весенний день, на боярине было полное рыцарское вооружение: панцырь из блестящих железных пластин, такие же набедренники и наколенники, сверкающий медный шлем с развевающимся над ним султаном из петушиных хвостов. Сбоку у него висел в ножнах тяжелый боевой меч, за плечами — лук и колчан со стрелами, а за поясом торчала алебарда[1] со сверкающим стальным лезвием и отделанным бронзою обухом. Поверх всех этих доспехов, в знак его мирных намерений, на боярине была накинута волчья шкура; пасть была переделана в застежку на груди, лапы острыми когтями охватывали его стан. За боярином следовало десять воинов, лучников и алебардщиков, в таких же волчьих шкурах, но без панцырей.

Невольно вздрогнули участники собрания, увидев приближающуюся волчью дружину. Все сразу поняли, что это и есть тот враг, который посягает на их свободу и независимость. Пользуясь тем, что дружина еще не подошла, Захар закончил свою речь:

— Вот подходит боярин, который хвалится тем, что князь из любви к нему подарил ему наши земли, нашу свободу и нас самих. Видите, как гордо он выступает, кичась княжеской милостью, кичась тем, что он княжеский слуга, что он раб! Нам ни к чему боярская милость и незачем становиться рабами, и в этом причина того, что он нас ненавидит и обзывает нас смердами. Но мы знаем, что гордость его — пустая гордость и что истинно свободному человеку свойственна не гордость, а спокойное сознание своего достоинства и разум. Сохраните же свое достоинство и свой разум, чтобы не мы заставили

[1] Алебарда — секира, служившая оружием.

его покориться, а чтобы он сам в глубине своего сердца почувствовал себя покоренным. Я кончил.

Тихий шопот удовлетворения прошел по собранию, охваченному радостной решимостью. Захар сел на место. На площади с минуту царило молчание, пока подходил Тугар Волк.

— Здравствуйте, общинники! — сказал он, прикасаясь рукой к шлему, однако не снимая его.

— Здравствуй и ты, боярин! — ответили тухольцы.

Тугар Волк с гордым, независимым видом вышел вперед и, окинув собрание быстрым взглядом, произнес:

— Вы звали меня, и вот я здесь. Чего вы хотите от меня?

Эти слова были произнесены резким, надменным тоном, которым боярин, повидимому, хотел показать общине свое превосходство. При этом он не смотрел на людей, а вертел в руках алебарду, словно любуясь блеском ее лезвия и обнаруживая таким образом полное презрение к общинному совету.

— Мы вызвали тебя, боярин, на общинный суд, чтобы, прежде чем осудить твои поступки, выслушать тебя. По какому праву и с какой целью ты обижаешь общину?

— На общинный суд? — повторил, притворяясь изумленным, Тугар Волк, обернувшись к Захару. — Я княжеский слуга и боярин. Никто не имеет права судить меня, кроме князя и равных мне бояр.

— О том, чей ты слуга, боярин, мы не будем с тобой спорить, это нас не касается. И о твоих правах мы поговорим позже. А теперь ты только будь добр сказать нам: откуда ты пришел в наше село?

— Из стольного города Галича.

— А кто велел тебе итти сюда?

— Мой и ваш господин, князь Данила Романович.

— Говори о себе, а не о нас, боярин! Мы свободные люди и не знаем никакого господина. А для чего же велел тебе твой господин итти в наше село?

При этих словах Захара лицо боярина исказилось злобой и покрылось багровыми пятнами. С минуту он колебался, отвечать ли на дальнейшие вопросы, но сдержал несвоевременный порыв гнева.

— Он приказал мне сторожить его земли и его подданных, быть воеводой и начальником Тухольщины и отдал мне и моим потомкам в вечное владение тухольские

земли в награду за мою верную службу. Вот его грамота, печать и подпись!

С этими словами боярин с гордым видом вынул из-за широкого кожаного пояса княжескую грамоту и, подняв ее, показал общине.

— Спрячь свою грамоту, боярин, — спокойно сказал Захар. — Мы не умеем ее читать, а печать твоего князя для нас не закон. Лучше ты скажи нам, кто такой этот твой князь.

— Как?! — вскрикнул удивленный боярин. — Вы не знаете, кто такой князь Данила?

— Нет, мы не знаем никакого князя.

— Властителя всех земель, всех селений и городов от Сяна до самого Днепра, от Карпат до устьев Буга?

— Мы не видали его никогда, и он над нами не властитель. Ведь пастух, властитель стада, стережет его от волка, гонит в полуденный зной к студеному ручью, а в ночные холода — в теплый безопасный сарай. А поступает ли князь так со своими подданными?

— Князь делает для них еще больше, — ответил боярин. — Он дает им мудрые законы и мудрых судей, посылает к ним своих верных слуг, чтобы охранять их от врага.

— Не по правде ты это молвил, боярин, — строго заметил Захар. — Посмотри: солнце на небе скрыло свой ясный лик, чтобы не слышать твоего кривого слова. Мудрые наши законы исходят не от твоего князя, а от дедов и отцов наших. Мудрых судей княжьих мы пока не видали еще и жили тихо, в мире и согласии, а суд вершим общинным разумом. Отцы наши издавна учили нас: один человек — глупец, а общинный суд — справедливый суд. Без княжьих воевод жили наши отцы, жили без них и мы доныне, и, как видишь, хаты наши не разграблены и дети наши не забраны врагом в неволю.

— Так было до этих пор, но отныне так не будет.

— Как будет отныне, нам неведомо и тебе, боярин, тоже. Но скажи нам еще одно: справедливый ли человек твой князь?

— Весь мир знает его справедливость и дивится ей.

— Так он, верно, и тебя прислал сюда, чтобы ты в наших горах насаждал справедливость?

Боярин смутился при этом вопросе, но после минутного колебания сказал:

— Да.

— А как ты думаешь, боярин: может ли справедливый человек несправедливо поступать со своими подданными?

Боярин молчал.

— Может ли он несправедливыми поступками насадить в их сердцах справедливость и, обижая их, приобрести их любовь и уважение?

Боярин молчал, играя лезвием своей алебарды.

— Смотри же, боярин, — закончил Захар. — Уста твои молчат, но совесть твоя говорит, что этого не может быть. А между тем твой справедливый князь сделал это с нами — с нами, которых он не видел и не знает, судьба и счастье которых его не заботят, которые не сделали ему ничего худого, а, наоборот, ежегодно несут ему богатую дань. Как же он мог так поступить, боярин?

Тугар Волк гневно сверкнул глазами и сказал:

— Плетешь чепуху, старик! Князь никого не может обидеть.

— А нас обидел этой самой грамотой, которою ты так хвалишься! Подумай только: разве бы я не обидел тебя, если бы против твоей воли снял с тебя этот сверкающий панцырь и отдал его моему сыну? А именно так поступил с нами твой князь. Для нас наша земля и лес — то же самое, что для тебя твой панцырь. Испокон веков мы владели и берегли их, как зеницу ока, и вдруг являешься ты и от имени твоего князя говоришь нам: «Это мое! Мой князь дал мне это в награду за мои великие заслуги!» И прогоняешь наших пастухов, убиваешь нашего лесника на нашей же собственной земле! Скажи, можем ли мы считать твоего князя справедливым человеком?

— Ты ошибся, старина, — сказал Тугар Волк. — Все мы — собственность князя, со всем нашим имуществом, скотом и землей. Князь один свободен, а мы его рабы. Княжеская милость — вот наша свобода. Он может сделать с нами все, что пожелает.

Как удар обуха, оглушили эти слова Захара Беркута. Он низко опустил свою седую голову и долгое время молчал, не находя ответа. Наступила мертвая, угрюмая тишина. Наконец Захар поднялся. Лицо его прояснилось. Он поднял руки вверх, к солнцу.

— Пресветлое солнце! — произнес он. — Ты, благотворное, вольное светило, не слушай этих отвратительных слов, которые осмелился этот человек произнести перед

твоим ясным ликом! Не слушай их, забудь, что они были сказаны на нашей, доселе даже помыслом таким не оскверненной земле! И не карай нас за них! Ибо безнаказанными ты не оставишь их — это я знаю. И если там, в Галиче этом, вокруг князя расплодилось много таких людей, сотри их с лица земли, но, карая, не погуби вместе с ними и весь наш народ!

Потом, успокоившись, Захар сел и снова обратился к боярину:

— Мы слыхали, боярин, твою речь, — сказал он. — Не повторяй ее в другой раз пред нами, пусть она останется при тебе. Выслушай же теперь, что мы думаем о твоем князе. Выслушай и не прогневайся! Ты сам видишь и знаешь, что мы не можем видеть в нем опекуна и отца. Отец знает своего ребенка, знает его нужды и желания, а он нас не знает и не хочет знать. Опекун оберегает своего подопечного от врага и всякой опасности, а князь не оберегает нас ни от засухи, ни от ливня, ни от града, ни от медведя, а это наши злейшие враги. Он, правда, заявляет, что охраняет нас от нападения угорских отрядов. Но как он нас охраняет? Насылая на нас еще худших врагов, чем угорцы, — своих ненасытных бояр с их дружинами. Угорцы нападут, награбят, что смогут, и уйдут. Боярин же нападет — так уж и осядет здесь и не довольствуется никакой добычей, а готов всех нас навек сделать своими рабами. Не отцом и опекуном считаем мы твоего князя, а наказанием божьим, ниспосланным на нас за грехи наши, наказанием, от которого должны мы откупаться ежегодной данью. Чем меньше мы знаем о нем, а он про нас, тем лучше для нас. И если бы вся наша Русь могла сегодня избавиться от него со всеми его дружинами, то, наверное, еще была бы великой и счастливой [1].

Со странным чувством слушал Тугар Волк страстную

---

[1] Взгляды, высказанные Захаром Беркутом, могут считаться типичными взглядами тогдашнего крестьянства на князей, их кровавые междоусобицы и на зарождение феодализма. Напомним, что подобные взгляды нашли свое отражение и у нашего летописца в его рассказе о певце Митусе, которого за бунтарские речи и непокорность князь Данила велел изловить и казнить. Разумеется, приводя подобные взгляды для характеристики того времени, мы этим не хотим умалить значение личности князя Данилы, который среди всех властителей русско-галицких земель выделяется как человек необыкновенный, симпатичный и по-своему, принимая во внимание его время, довольно гуманный и одаренный умом политика. *(Примеч. автора.)*

речь старого беседника. Хотя Тугар Волк получил воспитание при княжеском дворе и был испорчен разложившейся, подлой придворной средой, все же он был рыцарем, воином, человеком, и его сердце должна была обжечь хоть одна искорка того пламенного чувства, которым пылало сердце Захара Беркута. А к тому же он не очень уж искренне бросал свои слова о неограниченной власти князя. Его совесть не раз и сама восставала против этой власти, и, ссылаясь на нее теперь, он только хотел подкрепить свои собственные притязания на такую же власть. Неудивительно поэтому, что слова Захара Беркута запали ему в душу глубже, чем ему этого хотелось бы. Он впервые с искренним удивлением взглянул на Захара Беркута, и ему стало жаль этого титана, чье падение, по его мнению, было близко.

— Старик, старик, — сказал он, — жаль мне твоих седых волос и твоего юношеского сердца! Долгий век ты прожил на свете — кажется мне, даже чересчур долгий. Живя сердцем в прошлом, в пылких мечтах своей молодости, перестал ты понимать новые, нынешние времена, нынешние взгляды и нужды. То, что было когда-то, не должно быть ныне и вечно. Все, что живет, стареет: устарели и твои молодые думы о свободе. Тяжелые нынче времена наступают, старик. Они требуют, чтобы в нашем краю был один могучий властелин, который под своей державой соединил бы силы своего народа для защиты его от врага, грозящего с востока. Ты, старик, не знаешь всего этого, и тебе кажется, что прежние времена продолжаются и поныне.

— И тут ты ошибся, боярин, — сказал Захар Беркут. — Не следует старику предаваться юным мечтаниям и закрывать глаза на нынешнее время. Но трижды не след ему пренебрегать добрым лишь потому, что оно старо, и хвататься за лихое лишь потому, что оно ново. Это в обычае юнцов, и притом дурно воспитанных юнцов. Ты упрекаешь меня в том, будто я не знаю всего, что делается вокруг. А между тем неизвестно, кто из нас двоих лучше и подробнее знает об этом. Ты намекнул мне о страшном враге, грозящем нам с востока, и высказал мысль, что приближение этого врага требует объединения народных сил в одних руках. Отвечу же тебе, что я знаю об этом враге. К тебе, боярин, вчера прибыл княжий гонец, оповестивший о нападении грозных монголов на нашу

страну, о том, что они после жестокого сопротивления заняли Киев и уничтожили его дотла, а теперь страшной тучей движутся на наши червоннорусские земли. Мы, боярин, знали это еще на прошлой неделе, знали мы и о княжьем гонце, отправленном в эти края, и о том, какую весть он везет. Княжий гонец прибыл поздновато, наши гонцы ходят куда быстрее. Монголы уже давно разлились половодьем на нашей Червонной Руси, разорили много городов и сел и разбились на два потока. Один направился на запад — верно, на Сандомир, в польскую землю, а другой идет вверх, долиною Стрыя, в наши края. Не правда ли, боярин, ты еще не знал этого?

Тугар Волк изумленно, почти со страхом смотрел на старого Захара.

— А откуда ты знаешь это, старик? — спросил он.

— И это я скажу тебе, чтоб ты знал, какая сила — общины и их свободный союз. Мы связаны со всеми подгорными общинами: они обязаны нам, а мы им сообщать как можно скорей все вести, важные для общин. Подгорные же общины связаны с более далекими общинами — покутскими и подольскими. Таким образом, все, что так или иначе важно для нас, все, что творится в нашей Червонной Руси, молнией облетает все общины.

— Какая польза вам от этого, если помочь себе вы не в силах? — высокомерно бросил боярин.

— Правду ты молвил, боярин, — печально ответил Захар. — Подольские и покутские общины бессильны помочь себе, так как они обобраны и ослаблены князьями и боярами, которые не разрешают им ни держать при себе оружие, ни учиться искусству владеть им. Вот ты и сам видишь, боярин, что это значит: соединить все силы народа в одних руках! Чтобы соединить в одних руках все силы народа, надо ослабить народную силу. Чтобы предоставить одному всю власть над народом, надо от каждой общины отобрать ее свободу, надо разорвать общинные связи, обезоружить общинные руки. А тогда всяким монголам в нашу страну — открытая дорога. Ведь посмотри, что творится теперь на нашей Руси! Твой властитель, твой могучий князь Данила пропал где-то без вести. Вместо того чтоб повернуться лицом к народу, вернуть ему свободу и сделать его живой и непреодолимой преградой против монгольского нашествия, он, в то время как монголы разрушают его край, поскакал к угор-

скому королю молить его о помощи. Но угорцы не торопятся помогать нам, хотя и им самим грозит та же беда. Теперь твой Данила исчез где-то, и кто знает, не увидите ли вы его вскоре в таборе монгольского хана как верноподданного, который ценой неволи и унижения перед сильным купил себе власть над слабыми.

Боярин слушал эту речь, и в его голове начали роиться планы: что предпринять? Как использовать для себя это время?

— Так ты говоришь, что монголы угрожают нападением и вам?

— Угрожают, боярин, — ответил Захар с какой-то многозначительной усмешкой.

— И что же вы думаете делать? Сдаваться или обороняться?

— Сдаваться нельзя, ибо всех, кто им сдался, они заставляют служить, гонят в первых рядах в самые жестокие бои.

— Значит, вы хотите обороняться?

— Попробуем сделать все, что в наших силах.

— Если так, то возьмите меня своим воеводой. Я вас поведу в бой против монголов.

— Погоди, боярин, мы еще не приступили к выборам воеводы. Ты еще не отчитался за свои поступки. Твое искреннее желание послужить общине мы ценим, но отцы наши говорили, что для чистого дела требуются и чистые руки. А чисты ли твои руки для такого дела, боярин?

Тугара Волка несколько смутил такой неожиданный оборот дела. Поколебавшись, он ответил:

— Старик! Община! Забудем старые раздоры. Враг приближается. Объединим же против него свои силы! Копаясь в своей обиде, вы можете лишь повредить делу, а пользы вам от этого не будет.

— Нет, боярин, не говори так! Мы не копаемся в своей обиде, а ищем правды. Неправдою ты пришел к нам, боярин, не по правде поступал с нами — как же мы можем доверить тебе после этого начальство над собою в войне с монголами?

— Старик, ты, я вижу, взялся раздражать меня?

— Боярин, не забывай, что здесь общинный суд, а не забава. Скажи мне: садясь на Тухольской земле, собирался ли ты стать членом общины или нет?

— Я прислан сюда князем как воевода.

— Мы сказали уже тебе, что не признаем твоего права над нами, а особенно твоего права на наши земли. Не трогай, боярин, нашей земли и наших людей, и тогда, может быть, мы примем тебя в свою общину как равного среди равных.

— Вот как, — гневно воскликнул Тугар Волк, — такова ваша справедливость! Чтобы я пренебрег княжеской милостью и искал милости у смердов!

— Что же, боярин, иначе ты не можешь быть членом нашей общины, а того, кто к ней не принадлежит, община на своей земле терпеть не захочет.

— Не захочет терпеть! — насмешливо воскликнул Тугар Волк.

— Отцы наши говорили нам: вредного и ненужного члена общины, разбойника, конокрада, или постороннего, который против воли общины захватывает ее земли, изгнать из пределов наших вместе с семьей, а дом его развалить и сровнять с землей.

— Ха, ха, ха! — разразился искусственным смехом боярин. — Это вы бы посмели меня, боярина, осыпанного княжескими милостями за мои заслуги, равнять с разбойниками и конокрадами?

— Что же, боярин, скажи сам по совести: поступаешь ли ты с нами лучше, чем разбойник? Ведь ты забираешь нашу землю, самое главное и единственное наше богатство. Людей наших гонишь и убиваешь насмерть, скотину нашу стреляешь. Так ли поступают честные люди?

— Старик, прекрати эти речи, мне не к лицу их слушать! Они оскорбительны для моей чести.

— Погоди, боярин, я еще не окончил, — спокойно ответил Захар Беркут. — Вот ты упомянул о своей чести и то и дело говоришь о своих великих заслугах. Будь же добр, скажи нам, что это за заслуги, чтоб и мы могли оценить их.

— В двадцати битвах я проливал свою кровь!

— Кровь свою проливать, боярин, еще не заслуга. И разбойник не раз проливал свою кровь, а его за это вешают. Скажи нам, против кого и за кого ты воевал?

— Против князя киевского, против князей волынских и мазовецких...

— Довольно, боярин! Эти войны — позор, а не заслуга и для тебя и для князей. Это чисто разбойничьи войны!

— Я воевал и против монголов на Калке.

— И как же ты воевал против них?

— Что за вопрос? Так, как обязан был воевать, не отступая ни шагу, пока, раненный, не попал в плен.

— Это ты хорошо сказал. Не знаем только, правда ли это.

— Коли не знаете, так и не вмешивайтесь в то, чего не знаете.

— Постой, боярин, не насмехайся над нашим незнанием. Постараемся узнать.

С этими словами Захар поднялся и, обратясь к общине, сказал:

— Честная община! Вы слыхали слова боярина Тугара Волка?

— Слыхали.

— Может ли кто-нибудь свидетельствовать за или против него?

— Я могу! — раздался голос из толпы.

Словно пораженный стрелой, вздрогнул боярин, услышав этот голос, и первый раз внимательно и как-то тревожно оглядел собрание.

— Кто может свидетельствовать, пусть выйдет вперед и свидетельствует, — сказал Захар.

Из толпы вышел не старый еще человек, калека, без левой руки и правой ноги. Лицо его было покрыто множеством шрамов. Это был Митько Вояка, как звали его в селе. Несколько лет назад приковылял он сюда на своей деревяшке со страшными вестями о монголах, о битве на Калке, о разгроме русских князей и о тех, кто попался в плен и погиб под досками, на которые уселись пировать монгольские полководцы. Он, Митько, тоже участвовал в этой битве в дружине одного боярина и вместе с ним попал в плен, а потом каким-то чудом ушел. Долго блуждал он по селам и городам святой Руси, пока, наконец, не забрел в Тухлю. Здесь ему понравилось, а так как он со своей единственной рукой был искусен в плетении корзин, знал множество песен и историй про дальние края, община приняла его в свою семью, люди по очереди кормили и одевали его, ценя и уважая его за полученные на войне раны и за честный, веселый нрав. Вот этот Митько и вышел теперь из толпы свидетельствовать против боярина.

— Скажи нам, Митько Вояка, — начал Захар, — зна-

ешь ли ты этого боярина, против которого хочешь свидетельствовать?

— Знаю, — твердо ответил Митько. — Я служил в его дружине и участвовал в битве при Калке.

— Какое же свидетельство хочешь ты дать против него?

— Замолчи, подлый раб! — крикнул побледневший боярин. — Замолчи, а не то тут же и будет конец твоей жалкой жизни!

— Боярин, я теперь не твой раб, а вольный человек, и только одна моя община вправе приказать мне молчать. Доныне я молчал. Но теперь мне приказано говорить. Честная община! Обвинение мое против боярина Тугара Волка велико и страшно: он изм...

— Молчал доныне, так молчи же и впредь! — взревел боярин.

Блеснула алебарда, и Митько Вояка с рассеченной головой упал, истекая кровью. Толпа охнула. Все вскочили на ноги. Страшные крики раздались вокруг:

— Смерть ему! Смерть! Он оскорбил святость суда! Убил на суде нашего человека!

— Смерды презренные! — крикнул боярин. — Я не боюсь вас! Так будет со всяким, кто посмеет тронуть меня рукой или словом! Гей, верные мои слуги, сюда, ко мне!

Лучники и алебардщики, сами бледные и дрожащие, окружили боярина. Грозный, багровый от ярости, стоял он среди них с окровавленной алебардой в руке. Захар сделал знак, и толпа утихла.

— Боярин, — сказал Захар, — ты смертельно провинился перед богом и общиной. Ты на суде убил свидетеля, члена нашей общины. Мы не узнали того, что он собирался свидетельствовать против тебя, и не хотим знать — пусть твоя совесть осудит тебя. Но этим убийством ты признался в своем преступлении и совершил новое. Община не может больше терпеть тебя на своей земле. Уйди от нас! Через три дня наши люди придут в твою усадьбу, чтоб развалить твой дом и уничтожить всякий след твоего пребывания!

— Пусть приходят! — заорал в бешенстве боярин. — Увидим, кто чей след уничтожит! Я плюю на ваш суд! И буду рад увидеть того, кто подступит к моему дому! Гей, слуги! Уйдем из этого поганого сборища!

Боярин со своими слугами удалился. В собрании дол-

гое время царило молчание. Молодые общинники подняли и унесли окровавленное тело Митька Вояки.

— Честная община! — сказал Захар. — Согласны ли вы поступить с боярином Тугаром Волком так, как отцы наши велели поступать с такими людьми?

— Согласны, согласны! — загудело собрание.

— Кого же вы изберете для исполнения воли общины?

Выбор пал на десятерых молодых людей, среди которых был и Максим Беркут. Тяжел был Максиму этот выбор. Какой ненавистью ни пылал он к боярину, все же этот человек был отцом той, которая, словно колдовством, овладела всем его сердцем и помыслами и за которую он отдал бы жизнь. А теперь — о горе! — и она была осуждена без вины за отцовское преступление! Максим, однако, не уклонился от павшего на него выбора. Как ни тяжело было ему выполнить приговор, все же в глубине души он был рад: ведь он, таким образом, увидит ее. А может быть, ему даже удастся чем-нибудь помочь ей, смягчить хотя бы своим вниманием жестокий приговор общины...

Тем временем мирской сход продолжался: были позваны посланцы от других общин, чтобы обсудить, как обороняться от монгольского нападения.

— Разгромлены мы, — говорил посланец от подгорных общин. — Села наши сожжены, скот разграблен, молодежь погибла. Князь не оказал нам никакой помощи, а бояре, притеснявшие нас в спокойные времена, предали нас, когда пришла беда.

Посланцы из Корчина и Тустаня говорили:

— Нам грозит нашествие. Ниже Синеводска, на равнине, уже белеются шатры монголов. Идет их несметная сила, а мы и думать не смеем о борьбе и сопротивлении. Мы забираем с собой все, что можем, и уходим в леса и горы. Бояре наши начали было строить засеки на дорогах, да что-то медленно. Слух идет в народе, будто хотят они запродать дороги наши монголам.

Посланцы от других горных общин говорили:

— У нас урожаи худые, а теперь из долин набежало к нам много народу. До нового урожая круто нам приходится. Выручайте нас и гостей наших, помогите пережить черную годину!

Посланцы из общин с Угорщины говорили:

— Слыхали мы, что монгольская туча идет на Угоршину. Богом нашим и богами отцов наших заклинаем вас, соседи и братья, остановите эту страшную тучу, не допустите ее упасть на нашу землю! Ваши села — твердыни. Каждая скала, каждая пропасть стóят тысячи воинов. А если они перевалят через горы, тогда уж никакая сила не остановит их, и все мы погибнем напрасно. Мы готовы поддержать вас, чем захотите — и хлебом и людьми, — только не опускайте рук, не теряйте надежды, идите на бой с поганым насильником!

Захар Беркут на это сказал:

— Честный мир и вы, честные посланцы соседские! Все мы слышали, какая страшная туча надвигается на нашу страну. Против нее выступали ратные люди и погибли. Идет на нас несметная сила, а несчастные порядки в наших долинах позволили ей пробраться в самое сердце нашей страны, подойти к самому порогу нашего дома. Князья и бояре потеряли головы от страха или же предают свой край на глазах у всех. Что нам делать? Как защищаться? Я считаю, что нам нельзя отходить от границ нашей Тухольщины. Дорогу нашу при вашей помощи, честные загорские люди, мы, пожалуй, сможем оборонить. Но других дорог мы оборонить не в силах. Это должно стать вашим собственным делом, добрые тустанские люди. А если нам удастся наше дело, тогда мы с радостью поможем и вам.

Тустанские посланцы отвечали:

— Знаем мы, батько Захар, что вам невозможно нас защищать и что в этот тяжелый час надо, чтоб каждый прежде всего стоял сам за себя. Но наши общины не так благополучны, как ваша: бояре забрали нас в свои руки и поставили свою стражу у засек и проходов. Что же мы можем сделать, если они захотят отдать их монголам? Одна у нас надежда и только это и может нас спасти: что монголы не пойдут по вашей дороге. И тогда вы, выставив свои отряды для ее охраны, могли бы двинуться нам на помощь.

— Эх, люди, люди! — с грустью, но и с упреком сказал Захар. — И сила была в ваших руках и разум был в ваших головах, как у истинных мужей, а рассуждаете вы, как дети! Надеетесь на «может быть» да на «кто знает». Яснее ясного, что если нам не будет грозить опасность, мы всей общиной придем вам на помощь. Но прежде все-

то вам бы самим следовало обезопасить себя от собственных врагов — бояр. До тех пор, пока в их руках засеки и проходы, вам нельзя и вздохнуть свободно. Каждую минуту это хитрое племя может продать вас. Пора вам перестать дремать, пора ударить в набат и сбросить цепи, в которые вас заковали боярская жадность и княжеский произвол! Пока это не будет, мы не можем помочь вам.

Тоскливо понурились тустанские посланцы, услышав эти слова.

— Эх, батько Захар, — сказали они, — знаешь ты наших людей, а говоришь так, будто и не знаешь их вовсе. Сломана их древняя отвага, растоптана их воля. За твой совет благодарим тебя и передадим его нашим общинам, но последуют ли они ему... Эх, кабы ты был среди них и сказал бы им свое слово!

— Неужели же, добрые соседи, мое слово для ваших людей значит больше, чем их собственная нужда, чем их собственный разум? Нет! Если бы так было на самом деле, тогда уж и мое слово вам ничем не поможет, тогда пропали наши общины, пропала наша Русь!

Солнце уже перевалило далеко за полдень, когда тухольцы после собрания возвращались в село. Не было ни песен, ни радостных возгласов. Медленно, грустно шли старые и молодые, погруженные в тяжелые думы. Что-то принесут им грядущие дни!

Ободренные, в приподнятом настроении, разошлись по своим селам посланцы от других общин.

И лишь общинное знамя, знак общинной силы и дружбы, высоко и весело развевалось в воздухе да весеннее небо сияло прозрачной лазурью, словно не замечая земной тоски и тревоги.

IV

Широким половодьем разлились по Руси пожары, разрушения и смерть. Страшная монгольская орда из далекой степной Азии налетела на нашу страну, чтобы под самый корень подсечь ее силу, разбить и на долгие века заглушить народную жизнь.

Первые города на ее пути — Киев, Канев, Переяславль — пали и были уничтожены до основания; за ними последовали тысячи меньших городов и сел.

Страшный военачальник монгольский Бату-хан, прозванный Батыем, шел во главе стотысячной орды, гоня перед собой вчетверо больше пленников, которые должны были биться за него в первых рядах; шел по русской земле, широко распуская по ней свои отряды, по колено в крови. О каком бы то ни было отпоре в открытом бою нечего было и думать, тем более что Русь была разъединена, ее раздирали междоусобицы. Кое-где горожане оказывали монголам сопротивление, укрываясь за своими стенами; не привыкшие вести правильную осаду, монголы вынуждены были терять немало времени, разрушая стены и ворота топорами. Однако и эти слабые крепости большей частью падали, взятые не силой, а изменой и подкупом.

Целью похода этой страшной монгольской орды являлась Угоршина, богатая страна, населенная родственным монголам племенем, от которого добивался изъявления покорности великий монгольский Чингис-хан. Угоры не хотели покориться, и поход монгольской орды должен был показать им, как мстит великий Чингис-хан.

По плану Батыя, орда собиралась напасть на Угоршину одновременно с трех сторон: вторгнуться в Семиградский край с востока, в земли моравские — с запада и через Карпаты — с севера. С этой целью часть орды под предводительством Кайдана пошла бессарабскими степями в Валахию. Часть, предводительствуемая Петой, отделилась на Волыншине от главной орды и прямиком по Червонной Руси, через Плисневско, двинулась к верховьям Днестра, чтобы перейти его вброд, а затем разлилась по Подгорью, в поисках прохода через Карпаты.

Взятые в плен местные жители, а также некоторые бояре-изменники вывели монголов по берегу Стрыя на Тухольскую дорогу, и уже их шатры, как об этом сообщали корчинские посланцы, белелись на равнине Синеводска.

Вечерело. Густые сумерки окутали Подгорье. Над лесистыми Тухольскими горами заклубились туманы, словно дым над бесчисленными вулканами перед извержением.

Стрый шумел по каменным порогам и пенился в излучинах. На небе загорались звезды. Но и на земле, на широкой равнине Стрыя, также стали загораться какие-то светила, сначала редко, то здесь, то там, словно робея, а

затем все гуще и ярче, пока наконец вся равнина, насколько хватал взор, не покрылась ими, не засияла кровавым блеском. Подобно морю, подернутому легким ветерком, мерцали эти огни в долине, то разгораясь сильнее, то словно расплываясь в темнеющих просторах. Это пылали костры в монгольском лагере.

Но вдалеке, там, где кончалось это мерцающее море, пылали еще одни светила — страшные, громадные, взметая в небо огненные языки: это горели окрестные села и слободы, окружив монгольский табор широким огненным кольцом. Там бушевали монгольские отряды, грабя и истязая людей, забирая в неволю и уничтожая дотла все, что нельзя было захватить.

По узкой тропе высоко в горах ехало в густых уже сумерках двое всадников; они ехали на маленьких крепких горных лошадках. Один из всадников, уже пожилой мужчина, был в рыцарском облачении, с мечом, алебардой и копьем, притороченным к конскому седлу. Из-под шлема на его плечи спадали густые, уже поседевшие волосы. Даже сумерки, облаком окутавшие горы и громадными клубами поднимавшиеся из пропастей и лесов, не могли скрыть его недовольства, гнева и какого-то слепого упрямства, выражавшихся то едким, горьким смехом, то внезапным унынием.

Рядом с рыцарем ехала молодая красивая девушка, одетая в полотняное, расшитое шелковыми узорами платье. На голове ее была бобровая шапочка, из-под которой буйно выбивались золотисто-желтые кудри. За плечами у нее висели лук из турьего рога и колчан со стрелами. Взор ее жгучих глаз быстрее ласточки перепархивал с предмета на предмет, любуясь волнистыми контурами горных склонов и темнозелеными сочными красками лесов и пастбищ.

— Какой чудесный край, отец! — воскликнула она звонким, серебряным голосом, когда лошади на минутку остановились на крутизне. — Какой удивительно красивый край! — повторила она уже тише, оглядываясь назад и утопая взором во мраке неизмеримой бездны.

— И какой отвратительный народ живет в этом крае! — гневно отрезал всадник.

— Нет, батюшка, не говори этого! — смело ответила она, но сейчас же, словно спохватившись, понизив голос, прибавила: — Не знаю, но здешний народ мне понравился...

— О, я знаю, что он тебе понравился! — крикнул с упреком всадник. — Вернее, тебе понравился лишь один из всего этого народа — проклятый Беркут! О, я знаю, ты готова бросить отца ради него! Из-за него ты перестала отца любить! Да что ж делать, такова уж девичья натура! Только вот что я скажу тебе, дочка: не верь этому показному блеску! Не верь змее, как бы ни были прекрасны отливы змеиной кожи!

— Что за мысли у тебя в голове, отец! И какими злыми словами ты упрекаешь меня! Я призналась тебе, что люблю Максима, и поклялась перед солнцем, что буду принадлежать ему. Но пока я еще принадлежу не ему, а тебе. И если даже я буду принадлежать ему, я не перестану любить тебя никогда, никогда!

— Но, глупая девушка, ты не будешь принадлежать ему! Об этом нечего и думать! Или ты забыла, что ты боярская дочь, а он смерд, пастух?

— Нет, отец, не говори этого! Он такой же рыцарь, как и другие рыцари. Нет! Он лучше, смелее, честнее всех этих боярских сынков, которых я видела! Впрочем, отец, напрасно меня отговаривать, я уже поклялась.

— Что значит клятва глупой, ослепленной страстью девушки?

— Нет, отец, я не глупа и не ослеплена. Не в порыве дикой страсти, не без колебаний и размышлений сделала я это. И не без указания свыше, отец!

Последние слова она произнесла полушопотом, с какой-то таинственностью в голосе.

Боярин с любопытством обернулся к ней:

— Это еще что за новость? Какое указание свыше могло тебя толкнуть на такое безумство?

— Слушай, отец, — сказала девушка, поворачиваясь к нему и останавливая коня. — За день до того, как мы должны были ехать на медвежью охоту, я видела во сне мать. Она была такой, как ты ее описывал мне: в белой одежде, с распущенными волосами, с лицом румяным и ясным, как солнце, с радостной улыбкой на устах и с бесконечной любовью в ясном взоре. Она подошла ко мне с распростертыми объятиями и обняла меня, прижимая к своей груди.

«Матушка!» сказала я и больше ничего не могла сказать от радости и охватившего меня чувства.

«Мирослава, единственное дитя мое, — говорила она

мягким, нежным голосом, который и поныне звенит у меня в сердце, — слушай то, что я тебе скажу. Приближается к тебе великая минута, доченька! Сердце твое пробудится и заговорит. Слушайся своего сердца, дочка, и иди туда, куда оно зовет тебя».

«Хорошо, матушка!» сказала я, вся трепеща от несказанной радости.

«Благословляю же твое сердце!»

И, промолвив это, она развеялась, словно легкий ароматный ветерок, а я проснулась. И сердце мое вправду заговорило, отец, и я пошла на его зов. На мне благословение матушки!

— Но, глупая девушка, ведь это же был сон! Тебе ночью приснилось то, о чем ты думала днем. А впрочем... — прибавил боярин через некоторое время, — а впрочем, ты уже не увидишь его никогда!

— Не увижу? — воскликнула Мирослава. — Почему? Разве он умер?

— Хоть бы он жил целых сто лет, ты больше уже не увидишь его, потому что... мы уже не вернемся больше в этот проклятый край!

— Не вернемся? Почему?

— Потому, — сказал боярин с напускным спокойствием, — что эти твои добрые люди, и прежде всех этот старый чорт, отец твоего возлюбленного Максима, постановили на своем совете изгнать нас из своего села, разрушить наш дом и сровнять его с землей! Только погодите вы, хамское племя, узнаете еще вы, с кем имеете дело! Тугар Волк — это вам не тухольский волк! Даже тухольские медведи еще почувствуют на себе его зубы!

Эти слова болью отдались в сердце Мирославы.

— Изгнали нас, отец? За что же нас изгнали? Вероятно, из-за того лесника, которого ты приказал так немилосердно бить, несмотря на то что я со слезами молила тебя отпустить его на волю...

— Много ты смыслишь! — злобно прервал ее Тугар, хотя его больно уколол упрек дочери. — О, я знаю, что будь ты на этом совете, и ты бы тоже пошла вместе с ними против своего отца! Что ж делать? Отец стар, угрюм, не умеет ни сверкать глазами, ни вздыхать, а тебе хочется не такого дружка. И что тебе до того, что отец раньше времени поседел, стараясь обеспечить твою судьбу, между тем как тот, новый, более милый твоему сердцу

молодой друг, может быть, сейчас вместе со своими тухольцами разваливает наш дом, наше последнее и единственное пристанище на свете!

Мирослава не могла вынести этих тяжелых упреков, и горячие слезы брызнули из ее глаз.

— Нет, это ты, ты не любишь меня! — сказала она, заливаясь слезами. — И я не знаю, что отвратило от меня твое сердце. Я не давала для этого никакого повода. Сам ты учил и наказывал мне жить по правде и говорить правду! Неужто же теперь правда вдруг так опротивела тебе?

Боярин молчал, понурив голову. Они уже приблизились к самой вершине горы и ехали узкой тропинкой между высокими буками, совершенно закрывавшими от них своими верхушками небо. Лошади, предоставленные сами себе, искали путь в темноте и с фырканьем медленно поднимались вверх по каменному склону.

— Куда же мы едем, если нас изгнали из Тухольщины? — неожиданно спросила Мирослава, утирая платком слезы и поднимая голову.

— Куда глаза глядят, — ответил отец.

— Ты же говорил, что мы едем к какому-то боярину в гости?

— Правда опротивела мне: я говорил неправду.

— Так куда же мы едем?

— Куда тебе угодно... Мне все равно! Может быть, поехать в Галич к князю, которому я надоел и который рад от меня избавиться... О, хитрая штучка, этот князь! Использовать человека, высосать его, как спелую вишню, а косточку выбросить прочь — на это он горазд! И как он был рад, когда я попросил у него, чтоб он даровал мне землю в Тухольщине! «Иди, — сказал он мне, — лишь бы я тебя тут не видел! Иди и грызись с этими смердами за нищенскую межу, только сюда не возвращайся!» Ну что ж, может быть поехать нам к нему жаловаться на тухольцев, просить против них у князя помощи?

— Нет, отец! — сказала Мирослава. — Княжеская помощь беды не поправит, а только ухудшит дело.

— Вот видишь, — сказал боярин, не придавая особого значения последним словам дочери. — Ну, а может быть, нам возвратиться в Тухлю, к этим проклятым хлопам, к этому чорту Беркуту, и просить у них милости? Подчиниться их суду? Отречься от своего боярства, просить, чтобы они нас приняли в общину как равных, и жить ря-

дом с ними такой же жизнью, как они, вместе с овцами, среди овса и навоза?

При этих словах Мирослава незаметно и непроизвольно выпрямилась, и лицо ее прояснилось.

— Как ты думаешь, отец, они бы приняли нас? — быстро спросила она.

— Кто знает? — ядовито ответил боярин. — Это еще зависит от милости их хамского величества и их сверхвеличества Захара Беркута.

— Отец, а почему бы нам не попытаться? Тухольцы не любят неправды, хотя они и осудили нас, но, может быть, они по-своему правы? А может быть... может быть, и ты, отец, чем-нибудь... каким-нибудь своим жестоким поступком навлек это? А если бы с ними ласково, по-человечески... Ах, боже мой, что это такое? — вдруг вскрикнула Мирослава, прерывая свои рассуждения.

Они выехали на самую вершину горы, и перед ними, словно по волшебству, раскинулась широкая стрыйская долина, залитая морем огня от пожаров и костров. Небо было озарено кровавым отблеском. Из долины доносились странные голоса, конское ржание, лязг оружия, перекличка часовых, разговор греющихся у костра черных косматых людей. Были слышны далекие, раздирающие сердце крики истязуемых стариков, женщин и детей, уводимых в плен мужчин, рев скота, шум распадающихся на куски горящих домов. Видны были огромные смерчи искр, вздымающихся, подобно роям золотых бабочек, в небо. В кровавом зареве огней виднелись бесконечно длинные ряды четырехугольных шатров, отстоящих далеко друг от друга. Люди, как муравьи, сновали между шатрами и собирались группами у костров. Мирослава словно окаменела при виде этого зрелища, не будучи в силах оторвать от него глаз. Даже старый, угрюмый боярин застыл на месте, вглядываясь в это пугающее кровавое море, вдыхая запах горького дыма и крови, вслушиваясь в смешанный гул, крики, стоны и радостные, победные возгласы. Даже лошадей охватил страх; они, дрожа всем телом, прядя ушами и фыркали, словно боясь итти дальше.

— Отец, ради всего святого скажи, что это такое? — вскрикнула Мирослава.

— Это наши союзники, — хмуро ответил Тугар Волк.

— Ах! Это, должно быть, монголы, о чьем приходе с такой тревогой говорили в народе?

— Да, это они!

— Разорители русской земли?

— Наши союзники против этих проклятых смердов и их общин.

— Отец, это наша погибель!

— Не бойся, не родилась еще та буря, которая смела бы до остатка это подлое семя!

— Отец! Но ведь монголы не щадят ни хаты, ни двора, ни княжеской палаты! Ты же сам не раз рассказывал, как они задавили князей под досками.

— И хорошо сделали! Пусть душат это хитрое воронье! Ни одного боярина они не задавили! Повторяю тебе: это наши союзники.

— Неужели, отец, ты желаешь заключить союз с этими дикарями, обагренными кровью нашего народа?

— Это меня не касается. Какое мне дело, кто они и каковы они? У нас нет другого выхода. Пусть это будут сами злые духи, лишь бы они помогли мне!

Мирослава без кровинки в лице испуганными глазами смотрела на отца. В кровавом отблеске огней, игравших вокруг, его лицо было страшно и дико, а отражавший огни шлем словно окружал его лицо кровавым ореолом.

Боярин и дочь спешились и, стоя на остром гребне горы, смотрели один на другого.

— Как ты страшен, отец! — прошептала Мирослава. — Я не узнаю тебя.

— Говори смело, говори, доченька! — сказал с какой-то дикой насмешкой отец. — Я знаю, что ты хотела сказать! Ты хотела сказать: я не могу больше итти с тобой, я брошу тебя, изменника родины, и вернусь к своему милому, к своему верному Беркуту. Скажи, скажи мне это прямо и оставь меня! Я пойду туда, куда ведет меня судьба, и буду до конца дней своих заботиться о твоем счастье.

Едкий в начале этой речи, голос боярина сделался подконец мягким, дрожащим, хватающим за сердце, и Мирослава разразилась громкими рыданиями и бросилась к отцу на шею.

— Ах, отец! — рыдала она. — Ты разрываешь мне сердце! Чем я так тяжело провинилась перед тобой? Я ведь знаю, что ты любишь меня! Я... не оставлю тебя никогда! Я буду твоей служанкой, твоей рабой до последнего издыхания, только не иди туда, не отдавай своего честного имени на вечный позор!

С рыданиями она упала в ноги отцу, обнимая руками его колени, обливая слезами его руки. Не выдержал Тугар Волк, закапали слезы и из его старых очей. Он поднял Мирославу и крепко прижал ее к своей груди.

— Дитя мое, — сказал он ласково, — не кори меня! Горе наполнило горечью мое сердце, гневом налило мои думы. Но я знаю, что твое сердце — чистое золото, что ты не бросишь меня в дни тревоги и борьбы. Мы одни теперь на свете, негде нам преклонить голову, не от кого ждать помощи, как только от нас самих! Выбора у нас нет. Примем же помощь там, где мы найдем ее!

— Отец, отец! — отвечала вся в слезах Мирослава. — Гнев против тухольцев ослепил тебя и толкает тебя к погибели. Пусть верно, что мы несчастны, но почему же нам стать изменниками своей родины? Нет, лучше погибнуть от голода под забором!

— Молода ты еще, дочь моя, горяча и не знаешь вкуса голода и нужды. Я знал это и хочу спасти тебя от них. Не возражай мне! Вперед, идем же к нашей цели! Будь что будет, судьбы не избежать!

И он вскочил на коня и вонзил ему в бока шпоры. Напрасно Мирослава старалась удержать его: он погнал коня вниз. Рыдая, последовала за отцом и она. Полная непоколебимой детской веры, она все еще продолжала думать, что сможет спасти отца от гибели, от вечного позора, от измены своей отчизне.

Она, бедная, не знала, что ее отец уже так глубоко погряз в этой отвратительной трясине, так безнадежно катился в пропасть, что для него действительно уже не было иного выхода, как падать дальше, на самое дно.

Чем ниже они спускались в долину, тем гуще становился мрак, покрывая собою все, кроме пламени костров и зарева пожаров. Зато с каждой минутой все сильней и оглушительней становились шум и крики огромной человеческой толпы.

Глаза всадников разъедал дым, у них спирало дыхание. Боярин направил коня к первому пылающему среди поля костру. Это было монгольское охранение. Боярин и Мирослава увидели пятерых человек в вывернутых наизнанку овчинных полушубках и в косматых остроконечных колпаках; за плечами у них были луки, в руках они держали топоры.

Мирослава дернула отца за рукав:

— Батюшка! Святым богом молю тебя, уйдем отсюда!

— Куда?

— Идем в Тухлю!

— Нет уж, кончено! Мы пойдем туда, но пойдем не с униженными просьбами. Мы пойдем туда в гости, и я с удовольствием погляжу, посмеют ли тогда твои Беркуты изгонять нас.

Тем временем монголы заметили приход чужих. Они с диким криком, схватив луки, окружили их.

— Кто идет? — закричали они резкими голосами по-украински и по-монгольски.

— Поклонник великого Чингис-хана! — ответил по-монгольски Тугар Волк.

Монголы замерли от удивления, устремив на него глаза.

— Ты откуда? Зачем, почему один приходишь? — спросил один из них, повидимому начальник стражи.

— Не твое дело! — резко перебил его боярин. — Кто ведет ваше войско?

— Внуки великого Чингис-хана: Пета-бегадыр и Бурунда-бегадыр.

— Ступай же и скажи им, что «Калка-река по болоту течет и в Дон впадает». А мы будем ждать твоего возвращения у костра.

С рабской почтительностью расступились монголы перед незнакомцем, который говорил на их языке и таким тоном, какой они привыкли слышать лишь от своих ханов и бегадыров. Начальник торопливо передал свои обязанности другому монголу, а сам, вскочив на ноги, поскакал к лагерю, отстоявшему приблизительно в четверти мили от сторожевого костра.

Тугар Волк и Мирослава спешились; их лошадей немедленно отвели, почистили, напоили и пустили пастись на крестьянской, засеянной рожью ниве. Приезжие стали у костра, грея руки: их уже пощипывал весенний ночной холодок.

Мирослава дрожала, словно в лихорадке; бледность покрывала ее лицо, она не смела поднять глаза на отца. Лишь теперь, услыхав из его уст монгольскую речь и увидев, с каким почтением монголы выполняли его приказания, она догадалась, что отец ее не первый день знается с этими ужасными разорителями родной земли; она поняла, что правильны были слухи, передававшиеся шопотом

при дворе князя Данилы, будто Тугар Волк в битве под Калкой предал Русь, открыв монголам план предстоящего сражения, составленный русскими князьями. Правда, утверждали слухи, точного доказательства нет, не то боярину пришлось бы сложить голову на плахе; боярин во время битвы находился в первых рядах, и, как только русские войска смешались, он был взят в плен. Но кое-кому показалось странным его быстрое освобождение из плена, притом без всякого выкупа, хоть боярин и божился, что монголы отпустили его на волю из уважения к его храбрости. Дело было темное; однако при княжеском дворе все начали как-то сторониться Тугара, и сам князь перестал ему доверять, как доверял прежде. В конце концов боярин почувствовал перемену отношения к себе и попросил у князя дарственной земли в Тухольщине. Не расспрашивая, почему боярину вздумалось покинуть Галич и по какой причине он хочет закопаться в такой далекой лесной глуши, да еще с молодой дочерью, князь дал ему просимое, будучи, очевидно, рад избавиться от него. Когда они уезжали из Галича, все как-то холодно прощались с боярином, своим долголетним товарищем по оружию.

Все это в одно мгновение вспомнилось теперь Мирославе, и то, что когда-то удивляло и сердило ее, стало теперь очевидным и понятным. Так, значит, все эти слухи были верны! Так, значит, ее отец уже давно, десять лет, был в сношениях с монголами, был предателем! Раздавленная, сраженная этой мыслью, уронила Мирослава свою прекрасную голову. Сердце ее болело несказанно: она чувствовала, как в нем одна за другой рвутся самые крепкие, самые святые нити — нити детской любви и уважения. Какой одинокой, круглой сиротой чувствовала она себя теперь в мире, хотя тут же, рядом с нею, был ее отец! Какой несчастной чувствовала она себя, хотя отец только что уверял, что делает все для ее счастья!

Но и боярин был невесел: его суровое сердце теснили, очевидно, какие-то тяжелые чувства. Неизвестно, о чем думал он, но глаза его не мигая смотрели в пламя костра, внимательно следя, как догорали красные, словно раскаленное железо, поленья, как трескались они, охваченные пламенем. Было ли это спокойное раздумье человека, достигшего своей цели, или тревожное предчувствие будущего своей холодной рукой стиснуло его сердце и нало-

жило печать молчания на его уста? Так или иначе, но и он, пожилой, рассудительный человек, избегал смотреть на Мирославу, а все глядел да глядел в пламя костра, на огненные искры и на тлеющие поленья.

— Дочь моя! — прошептал он наконец, не поднимая на нее глаз.

— Почему ты вчера не убил меня, отец? — прошептала Мирослава, едва сдерживая слезы.

От этих слов на боярина дохнуло ледяным холодом. Он не нашел ответа и продолжал молча смотреть в пламя, пока часовой не возвратился из лагеря.

— Внуки великого Чингис-хана шлют свой привет новому другу и просят его в свой шатер на военный совет.

— Идем! — коротко бросил боярин и поднялся с места.

Мирослава поднялась вслед за ним, но ноги отказывались ей служить. Однако о возвращении уже не приходилось думать. В одно мгновение монголы привели лошадей, посадили Мирославу и, окружив гостей, направились с ними в лагерь.

Монгольский лагерь был расположен на громадном четырехугольном пространстве, окопанном глубоким рвом. С каждой стороны этого четырехугольника имелось по двенадцати входов, охраняемых вооруженной стражей. Хотя никакой неприятель лагерю не угрожал, его бдительно охраняли: таково было военное правило монголов, в полную противоположность правилам христианских рыцарей, которые не могли сравниться с монголами ни в отношении военной дисциплины, ни в искусстве тактики, ни в умении командовать большими массами.

Часовые, стоявшие у входа в лагерь, дикими голосами перекликались со стражей, ведущей боярина и его дочь. Потом необычайные гости были переданы им — боярина и его дочь повели в шатер начальников.

Как ни была Мирослава подавлена своей болью и чувством стыда, опалявшим ее щеки жгучим румянцем, ее природная отвага и военно-рыцарское воспитание не могли ее оставить безучастной к расположению лагеря и ко всему, что ее окружало теперь. Она быстро окинула взглядом стражу.

Невысокого роста, коренастые, одетые в овчинные тулупы мехом вверх, с луком и колчаном за плечами, монголы походили не то на медведей, не то на каких-то

других диких зверей. Их лица, лишенные растительности, с выдающимися скулами и маленькими, глубоко запавшими глазками, поблескивавшими в узких щелках косо прорезанных век, с маленькими приплюснутыми носами, казались страшными и отвратительными; желтый цвет кожи в отблесках пламени костров приобретал какой-то зеленоватый оттенок, делая их еще более страшными. Опустив вниз головы, издавая гортанные тягучие звуки, они напоминали волков, ищущих добычи.

Шатры их, когда Мирослава разглядела их вблизи, оказались сделанными из войлока, укрепленного на четырех жердях, связанных вверху и накрытых от дождя огромными шапками из конской кожи.

Перед шатрами торчали колья с насаженными на них окровавленными человеческими головами; на бледных, посиневших лицах, освещенных огнями костров, застыло выражение боли и ужаса.

Холодный пот выступил на лбу у Мирославы. Эту героическую, смелую девушку не пугала мысль, что и ее голова вскоре будет так же торчать перед шатром какого-нибудь монгольского бегадыра; она предпочла бы смерть на костре, предпочла бы, чтоб и ее голова в качестве кровавого трофея украшала шатер победителя, чем самой, своими глазами видеть теперь эти трофеи, которые еще недавно были живыми, думали, работали, любили. Это было бы лучше, чем итти теперь по этому страшному лагерю на бесчестное, предательское дело!

«Нет, нет! — думала она. — Это не случится. Я не пойду дальше! Я не сделаюсь изменницей своей родины! Я покину отца, если не смогу заставить его отказаться от его проклятого намерения!»

Тем временем они очутились перед шатром Петы, любимца Батыя. Шатер не отличался от других ничем, кроме укрепленной на его вершине жерди с тремя бунчуками; зато внутри он был убран гораздо богаче, с азиатской пышностью. Впрочем, боярин и Мирослава внутрь не вошли: они застали монгольских начальников перед шатром у костра, на котором невольники жарили двух баранов. Увидев гостей, начальники вскочили на ноги и схватились за оружие, впрочем не сделав ни шагу навстречу гостям. Зная монгольский обычай, боярин кивнул дочери, чтобы она осталась позади, а сам, сняв с головы шлем, а с плечей лук, подошел к монголам с поклоном и молча оста-

новился с опущенными вниз глазами в трех шагах от главного военачальника — Петы.

— От какого царя приносишь нам весть? — спросил его Пета.

— Я не знаю никакого царя, кроме великого Чингис-хана, повелителя всего мира! — произнес боярин. Это была обычная формула подданства.

Пета важно, впрочем не скрывая своей радости, протянул боярину руку.

— Во-время приходишь, — сказал Пета. — Мы ожидали своего союзника.

— Я знаю свой долг, — сказал Тугар Волк. — В одном только я преступил ваш обычай: я привел в лагерь свою дочь.

— Дочь? — спросил изумленный Пета. — Разве ты не знаешь, что наш обычай возбраняет женщинам входить в собрание воинов?

— Знаю, но что же мне оставалось делать? У меня нет ни дома, ни семьи, ни жены. Кроме меня и великого Чингис-хана, у нее нет никакой защиты! Мой князь был рад избавиться от меня, а проклятые смерды, мои рабы, подняли против меня бунт.

— Все же она не может тут оставаться.

— Я прошу у внуков великого Чингис-хана разрешения остаться ей только на сегодняшнюю ночь и завтрашний день, пока я не найду для нее безопасное убежище.

— Для наших друзей мы гостеприимны, — ответил Пета и, повернувшись лицом к Мирославе, произнес на ломаном украинском языке: — Подойди, девушка!

Мирослава задрожала, услыхав обращенные к ней слова страшного монгольского военачальника. Полными ненависти и презрения глазами смотрела она на разорителя Руси, не трогаясь с места.

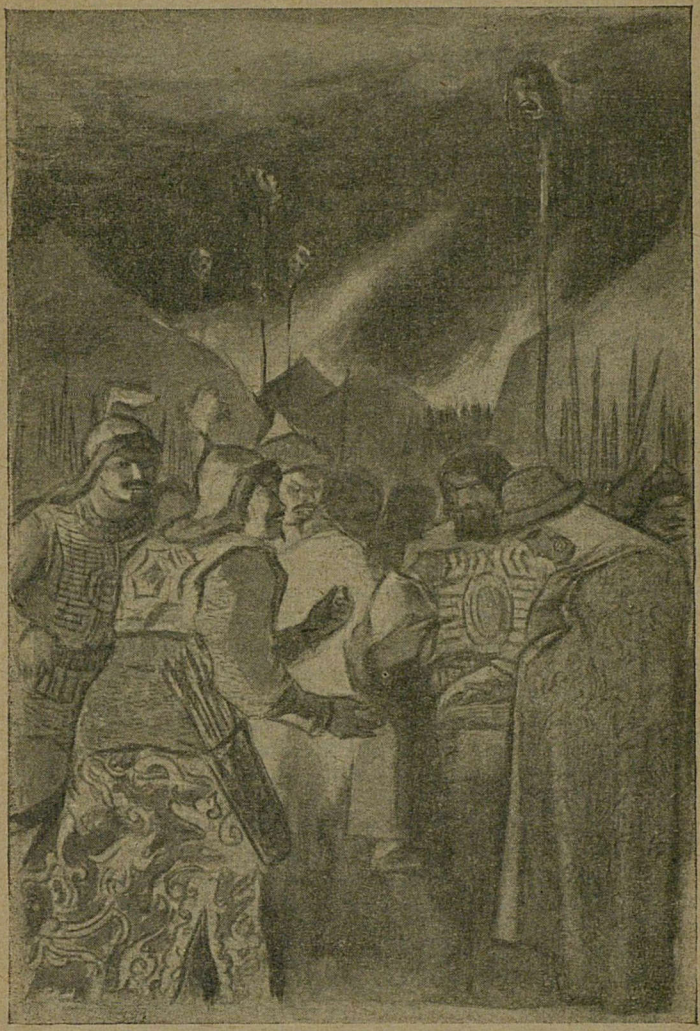
— Подойди, Мирослава! — сказал ей отец. — Великий начальник монгольского войска милостив к нам.

— Я не хочу его милости! — ответила Мирослава.

— Подойди, я приказываю тебе! — грозно промолвил боярин.

Мирослава медленно приблизилась. Пета взглянул на нее своими маленькими блестящими глазками.

— Хорош девушка! Жалко, что не остаться. Гляди, девушка, на свой отец. Будь верный великий Чингис-хан. Большой милость будет. На́ тебе, девушка, этот колец, с

вашего князь Мстислав. Знак безопасности. Покажи монгольски воин — пропустит, ничего худого не сделает. А теперь — в шатер!

Говоря это, Пета подал Мирославе снятый со своего пальца золотой перстень, добытый им в битве на Калке. Перстень был украшен большим золотисто-зеленым бериллом с вырезанными на нем фигурками. Мирослава колебалась, не зная, принять ли ей подарок от врага, являвшийся, может быть, платой за отцовскую измену.

— Возьми, дочь моя, этот знак милости великого внука Чингис-хана, — сказал боярин. — Этот знак его великой милости дает тебе право свободного хождения по лагерю. Нам придется расстаться. Их военный обычай запрещает женщинам находиться в лагере. Но с этим перстнем ты сможешь свободно приходить и уходить, когда тебе понадобится.

Мирослава продолжала колебаться. Но, осененная внезапной мыслью, приняла перстень и, отвернувшись, произнесла дрогнувшим голосом:

— Благодарю!

Пета приказал отвести ее в шатер, приготовленный для ее отца, а Тугар Волк остался с монгольскими бегадырами для участия в военном совете.

Первым начал речь Пета, главный военный начальник этой части монгольского войска, человечек лет около сорока, монгольского типа: низкорослый, вертлявый, с хитро подмигивающими, словно мышиными глазками.

— Садись, гость! — обратился он к боярину. — Если мы скажем тебе, что ждали тебя, пусть это будет наивысшей похвалой твоей верности великому Чингис-хану. Но ты все же пришел несколько поздно. Войско наше ждет уже третий день, а великий Чингис-хан, отправляя нас на запад, в страну своих рабов, арпадов, приказывал нам нигде без надобности не задерживаться дольше трех дней. Брат наш, Кайдан-бегадыр, который пошел через Валашский край, будет в доме арпадов раньше нас, он возьмет их столичный город. И какую же славу принесем мы из этого похода?

Боярин на это ответил:

— Я понял слова твои, великий бегадыр, и вот что я на них отвечу. Верный слуга великого Чингис-хана не мог прибыть раньше в ваш лагерь, так как лишь вчера узнал о вашем походе, а узнав, явился немедленно. О задержке

не печалься. Дороги наши хоть и не широки, но безопасны. Ворота в царство арпадов раскроются перед вами настежь, едва вы в них постучите.

— Какие это дороги и в чьих они руках? — коротко спросил Пета.

— Одна дорога — Дуклянская, вверх, вдоль реки Сянь, а затем через невысокий горный перевал. Это широкий и удобный путь, по которому не однажды хаживали русские и угорские воины.

— Далеко отсюда?

— Отсюда до Перемышля два дня пути и от Перемышля до гор еще два дня.

— Кто охраняет?

— Охраняют его бояре нашего князя, поставившие там засеки. Но бояре с неохотой служат князю Даниле Романовичу, не слишком ретиво охраняют засеки. Что-нибудь им пообещаете, и они склонятся на сторону великого Чингис-хана.

— Почему же до сих пор мы никого из них не видали в лагере? — спросил Пета.

— Нельзя им, великий бегадыр! Народ, среди которого они живут и который должен поставлять вооруженных людей для охраны засек, с трудом переносит их власть над собой. Дух бунта и непокорства живет в народе. Он тужит по своим давним порядкам, когда не было ни князей, ни иной власти, когда каждая община жила сама по себе, а против общего врага они соединялись по своей доброй воле, сами выбирая или сбрасывая своих начальников. В этих горах живет один старик, прозванный беседником, и он раздувает пламя этого непокорства во имя давних порядков. Народ смотрит на бояр, как пастухи на волка. И если бы народ увидел, что бояре открыто склоняются на сторону Чингис-хана, их побили бы камнями. Когда же, с приближением войск, бояре перейдут на вашу сторону и отдадут дороги вам, народ разлетится, как мякина на ветру.

Пета внимательно выслушал речь боярина. Его тонкие губы искривились насмешливой, презрительной улыбкой.

— Диковинные у вас порядки! — сказал он. — Князь бунтует против своих слуг, слуги — против князя, князь и слуги — против народа, а народ — против всякой власти! Диковинные порядки! У нас, когда вожди мелких

племен вздумали бунтовать против великого Чингис-хана, — он собрал их к себе в аул и, поставив вокруг аула стражу из своих верных сыновей, велел установить на площади восемьдесят больших котлов, наполнить их водой, а когда вода вскипела, то, не разбирая, кто прав, кто виноват, приказал бросить в каждый котел по паре бунтовщиков и варить их до той поры, пока мясо не сошло с костей. Затем, — продолжал Пета, — он велел вынуть скелеты из котлов, усадить их на лошадей и отвезти к подвластным им ранее племенам, чтобы те на примере своих вожаков учились послушанию и покорству великому Чингис-хану. Вот так надо учить и вас! И мы вас научим! Благодарите богов, что они прислали нас в этот край, — не то вы, как голодные волки, пожрали бы друг друга!

Кровь застыла у боярина в жилах при этом рассказе, но он не сказал ни слова в ответ.

— А какая ваша другая дорога? — спросил через некоторое время Пета.

— Другая дорога Тухольская, — отвечал боярин. — Хоть она не так широка и не так гладка, но она короче и столь же безопасна. На этой дороге нет засек и нет княжеских бояр. Сами хлопы сторожат ее.

— Хлопов ваших мы не боимся! — заметил презрительно Пета.

— И нечего их бояться, — подхватил боярин. — Они безоружны и неискусны в ратном деле. По этой дороге я сам могу вас проводить.

— Но, может быть, с арпадской стороны обе эти дороги на крепком запоре?

— Тухольская совершенно свободна, а Дуклянская хоть и на запоре, но не очень крепком.

— А долог ли путь Тухольской дорогой до страны арпадов?

— Вооруженным воинам до Тухли день пути. В Тухле переночевать, с зарею в путь, и к вечеру вы уж будете на равнине.

— А Дуклянской?

— Считая время на уничтожение засек, три дня пути.

— Ну так веди нас Тухольской! — сказал Пета.

— Разреши мне слово молвить, великий бегадыр! — произнес один из монгольских военачальников, человек громадного роста и геркулесовского телосложения.

Это был известный своей безумной отвагой и кровожадностью Бурунда-бегадыр, соперничавший в своей славе и доблести с Кайданом. Орды, которыми он предводительствовал, оставляли после себя наиболее страшные опустошения, наибольшее число жертв и бушующее море пламени. Он во много раз превосходил Пету своею смелостью: перед его шатром каждый вечер было выставлено вдвое больше отрубленных голов, чем перед каким-либо другим шатром. Но Пета не завидовал ему; Пета прекрасно знал, что он превосходил Бурунду в уменье управлять большими массами людей и в деле руководства большими битвами и походами. Он пускал Бурунду в самые опасные места, держал его в запасе до самого трудного, решающего момента, а затем бросал, словно непреодолимый железный таран, вместе с его отрядом завершать победу.

— Говори, брат Бурунда! — сказал Пета.

— Позволь мне с моим десятитысячным отрядом итти Тухольской дорогой, а ты сам отправляйся по Дуклянской. Перейдя на арпадскую сторону, я ударю на тех, которые стерегут Дуклянскую дорогу, и проложу тебе путь.

Пета взглянул на Бурунду с таким удивлением, словно этому рубаке впервые за его жизнь удалось высказать такую умную мысль. И действительно, план Бурунды хоть отличался смелостью, но был чрезвычайно разумен; Бурунда же был единственным смельчаком, кому было по силам осуществление такого плана.

— Хорошо, — сказал Пета, — будь по-твоему! Отбирай людей и завтра отправляйся с ними.

— Позволь и мне слово молвить, великий бегадыр, — произнес Тугар Волк.

— Говори, — разрешил Пета.

— Так как ты решил послать часть своих войск Тухольской дорогой — а все твое войско я и не советовал бы посылать по ней, так как дорога узка, — то разреши мне пойти вперед с небольшим отрядом, чтобы занять входы прежде, чем тухольские смерды доведаются о вашем наступлении и перегородят дорогу засеками.

— Ладно, — сказал Пета. — Когда хочешь выступать?

— Немедленно, чтобы завтра к полудню кончить свое дело.

— Если так, то закончим наш совет, и да помогут боги нашему оружию!

Пета поднялся, а за ним поднялись и другие военачальники. Тугар Волк попросил Пету, чтобы тот назначил в его отряд наиболее смелых воинов, а сам направился к своему шатру — подкрепиться на дорогу и проститься с дочерью.

В темном шатре, на ложе, устланном награбленными мягкими перинами, сидела Мирослава и горько плакала. Только теперь, после всех страшных и неожиданных впечатлений этого вечера, для нее настала наконец минута, чтобы собраться с мыслями и рассмотреть как следует положение, в какое она попала из-за своего отца. Оно было воистину ужасным и представлялось ей совершенно безвыходным. Отец ее — предатель, слуга монголов; она находится в монгольском лагере на положении не то гостьи, не то пленницы — беспомощная, круглая сирота. Ибо даже последняя ее опора — непоколебимая вера в пророческую силу виденного сна, вера в могущество материнского благословения и в свое счастье с Максимом, — эта вера теперь, при трезвом слове рассудка, начала колебаться. Ее сердце обливалось кровью. С каким лицом предстанет она теперь перед Максимом? Какими словами объяснит она ему свое — добровольное ли, вынужденное ли — пребывание в монгольском лагере?

Эти вопросы жалили ей сердце, точно змеи, и она дала волю слезам и плакала, словно прощаясь с жизнью.

Отец осторожными, тихими шагами приблизился к ней, положил ей руку на плечо — она не шелохнулась, не подняла головы, не перестала плакать.

— Дочка, Мирослава, — сказал он, — не плачь! Даст бог, все еще будет хорошо!

Мирослава словно ничего не слышала — она продолжала сидеть неподвижно, холодная и безучастная ко всему.

— Забудь этого смерда! Прекрасное будущее ждет тебя. А он, что такое он? Завтра в полдень он ляжет мертвым, сраженный моим мечом.

— Кто? — вскрикнула Мирослава раздирающим душу голосом.

Боярин испугался ее крика; он отшатнулся от вскочившей на ноги Мирославы.

— Кто ляжет мертвым? — повторила она свой вопрос. — Максим? Ты собираешься напасть на Тухлю?

— Да нет же, нет! — отнекивался боярин. — Кто сказал тебе это?

— Ты сам сказал! — наступала она на него. — Отец, скажи мне правду, что ты задумал? Не бойся за меня! Я теперь и сама ясно вижу, что не могу принадлежать Максиму. Из-за тебя не могу! О, ты умен и хитер! Ты добился своего! Я не могу принадлежать Максиму не по той причине, что выше его по рождению, о нет! Я ниже его. Я чувствую себя бесконечно ниже его потому, что он чистый, честный человек, а я дочь изменника, а может быть, и сама изменница! Да, отец. Ты очень хитер, так хитер, что самого себя перехитрил! Ты говоришь, что хочешь моего счастья, а сам убил мое счастье. Но пусть будет так! Какая тебе от меня выгода? Но скажи мне, что ты замыслил против него?

— Да ничего. Совершенно ничего! Он теперь, может быть, уже где-нибудь далеко в горах.

— Нет, нет, нет, я не верю тебе! Скажи мне, на чем вы там порешили с монголами?

— Говорили о том, каким путем итти в Угоршину.

— И ты хочешь отдать им в руки Тухольскую дорогу, чтобы отомстить тухольцам?

— Глупая девушка, за что мне мстить им! Слишком они ничтожны для моей мести. Я хочу скорее переправить монголов в Угоршину, так как чем скорее уйдут они из нашего края, тем меньше натворят беды здесь.

— О, конечно, конечно! — воскликнула Мирослава. — А возвращаясь, доконают все, что оставили в целости нынче! И ты ведешь их в Тухлю сейчас, немедленно?

— Нет, не в Тухлю. Я веду только один маленький отряд, чтобы окружить вход в Тухлю.

— Кто владеет воротами, тот владеет и домом! Но понимаю теперь! Ты же сам сказал там, на горе, что завтра Максим вместе с тухольскими хлопцами собирается разрушить наш дом. И ты хочешь с монголами напасть на него, убить?

Боярин уставился на нее изумленным взором; он начинал побаиваться, уж не ведьма ли его дочь — так быстро она разгадала его замысел.

— Дочка, забудь о нем! — сказал боярин. — Что ему суждено, то и сбудется.

— Нет, отец, этим ты не собьешь меня! Я поеду, поеду в Тухлю, я предостерегу его, я не дам ему попасть в твою западню! А если он попадется в нее, я стану рядом и буду вместе с ним до последнего вздоха против тебя, отец, и против твоих поганых союзников!

— Ты сумасшедшая! — крикнул боярин. — Смотри не доводи меня до гнева! Наступила решительная минута.

— Что мне твой гнев! — холодно ответила Мирослава. — И какое зло ты мне еще можешь причинить после всего, что тобою уже сделано? Если ты убьешь меня, это будет лишь благодеянием, так как мне все равно не жить. Пусти меня!

— Останься тут, безумная!

— Да, «останься тут», пока ты спокойно не умертвишь того, кто мне дороже жизни! О нет, я не останусь!

— Останься! Богом клянусь, что я не подниму руки на него!

— О, я знаю, знаю, что это означает! — воскликнула Мирослава. — Ну, разумеется: ты боярин, где же тебе поднимать руку на смерда! Но своим диким друзьям ты прикажешь все их отравленные стрелы направлять ему в грудь!

— Нет! Если ты уж так дрожишь за его участь, то еще раз клянусь тебе, что ни я и никто из моей дружины пальцем не тронет его, как бы свирепо он на нас ни нападал. Достаточно тебе этого?

Мирослава, раздираемая безумной тревогой, не могла больше ничего сказать. Разве она знала, достаточно этого или нет? О, с какой радостью она птицей бы полетела к нему, чтобы нежным щебетом предупредить его о грозящей опасности!

Но все было кончено. Отец взял свое вооружение и, выходя из шатра, сказал:

— Доченька, еще раз говорю и заклинаю тебя: оставайся в лагере, пока я не вернусь, а затем поступай, как хочешь. Прощай.

Он вышел, и войлочная завеса, служившая дверью, беспокойно заколебалась. Словно олицетворение горя и безумной тревоги, стояла Мирослава среди шатра, заломив в отчаянии руки. Наклонясь вперед и открыв уста, она ловила ухом стук копыт, становившийся все глуше, по мере того как удалялся на юг монгольский отряд, который вел ее отец на погибель Тухольщине.

V

С тяжелым сердцем шагал Максим Беркут посреди небольшого отряда тухольских молодцов, шедших выполнить волю общины. С детства Максим рос в глубоком сознании своего единства с общиной, в сознании святости общинной воли. И теперь, когда на него так некстати пал почетный выбор — согнать с общинной земли боярина, в котором тухольцы видели врага, Максим не посмел отказаться от этого поручения. Но мысль, что он должен будет встретиться с Мирославой и с ее отцом, как с врагами, что ему, может быть, придется драться с боярскими лучниками или даже с самим боярином, проливать человеческую кровь на глазах у той, за которую он сам готов был пролить собственную кровь, — эта мысль разрывала ему сердце. Правда, он твердо решил не доводить дела до кровопролития, но кто мог поручиться, что боярин сам не будет искать поводов к этому?

«Нет, — думал Максим, — если он захочет моей крови, я не стану защищаться! Жизни он мне не дает, так пусть же даст мне смерть! Прощай, моя Тухольщина! Прощай, отец мой, сокол сизокрылый! Прощайте, братья и товарищи мои! Не увидите вы больше Максима. Услышав про мою смерть, в печали вы скажете: он погиб за общину! Но вы не будете знать, что я сам желал и искал смерти!»

Так думал Максим, приближаясь к боярской усадьбе, стоявшей на холме над Опором.

Боярский дом был сложен из толстых, в четыре ряда, очищенных, гладко тесанных рубанком на стыках сосновых бревен с выступающими углом концами, как и теперь еще строят бревенчатые деревенские избы. Он был крыт толстыми драницами, обмазанными густым слоем красной, не пропускающей воды глины. Окнами дом был обращен к югу; вместо стекол на рамы были натянуты бычьи пузыри, пропускавшие слабый желтоватый свет. С фасада и позади дома были двери, которые вели в просторные сени, где по стенам были развешаны разное оружие, рога оленей и зубров. кабаньи, волчьи и медвежьи шкуры. Из сеней по обе стороны двери вели во внутренние покои, просторные, высокие, с глиняными печами, без каминов, с деревянными, красиво точенными полками для посуды. Светлица боярина находилась по одну, а светлица его дочери — по другую сторону. Сзади к дому

примыкало еще два больших помещения: кухня и людская.

В светлице боярина стены были увешаны медвежьими шкурами, и лишь над постелью висел дорогой заморский ковер, добытый боярином в каком-то походе. Над постелью висели луки, мечи и другое оружие. Светлицу же Мирославы, кроме мягких шкур на стенах и на полу, украшали еще цветы, а на стене против окна, над ее постелью, висело дорогое металлическое зеркало и рядом с ним деревянная, окованная серебром четырехструнная лютня, любимая наперсница Мирославы, поверенная ее девичьих дум и грез. Поодаль от дома находились конюшни, хлевы и другие хозяйственные строения; там же стояла маленькая хата для пастухов.

Но пусто и глухо было сегодня в просторном боярском доме. Боярина и Мирославы не было, слуг своих боярин куда-то услал, скотину велел присоединить к стаду жившего по соседству корчинского поселенца; только лучники да алебардщики остались в усадьбе, но и они были что-то невеселы: не зашумят, не пошутят, не запоют песни. Видно, ждет их дело поважнее: каждую минуту берут они в руки луки да стрелы, секиры да копья, и все это молча, угрюмо, словно к смерти готовятся. Что бы это значило?

Но вот один из них, который стоял на дороге, словно на страже, вдруг затрубил в рог, и все дружинники в полном вооружении с поднятыми копьями и нацеленными луками рассыпались строем перед боярским домом.

На дороге показалась тухольская дружина; при виде вооруженных людей, стоявших перед боярским домом, тухольцы также стали готовиться к бою.

Тревожным взором окинул Максим вооруженных людей, глядя, нет ли среди них боярина. К счастью, его не было. Максим облегченно вздохнул, с его плеч словно гора свалилась, и он стал приводить свой отряд в боевую готовность. Это потребовало немного времени. В молчании, с туго сведенными луками, со сверкающими топорами и копьями, тухольцы приближались к боярским дружинникам. Шагах в пятидесяти они остановились.

— Боярин Тугар Волк! — громко крикнул Максим.

— Нет здесь боярина Тугара Волка! — ответили дружинники.

— Тогда вы, верные его слуги, слушайте, что я скажу от имени Тухольской общины! Послала нас община, чтобы, по ее приговору, вы добровольно или же неволею ушли с Тухольской земли. Спрашиваем вас, уйдете вы по доброй воле или нет?

Дружинники молчали.

— Спрашиваем второй раз! — сказал Максим.

Дружинники продолжали молчать, не опуская луков.

— Спрашиваем третий раз! — сказал, возвышая голос, Максим.

Дружинники молчали, но вместе с тем не наступали, продолжая стоять неподвижно с враждебным видом. Максиму их поведение казалось странным, но, не задерживаясь дольше на этом, он приказал своим воинам стрелять. Со змеиным свистом пролетели стрелы над головами дружинников и воткнулись в стену. В ту же минуту дружинники, словно по данному знаку, швырнули оружие на землю и с поднятыми руками пошли навстречу тухольцам.

— Товарищи, братья! — сказали они. — Не прогневайтесь на нас за наше молчание. Мы дали слово боярину, что встретим вас враждебно, но не давали ему слова проливать вашу кровь, и притом проливать неправедно. Мы были на общинном суде, знаем, что боярин обидел общину и что общинный приговор справедлив. Делайте, что вам приказано, и если будет милость отцов ваших, мы попросим их принять нас в свою общину. Не хотим больше служить боярину!

Тухольцев, особенно Максима, охватила при этих словах безграничная радость. Сейчас же все они побросали оружие в кучу перед боярским домом и с веселыми, шумными возгласами бросились обнимать и целовать своих новых неожиданных товарищей, с которыми минуту назад собирались вступить в смертельный бой. Больше всего Максима радовало, что оказались ложны его опасения, что ему не пришлось на глазах Мирославы вступать в бой с ее отцом и изгонять неведомо куда ту, с которой он век бы не расставался. Радость, что это тяжелое дело так мирно закончилось, на миг заглушила все его сомнения. Сопровождаемые веселыми боярскими дружинниками, вошли тухольцы в дом боярина, с любопытством оглядывая все вокруг, но ничего не трогая.

С сердечным трепетом приближался Максим к светлице Мирославы, надеясь встретить ее там в слезах или в

гневе и полный желания утешить и успокоить ее. Но Мирославы в светлице не было, и это обеспокоило Максима.

«Где она?» подумал он и решил немедленно спросить об этом дружинников, которые суетились, готовя на радостях для своих тухольских друзей братское угощение. Однако ответы дружинников не удовлетворили и не успокоили Максима. Боярин вчера рано утром выехал с дочерью, но куда, зачем и когда вернется, они не знают; боярин велел встретить тухольцев, как врагов, но, то ли увидев угрюмые лица своих слуг, то ли приняв какое-то новое решение, прекратил с ними разговор и уехал.

Вот и все, что узнал Максим от своих новых союзников. Естественно, что подобные вести должны были сразу омрачить его радость и даже заронить в нем подозрение против дружинников. Что это значит? Нет ли за всем этим измены? Не хочет ли боярин поймать их в какую-нибудь ловушку?

Не желая открыто высказывать своих подозрений, Максим лишь шепнул некоторым своим товарищам, чтобы они держались настороже, а сам тщательно и зорко осмотрел сверху донизу весь дом, не пропуская ни одного тайника, ни одной каморки. Нигде не было ничего подозрительного.

— Хороший дом, — обратился Максим к дружинникам, устанавливавшим столы, — но ничего не поделаешь: мы должны его разобрать! Понятное дело, мы не станем его ни разрушать, ни жечь, а сложим все аккуратно, чтобы боярин, если захочет, мог все это забрать. И все его добро должно быть сохранено в целости!

Тем временем дружинники вынесли в сени большие дубовые столы, накрыли их белыми скатертями и уставили всевозможными яствами и медами. Началось угощение, сопровождаемое веселыми кликами и песнями. Однако чем больше сидели тухольцы за столами, чем больше ели и пили, тем меньше становились их радость и веселье. И хоть в точеных деревянных кубках пенился мед, хоть мясо, жаренное на вертелах, дымилось на деревянных тарелках, хоть ласковые слова дружбы неслись с одного конца стола на другой, какая-то тайная дрожь проникала во все сердца, словно в предчувствии страшной вести.

Самый воздух был насыщен странной, непонятной, но всеми ясно ощущаемой тревогой. Не стены ли боярского дома давили вольных общинников?

Вот встал один из боярских дружинников и, подняв кубок, наполненный пенистым медом, начал:

— Братья! Радостен этот день для нас, и пусть же ничего худого...

Но не кончил. Вдруг побледнел и задрожал всем телом. Все пирующие вскочили с мест, бросились кто куда, опрокинув стол со всем, что на нем стояло.

— Что такое, что такое? — пронесся всеобщий крик, и все кинулись к дверям.

Как ни незначителен был повод — услышанный всеми глухой стук конских копыт, — но этот звук произвел страшный переполох в боярском доме. С минуту в сенях было настоящее столпотворение: один бежал в одну сторону, второй — в другую; этот искал одно, тот — другое; все сбились в кучу, давили друг друга, наступали ногами на кубки, топтали кушанья, белые скатерти. Максим первый вырвался из сеней во двор и, бросив взгляд вокруг, сразу понял, какая огромная опасность грозит им.

— К оружию, братья, к оружию! Монголы! Монголы!

Этот крик был подобен внезапному раскату грома. Все помертвели и застыли в тех беспорядочных позах, в которых их застала эта весть. Однако это продолжалось одно мгновение. Стук конских копыт слышался все ближе и ближе, и надвигающаяся опасность вывела всех из состояния оцепенения. Ведь все они были смелые, сильные молодцы! Ведь каждый в своих детских и юношеских снах не раз видел себя среди битвы, в смертельной опасности, в кровавой борьбе с врагом, и желал, молился лишь об одном, чтобы сон его превратился в действительность, чтобы ему пришлось когда-нибудь встать грудью за свой край. И вот эта минута наступила — им ли было пугаться ее?

Лишь на одну минуту оглушила их страшная весть, страшное слово «монголы»; через мгновение они уже овладели собой, уже каждый держал в руках оружие, стоя в строю рядом с товарищами, готовый к кровавому поединку.

— Главное, товарищи, держаться этих стен! Пока враг не отгонит нас от дома и не окружит в чистом поле, до тех пор нам нечего бояться! Дом этот будет нашей крепостью.

И Максим расставлял лучников у окон и дверей по-двое и по-трое, в зависимости от важности и защищенно-

сти места. Некоторые должны были находиться внутри дома, чтобы подавать оттуда, из боярского склада, лучникам стрелы и рогатины; главная же часть отряда должна была стоять у входных дверей, чтобы, когда понадобится, прорвать ряды нападающих и отогнать их от дома.

Тем временем монголы остановились на песчаном берегу Опора, спешились и, разделившись на три отряда, двинулись на холм по трем тропинкам. Очевидно, тот, кто их вел, хорошо знал все дороги и тропы, потому что весь этот маневр был произведен быстро, без лишних проволочек и заминок. Маневр этот ясно показывал, что монголы хотели обойти тухольцев со всех сторон и окружить дом.

Но кто это так смело выступает во главе среднего, главного отряда монгольского? Смотрят тухольцы и глазам своим не верят. Да это же не кто иной, как сам владелец этого дома, гордый боярин Тугар Волк!

— Наш боярин! Наш боярин! — крикнул кое-кто из дружинников, которых Максим, не доверяя им, поставил в строй вперемежку с тухольцами.

— Да, это ваш боярин, слуга монголов, предатель своей родины! Неужели вы и теперь сохраните ему верность?

— Нет, нет! — воскликнули все дружинники как один. — Смерть изменнику! Разобьем вражью шайку или сами погибнем, защищая свой край!

Обрадовался этим словам Максим и сказал:

— Простите, братья. Одно мгновение я несправедливо судил о вас, думая, что вы в заговоре со своим боярином. Но теперь вижу, что этим оскорблял вас. Будем же держаться вместе возле этих стен, чтоб нас не могли окружить, и постараемся нанести им как можно больший урон! Монголы, как я слышал, не умеют вести правильной осады, а тем более при таком незначительном количестве людей. Авось нам удастся отбить их нападение!

Бедный Максим! Он старался в других возбудить надежду, которая стала покидать его самого еще с той минуты, как он увидел монголов, а теперь почти совсем исчезла, когда осажденные увидели собственными глазами превосходство противника.

Однако его слова оказали свое действие на его товарищей, не раз уже убеждавшихся в том, что Максим не терял присутствия духа в минуты самой грозной опасно-

сти. Слепо повинуясь его словам и распоряжениям, каждый думал лишь о том, чтобы защищать свое место до последней возможности, твердо зная, что товарищ, стоящий рядом, сделает то же самое.

Но вот монголы тремя широкими кольцами окружили боярский дом, нацеливаясь из своих луков в осажденных и лишь ожидая приказа начальника. Но начальник, повидимому, хотел прежде испробовать оружие слова, так как он вышел из рядов вперед и обратился к осажденным:

— Рабы неверные! Поганые смерды! Неужели ваша наглость так же безгранична, как и ваша глупость, и вы хотите поднять оружие против войска великого Чингис-хана, ныне непререкаемого властителя всея Руси? Сдайтесь ему без боя, и он помилует вас. А противящиеся его силе будут беспощадно раздавлены, как червяки под колесами!

Громко и смело ответил на эту речь Максим Беркут:

— Боярин! Больно не в пору назвал ты нас, сынов вольной общины, рабами! Погляди на себя самого! Тебе это название подходит больше, чем нам. Ведь вчера еще ты был рабом князя, а нынче ты уже раб великого Чингис-хана и, вероятно, уже полакал молоко какой-нибудь бегадырской кобылицы. Если оно тебе понравилось, из этого еще не следует, что и мы на него лакомы. Сила великого Чингис-хана нас не пугает. Она может уложить нас мертвыми, но не сделает нас рабами. А тебя, боярин, вся сила великого Чингис-хана уже не сделает ни свободным, ни честным человеком!

Отповедь Максима была резка и сурова. В другое время он бы посчитался с тем, что перед ним отец Мирославы, но теперь он в нем видел лишь врага — нет. больше: предателя, человека, растоптавшего собственную честь, которой, впрочем, у него и не было. Речь Максима вызвала шумное одобрение со стороны его товарищей. А боярин клокотал от злости.

— Холоп поганый! — кричал он. — Погоди! Я еще покажу, что ты раньше времени хвастаешь своей свободой! Еще сегодня железные цепи зазвенят на твоих ногах и руках! Еще сегодня будешь ты валяться в пыли перед монгольским начальником!

— Скорей погибнуть! — ответил Максим.

— А вот и не погибнешь! — крикнул боярин. — Гей, детушки! — обратился он к своему отряду по-монголь-

ски. — Вперед! Только этого обходите, этого мы должны взять живьем!

И он подал знак к началу боя. По горам и лесам прокатился визгливый звук рогов и оборвался. Вокруг боярского дома стало тихо, но это была страшная тишина. Как змеи, свистели монгольские стрелы и градом сыпались на боярский дом. Правда, нападающие находились слишком далеко, чтобы их стрелы могли долететь, а тем более серьезно ранить противников. Поэтому Максим приказал своим не стрелять и вообще беречь стрелы до той поры, когда можно будет наверняка поражать врагов и одним ударом нанести им значительный урон. А чтоб задержать их приближение к стенам дома, он и несколько отобранных им товарищей расположились во дворе, приблизительно в двадцати шагах от входа, за крепкой дощатой стеной, представлявшей собой часть недостроенного забора. Забор был высотой в человеческий рост и укрывал тухольцев от монгольских стрел. Редкие же, но меткие стрелы тухольцев поражали насмерть монголов, сдерживая их натиск.

Тугар Волк, увидев этот маневр, пришел в неистовую ярость.

— На приступ! — кричал он.

И монголы, сгрудившись всей массой, под предводительством боярина, со всех ног и громко крича, бросились к забору. За ним было тихо, словно там все вымерли.

Вот-вот монголы добегут до забора, вот-вот забор рухнет под их напором — как вдруг над дощатой стеной вырос, точно из-под земли, ряд голов и могучих плеч, свистнуло множество каленых стрел, и раненые монголы взревели от боли страшными голосами. Половина их упала, словно подкошенная, а другая половина понеслась обратно, не обращая внимания на крики и проклятия боярина.

— Урра, молодцы! Урра, Максим! Урра, Тухольцина! — кричали охваченные воодушевлением защитники.

Но боярин, не помня себя от злобы, уж собирал новый отряд для нового наступления. Он объяснял монголам, как надо вести наступление, не рассыпаясь от первого же удара противника, а продолжая итти по трупам. В это же время и Максим объяснял своим людям, что им нужно делать, и они с поднятым оружием дожидались следующего нападения монголов.

— Вперед! — крикнул боярин.

И монголы, предварительно осыпав неприятеля градом стрел, ринулись на приступ к забору. Снова встретили их осажденные меткими стрелами, и снова часть нападающих со страшными криками рухнула на землю. Зато остальные уже не бросились назад, а с оглушительными криками продолжали мчаться вперед и достигли забора. Настала страшная минута. Тонкая дощатая стена разделяла смертельных врагов; как ни близко были они между собой, а тронуть друг друга не могли.

Те и другие молчали; лишь с обеих сторон забора раздавалось жаркое дыхание. Вдруг, словно по данному знаку, застучали по стене монгольские топоры. Но в ту же минуту тухольцы огромным усилием плеч приподняли забор и, нажав на него, обрушили на монголов. И в тот миг, когда деревянная стена своею тяжестью придавила передние ряды монголов, тухольские молодцы, вооруженные своими топорами на длинных топорищах, ринулись вперед, обрушивая топоры на черепа монголов. Брызнула кровь, раздались крики, стоны, и вновь рассеялась толпа врагов, оставив на месте боя трупы и раненых.

И вновь осажденные радостными криками приветствовали победу, и вновь на этот крик монголы ответили градом стрел, а боярин — яростными проклятиями.

Но тухольцам на этот раз пришлось покинуть свою выдвинутую вперед позицию. С огорчением прощались они с местом, где им удалось с таким успехом отразить нападение монголов. Без всяких потерь, при полном вооружении и в полном порядке, обращенные лицом к врагу, отступали они к стенам боярского дома.

В то время, когда на южной стороне двора боярской усадьбы тухольцы так удачно отбили нападение, на северной стороне этого двора исход боя был менее счастливым для осажденных. И здесь монгольские стрелы свистели, не нанося вреда, но здесь монголы сразу двинулись на приступ, и осажденным пришлось туго. Они бросились на монголов, но были встречены стрелами и вынуждены были отступить, потеряв трех человек ранеными, которых монголы тут же изрубили в куски.

Первым делом Максима было осмотреть все позиции своего отряда и как следует разобраться в своем положении. Дом был окружен живой стеной монголов, продолжавших без перерыва осыпать его градом стрел. Осажденные отвечали им также стрельбой, хоть и не такой частой.

Максим сразу понял, что нападающие стремятся загнать их внутрь дома, откуда частая стрельба была бы невозможна, и таким образом врагам была бы обеспечена победа.

Следовательно, главнейшим делом для защитников было держаться у стен дома. Но здесь их ряды были открыты для монгольских стрел. Чтобы найти хоть некоторую защиту от них, Максим приказал сорвать двери, снять верхние доски со столов и поставить их впереди бойцов в виде больших щитов. Из-за этих укрытий его люди, будучи в полной безопасности, метко стреляли в монголов, издеваясь над их стрелами. А Максим переходил от одной группы к другой, обдумывая новые способы защиты и поддерживая в товарищах дух своим примером и словами.

— Будем держаться, товарищи! — говорил он. — В Тухле услышат шум боя или кто-нибудь увидит, что здесь происходит, и к нам прибудет подмога.

Осада продолжалась уже полчаса. Монголы все еще стреляли, проклиная «русских псов», которые не только не сдавались, но еще смели так упорно и удачно защищаться.

Тугар Волк созвал военный совет из наиболее славных воинов своего отряда, чтобы обсудить, как одним решительным ударом покончить с врагом.

— Итти на приступ! — говорил один.

— Нет, на приступ трудно, а надо стрелять, пока всех не перестреляем, — предлагал другой.

— Погодите, — сказал Тугар Волк, — наступит время и для того и для другого. Теперь же дело заключается в том, чтобы согнать их с позиции. Соедините главные наши силы, как бы готовясь итти на приступ, чтобы этим отвлечь их внимание, а тем временем пусть наши маленькие отряды двинутся с обеих сторон в обход к боковым стенам, которые не охраняются. Эти стены, правда, не имеют окон, но все же, когда наши люди станут под ними, они получат возможность причинить врагу большой вред.

Монголы согласились с этим предложением, так как, будучи неопытны в подобных маневрах, не смогли бы придумать ничего другого. Зашевелилось монгольское войско, раздался лязг оружия, засверкали на солнце мечи

и топоры; тухольские дружинники крепко стиснули в руках свое оружие, готовясь к тяжелому бою.

Но пока монголы советовались и готовились итти на приступ, Максим тоже не дремал. Счастливая мысль осенила его. В дощатой крыше боярского дома были с четырех сторон прорублены небольшие окна; у этих окон Максим поставил наиболее слабых из своих людей, чтобы те, наблюдая со своих безопасных позиций за всяким движением врага, в то же время наносили ему урон стрелами или камнями. Один стоял у окна, другой доставлял ему все, что требовалось, а третий должен был сообщать вниз о всем происходящем у врагов.

Заиграли трубы, завыли дикими голосами монголы и кинулись на неприятеля. Но монголы не собирались подходить вплотную; пробежав половину расстояния, они вдруг остановились и осыпали стрелами осажденных. Когда же последние, приготовившись к решительной битве, встретили монголов градом стрел, причинивших большие потери, линия монгольских войск дрогнула и подалась назад. Шумными насмешками сопроводили тухольцы отступление врагов.

— А что, боярин, — крикнул Максим, — у войска великого Чингис-хана, видно, сердце-то заячье: разбежится да отступит! И не стыд тебе, старому рыцарю, командовать такими трусами, что в стаде лишь смелы, как бараны, а в одиночку ни один и полмужчины не стоит?

Боярин ничего не ответил на эту насмешку: он-то хорошо знал, что Максим смеялся преждевременно. И Максим вскоре сам убедился в этом. Из-за боковых стен дома, и слева и справа одновременно, раздались радостные крики монголов.

Пока происходило мнимое наступление, они двинулись к этим стенам: стены были без окон и дверей, и тухольцы не слишком тщательно следили за ними. Правда, люди, поставленные Максимом на чердаке, видели монголов, двигающихся с двух сторон, и метнули в них несколько стрел, но это не остановило врагов, тем более что, стоя у самых стен, монголы были полностью защищены дощатым навесом от стрел и камней сверху.

Максим побледнел, услыхав рядом с собой зловещие крики и узнав от часового, спустившегося с чердака, что эти крики означают.

«Пропали мы! — подумал он. — О спасении не может

быть и речи. Теперь приходится защищаться не на жизнь, а на смерть».

К тому же Тугар Волк, убедившись в успехе своего замысла, радостно закричал:

— А что, хлопы? Посмотрим, надолго ли хватит вашей храбрости! Мои молодцы уже под вашими стенами! Гей, огонь под стены! Выкурим их из этого гнезда, а в чистом поле они против нас, что мышь против кота!

Видит Максим, что круто приходится, созывает он своих товарищей, так как не к чему защищаться отдельными группами, когда монголы уже раскладывают огонь под боковыми стенами.

— Братья, — говорит он, — видно, придется нам погибать. На спасение мало надежды. Монголы — знайте это наперед! — не пощадят никого, кто попадется им в руки, как не пощадили они никого из наших раненых товарищей. А если погибать, так погибнем, как подобает мужам — с оружием в руках! Как думаете: стоять тут и защищаться под прикрытием этих стен или же разом ударить на монголов? Может быть, нам все же удастся прорвать их ряды!

— Ударим, ударим на монголов! — закричали единодушно все. — Мы же не лисы, которых выкуривают из нор.

— Хорошо, если такова ваша воля, — сказал Максим. — Становитесь в три ряда. Луки и стрелы отбросьте, топоры и ножи в руки — и за мной!

Подобно громадному камню, пущенному из огромной пращи в стены твердыни, ударили наши удальцы на монголов. Правда, пока они подбежали к ним, монголы успели осыпать тухольцев градом стрел, но стрелы не причинили вреда: первый ряд тухольцев нес перед собой вместо щитов верхние доски от столов, прибитые к двум копьям, и монгольские стрелы вонзались в эти доски.

Однако, приблизившись к монголам, дружинники отбросили прочь свои деревянные щиты и с безумной отвагой бросились на врага.

Монголы смешались и стали разбегаться. Но Тугар Волк был уже тут со своим отрядом и обложил удальцов со всех сторон, как свора охотничьих собак — разъяренного вепря. Началась жесточайшая резня. Десятками валили храбрые тухольцы монголов, но Тугар Волк продолжал посылать против них все новые отряды. Кровь била фон-

таном из этого чудовищного месива, состоявшего из живых людей и трупов. Стоны раненых, вопли умирающих, яростные крики нападающих — все это смешалось в какую-то адскую симфонию, резавшую слух и сердце и гремевшую под этим улыбающимся ясным солнцем, на фоне свежей зелени пихтовых лесов, под несмолкающий шум студеных горных ручьев.

— Вправо, товарищи! Вправо! Дружно нажмем на них! — кричал Максим, отбиваясь от трех монголов, пытавшихся выбить из его рук оружие.

Напрягая все силы, устремились дружинники вправо, где линия монголов была наиболее слаба. После короткого сопротивления монголы отступили.

— Вперед! Вперед! Гоните их! — вскричал Максим, бросаясь со своим окровавленным топором за отступающими монголами.

Дружинники последовали за ним, и отступление монголов быстро превратилось в беспорядочное бегство. А дружинники гнали их, продолжая валить задних одного за другим на землю.

Впереди было открытое поле, а дальше темнел густой, смолисто пахнущий лес. Если бы тухольцам удалось добежать до него, они были бы спасены. Никакая монгольская сила не могла бы с ними ничего поделать.

— Вперед, товарищи, вперед, к лесу! — кричал Максим.

И без передышки, в молчании, окровавленные и страшные, точно и вправду дикие звери, гнали дружинники перед собой убегающих монголов по направлению к лесу. Тугар Волк взглядом оценил положение и захохотал.

— Счастливой дороги! — крикнул он вслед дружинникам. — На этом пути мы еще встретимся!

И он быстро отделил часть своего отряда и послал его вверх на Тухольскую дорогу, чтобы перерезать дружинникам путь со стороны леса. Он хорошо знал, что монголы поспеют во-время. А сам с остальной частью отряда бросился вдогонку за тухольцами.

Три облака пыли стояли над Опором; три группы людей бежали вдоль берега. Первую группу составляли перепуганные, разбитые монголы; за ними, догоняя их, мчались тухольцы во главе с Максимом; а за тухольцами — главные силы монголов под предводительством Тугара Волка. Третья часть монгольского войска, посланная Ту-

таром наперерез тухольцам, вскоре скрылась из виду; разъяренные, увлеченные погоней, тухольские удальцы не заметили, где она исчезла.

Вдруг убегавшие от тухольцев монголы остановились. Перед ними возникло неожиданное препятствие: глубокий, высеченный в скале проход — начало Тухольской дороги. Проход был глубиной в две сажени. Стены его были отвесны и гладки, сползти по ним было невозможно, а прыгать вниз крайне опасно — особенно для первого ряда беглецов, боящихся, что вслед за ними спрыгнет второй ряд. В смертельной тревоге, придающей иной раз храбрость и самому трусливому, монголы обернулись лицом к своим противникам. И в этот момент для них неожиданно блеснул луч надежды: они увидели своих единоверцев, настигающих противника, и их руки сами схватились за оружие. Но этот внезапный прилив отваги уже не мог им помочь. Как сокрушительный ураган, налетели тухольские молодцы, ломая и сметая все преграды, и столкнули их в пропасть. С воплями слетели задние на дно прохода, в то время как передние погибали от мечей и топоров тухольцев.

Теперь удальцы сами очутились у края отвесной стены и затрепетали. Сзади мчится Тугар Волк с монголами, а впереди эта страшная пропасть! Что делать? Одной минуты размышления было достаточно для Максима. Вид лежащих на дне прохода перебитых монголов навел его на удачную мысль.

— Задние, обернитесь лицом к монголам и на мгновение сдержите их натиск! А вы, передние, бросайте трупы в проход, будем прыгать на них! — крикнул он.

— Урра! — радостно закричали дружинники, выполняя его приказ.

Грузно полетели на дно еще не остывшие трупы монголов. Для тухольцев забрезжила надежда на спасение. Тем временем налетела монгольская погоня, Тугар Волк впереди.

— Нет уж, — кричал он, — на этот раз вы не уйдете от моих рук!

Тяжелой алебардой он свалил первого подвернувшегося ему под руку врага, который вчера еще был его верным слугой. Охнул смертельно раненный лучник и упал под ноги боярину.

Товарищ раненого уже занес топор над Тугаром, чтоб

отомстить за смерть друга, но в тот же момент сам был проткнут с двух сторон и поднят на монгольские пики. Все дружинники, стоявшие в первом ряду, пали после короткого сопротивления. Это были самые слабые из отряда Максима, раненные в первой битве и поэтому бежавшие позади всех. Все же им удалось на минуту задержать монголов, и этого было достаточно, чтобы их более счастливые соратники уже очутились в безопасности, на дне прохода.

— Стойте! — закричал своим Максим. — Стройтесь в один ряд и становитесь под стену! Если они захотят преследовать нас, мы им здесь устроим кровавую купель.

— Первый ряд, прыгай за ними! — скомандовал в безрассудной ярости Тугар Волк.

И первый ряд прыгнул вниз, но уже не поднялся на ноги: многие даже до дна не долетели живыми, встреченные еще в воздухе топорами тухольцев.

— Урра! — торжествующе кричали тухольцы. — А ну-ка, второй ряд, прыгай и ты!

Но второй ряд стоял на краю прохода и не торопился прыгать. Тугар Волк, увидев свою ошибку, немедленно направил сильный отряд ниже, в долину, чтобы замкнуть тухольцам выход.

— Теперь не уйдут от нас пташки! — торжествовал он. — Вот уже подходят мои охотники. А ну-ка, детки, вперед!

В этот момент бешеный крик монголов раздался в проходе, под ногами Тугара Волка. Это появился первый отряд, посланный им наперерез тухольцам и теперь ударивший на них.

— Бежим вниз! — вскричали тухольцы, но с первого же взгляда поняли, что их надежда на спасение рухнула: внизу, у выхода, чернелась другая группа монголов, шедшая прямо на них и замкнувшая их в этой каменной клетке.

— Теперь нам смерть! — произнес Максим, вытирая о тулуп убитого, лежащего у его ног монгола свой окровавленный топор. — Товарищи, смело в последний бой!

И с какой же смелостью ринулись они в бой! Собрав последние силы, ударили они на монголов и, несмотря на неудобство и покатость места, выгодного для противника, еще раз смешали его ряды, еще раз нанесли ему жестокий урон. Но монголы, напирая сверху, силою своего разгона

потеснили их в долину и расстроили их ряды. Геройски защищаясь, падали удальцы один за другим, и один только Максим, дравшийся, как лев, не имел еще на своем теле ни одной раны. Монголы избегали его, а если и бросались на Максима, то лишь с единственной целью — обезоружить и взять живьем. Таков был приказ Тугара Волка.

Но вот ударил и второй монгольский отряд, пришедший снизу, из долины; тухольцев стиснули в каменной, не имеющей выхода клетке, прижали к стене, оставив перед ними лишь столько свободного пространства, сколько его могли очистить их мечи и топоры. Но руки тухольцев стали слабеть, а монголы все накатывались и накатывались, как волны в половодье.

Уж некоторые из дружинников, потеряв последнюю надежду и видя бесцельность дальнейшего сопротивления, в слепой ярости бросались в самую гущу монголов и, рассеченные топорами, тут же погибали. Другие, шепча молитвы, еще продолжали жаться к стенам, будто стены могли им чем-нибудь помочь; третьи хоть и защищались еще, но уже бессознательно, машинально взмахивая топорами, и смертельные удары, наносимые им монголами, обрушивались уже на их бездыханные, бесчувственные тела.

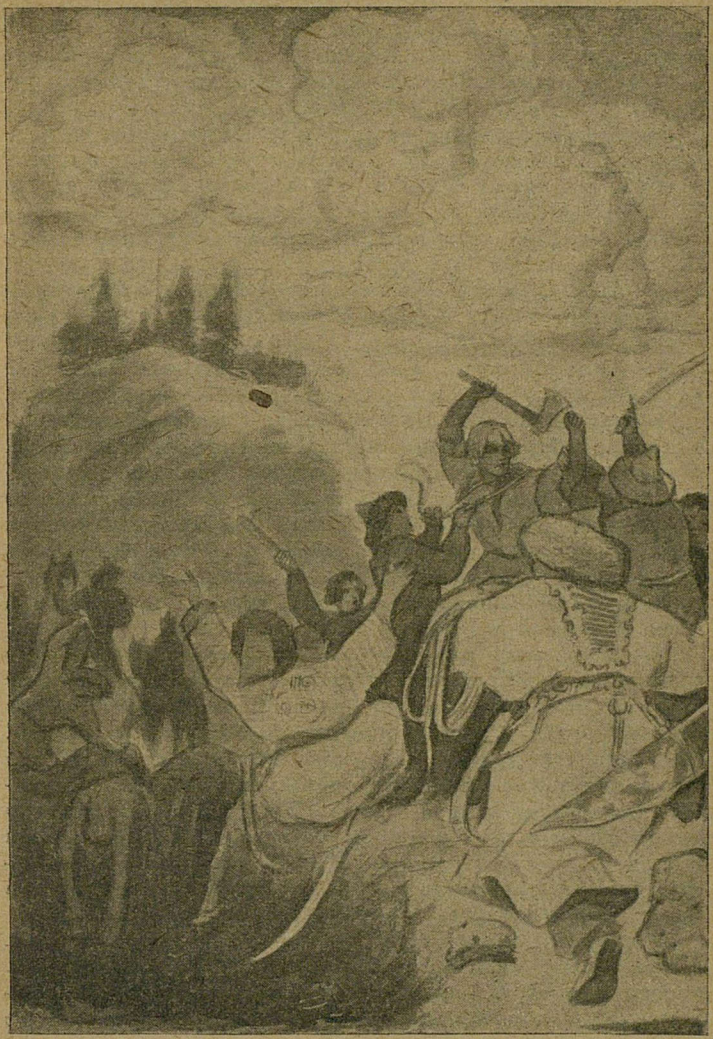
Лишь небольшая горсточка самых сильных — пятеро их было, — окружив Максима, держалась прямо, словно скала среди бушующих волн. Уже три нападения монголов отбили эти пятеро воинов, стоя на груде трупов, словно на башне. Уже иступились мечи и топоры в руках героев, одежда их, руки и лица были залиты кровью, но все еще отчетливо раздавался громкий голос Максима, продолжавшего воодушевлять товарищей. Тугар Волк, стоя наверху, глядел на удальца с гневом, смешанным с удивлением.

«Ей-богу, славный молодец! — молвил он сам себе. — Не удивляюсь теперь, что он очаровал мою дочь. Он и меня самого мог бы пленить своей рыцарской отвагой!»

И, обернувшись к монголам, стоявшим на краю обрыва, крикнул:

— Вперед, прыгайте на них! Пора кончать эту резню! Лишь этого (он указал на Максима) не трогайте!

И монголы все разом, подобно тяжелой скале, обрушились сверху на не побежденную еще горсточку героев

и пригнули их к земле. Еще раз раздались бешеные крики, еще боролись, обхватив друг друга, монголы с тухольцами, но это уже был конец. На каждого из героев наваливалась целая толпа монголов, и все дружинники полегли мертвыми. Только один Максим продолжал еще стоять, как дуб среди поля. Он рассек голову монголу, который было наскочил на него, и уже замахнулся на другого, как вдруг его горло сжала железным кольцом протянутая сзади чья-то сильная рука и швырнула его оземь. Упал побежденный коварством Максим, и над ним склонилось багровое от ярости и напряжения лицо Тугара Волка.

— А, что, смерд? — с насмешкой вскричал боярин. — Видишь теперь, что я умею держать свое слово! А ну-ка, закуйте его в железные цепи!

— Хотя и в цепях, я все же буду вольный человек. У меня цепи на руках, а у тебя на душе, — сказал Максим.

Боярин с хохотом отошел от него — навести порядок в своем войске, сильно поредевшем в этой кровавой схватке. Взяв с собой бо́льшую часть уцелевших монголов, Тугар Волк направился к своей усадьбе, приказав оставшимся окружить злосчастный, заваленный трупами проход. Затем, вернувшись, он отобрал всех уцелевших монголов и, поручив им охрану прохода, решил в сопровождении небольшой кучки своих воинов со взятым в плен Максимом вернуться в лагерь.

— Проклятые хлопы! — ворчал боярин, подсчитывая свои потери. — Сколько народу положили! Впрочем, чорт с ними, с монголами, их не жалко. Вот кабы мне по этим трупам притти к власти, повернулся бы и я против них! Но каков этот поганец Максим! Вот это воин! И кто знает, не сможет ли он мне пригодиться? Надо использовать его, раз он у меня в руках! Он должен служить нам проводником в горах: чорт их ведает, какая там дорога и нет ли каких-либо тропинок! Теперь, когда он в моих руках, надо его привлечь к себе, приласкать немного: он может еще оказаться мне полезным.

Между тем монголы уже готовили лошадей к отъезду. Максим, скованный по рукам и ногам тяжелыми цепями, окровавленный, без шапки, в изодранной в клочья одежде, сидел на камне над рекой, стиснув зубы, с отчаяньем в сердце. Перед ним грудами лежали еще не остывшие, изрубленные, обрызганные кровью тела его товарищей и

врагов. Как счастливы были они! Как тихо и мирно лежали в своей кровавой постели, не зная ни гнева, ни муки, ни вражды! Что им были теперь все цепи, вся несметная сила великого Чингис-хана! А его, Максима, кусок железа сделал бездушным орудием в руках диких начальников, жертвой кровавой мести! Как счастливы были мертвецы! Искалеченные, они сохранили человеческий образ и подобие, а его в одно мгновение превратили в бездушного скота, в невольника!

— Солнце праведное! — воскликнул в душевной муке Максим. — Неужели такова твоя воля, чтобы я погибал в кандалах? Неужели ты затем лишь так часто своей ясной улыбкой освещало дни моего счастья, чтобы сегодня освещать мое бездонное горе? Солнце, неужели ты перестало быть добрым богом Тухольщины и сделалось покровителем этих жестоких дикарей?

А солнце смеялось! Яркими, жаркими лучами сверкало оно в лужах крови, целовало посиневшие уста и глубокие раны, из которых вытекал мозг и вываливались еще теплые человеческие внутренности.

И теми же яркими, жаркими лучами обливало оно зеленый лес и прекрасные душистые цветы, высокие горные пастбища, купавшиеся в чистом, лазурном воздухе.

Солнце смеялось и своим божественным, безучастным смехом еще больнее ранило истерзанную душу Максима.

VI

Странный сон снился Захару Беркуту. Казалось ему, будто празднуют они годовой праздник в честь Сторожа, и вся община собралась близ этого камня, стерегущего вход в тухольское ущелье; девушки в венках, юноши с музыкальными инструментами — все в праздничных, чистых одеждах. И вот он, старший по возрасту в общине, первым приближается к святому камню и обращается к нему с молитвой. Но какое-то таинственное, тревожное, болезненное чувство охватывает его во время молитвы, болью сжимает его сердце — он сам не знает почему. Он молится жарко, но, произнеся два-три слова, отступает от древней, установленной обычаем молитвы, и новая, более жаркая, вдохновенная молитва слетает с его уст; вокруг становится темно, черные тучи покрывают небо, грохочет

гром, сверкают молнии, опоясывая небосвод ослепительным светом. Земля содрогается — и вдруг, медленно наклоняясь, святой камень сдвигается с места и со страшным грохотом валится на него.

— Что это может означать? — спрашивал сам себя Захар, раздумывая над своим сном. — Счастье или несчастье, радость или горе?

Он не мог найти ответа на эти вопросы. Сон оставил после себя тяжелое чувство, облако печали легло на чело Захара.

Быстро оправдались его предчувствия. В полдень в Тухлю пришли страшные, нежданные вести. Пастухи с соседнего пастбища, запыхавшись, примчались в село с криками, что видели какую-то битву около боярского дома, толпу каких-то неведомых черных людей, слышали непонятную речь и душераздирающие вопли.

Вся тухольская молодежь, вооружившись чем попало, побежала к месту боя, но остановилась в отдалении, увидев покрытое трупами поле и окруженный толпой монголов боярский дом. Не было сомнения, что все тухольские дружинники, посланные для разрушения боярского дома, погибли в неравной борьбе. Не зная, что предпринять, тухольская молодежь вернулась обратно, распространяя повсюду страшную весть. Услыхав ее, задрожал старый Захар, и горькая слеза покатилась по его морщинистому лицу.

— Вот и сбылся мой сон! — прошептал он. — Защищая свое село, погиб мой Максим! Так и следует. Один раз умирать. Но не всякому суждена славная смерть. Не тосковать надо мне о нем, а радоваться, что ему выпала такая судьба.

Так утешал себя старый Захар, но сердце его сжималось глубокой болью: крепко, всей душой любил он своего младшего сына.

Вскоре, однако, Захар окреп духом. Община звала его, ждала его совета. Толпами тянулись люди, старики и молодежь, за село к тухольскому ущелью, за которым так близко стоял страшный враг.

Впервые за все время существования Тухли собирался общинный совет без положенного обряда, без знамени, под лязг топоров и кос, среди тревожного, воинственного гула. Беспорядочно смешались старики и молодые, вооруженные и безоружные; даже женщины сновали туда и сю-

да, расспрашивая о неприятеле или громко оплакивая погибших сыновей.

— Что делать? С чего начинать? Как защищаться? — гудело в народе.

Одно желание пересиливало все остальные: выйти всей общиной и защищаться от монголов до последней капли крови. Особенно настаивала на этом молодежь.

— Мы хотим погибнуть так, как наши братья погибли, защищая свой край! — кричали они. — Только по нашим трупам пройдут враги в Тухольскую долину!

— Устроить в ущелье засеки и из-за них разить монголов! — предлагали люди постарше.

Когда шум несколько утих, заговорил Захар Беркут:

— Хотя военное дело — не мое дело, и не мне, старику, давать советы там, где сам я не могу приложить своих рук, все же мне кажется, что невелика будет наша заслуга, коли мы отобьем монголов, что нам не так-то трудно и сделать. Сыновья наши погибли от их рук, кровь близких обагрила нашу землю и зовет нас к мести. Чем же мы отомстим врагам нашим, разорителям края нашего, если только отобьем их от своего села? Ничем! Отбитые от нашего села, они с удвоенной яростью бросятся на другие села. Не отбить, а разбить их — вот что должно стать нашей целью!

Община внимательно слушала речь своего беседника, и молодежь, склонная подхватывать все новое и неожиданное, готова уже была согласиться принять этот совет, хоть и не знала, как его осуществить. Но со стороны многих стариков послышались возражения.

— Не во гнев будь тебе сказано, батько Захар, — начал один, — но твой совет, как он ни мудр и какую он ни сулит нам славу, неосуществим. Слабы наши силы, а монголов сила несметная. Еще не подоспела помощь от других общин, но даже если она и придет, не достанет у нас сил окружить монголов, не говоря уже о победе над ними в открытом бою. А без этого как же мы сможем разбить их? Нет, нет! Слишком мало у нас сил! Счастье наше, если мы сможем отбить их от своего села и заставить своротить с пути! А разбить их нечего и надеяться.

Видя всю серьезность этих возражений, Захар Беркут уже хотел было с болью в сердце отказаться от своей

юношески-пылкой мысли, как вдруг два неожиданных события значительно подняли настроение тухольцев и в корне изменили их решение.

Внизу, по сельской улице, под звуки труб и деревянных трембит шли один за другим три отряда вооруженной молодежи. Перед каждым отрядом развевалось боевое знамя. Гордые звуки боевых песен разносились далеко по горам.

Это шла обещанная тухольцам подмога от нагорных и загорных общин. Молодец к молодцу, рослые, как молодые дубы, остановились бойцы всех трех отрядов, выстроившись длинными рядами перед Тухольской общиной и склонив знамена в знак приветствия. Любо было смотреть на здоровые, румяные лица молодых людей, озаренные отвагой и гордым сознанием, что им предстоит защищать своей грудью самое дорогое на свете, что на них возложено великое дело.

Громкими радостными кликами приветствовали тухольцы их приход. И только одни матери, потерявшие сегодня своих сыновей, зарыдали, увидев этот лучший цвет народа, который завтра, может быть, поляжет, подкошенный и растоптанный, как полегли сегодня их ясные соколы. Защемило сердце и у Захара Беркута, когда поглядел он на этих молодцов и подумал, как выделялся бы среди них его Максим. Но нет, довольно! Мертвого не вернешь, а живой думает о живом.

Еще не утихла радость, вызванная приходом этих желанных помощников, еще община не имела времени приступить к дальнейшему обсуждению, как вдруг с противоположной стороны, из лесной прогалины над тухольским ущельем, показался новый и уж вовсе неожиданный гость. На взмыленном коне, исхлестанном и расцарапанном ветками и колючками, припав к конской шее, чтобы, не задевая веток, быстрей и безопасней выбраться из леса, мчался какой-то человек. Кто это был, издали нельзя было угадать. На нем был монгольский овечий тулуп, вывернутый наизнанку, а на голове красивый бобровый колпак. Молодежь приняла приезжего за монгольского разведчика и вышла навстречу ему, целясь из луков. Однако, выехав из лесу и приблизившись к крутому обрыву, по которому надо было спуститься в Тухольскую долину, мнимый монгол слез с коня, сбросил с себя тулуп и, к всеобщему удивлению, оказался женщиной в бе-

лом полотняном, расшитом шелком платье, с луком за плечами и блестящим топориком за поясом.

— Мирослава, дочь нашего боярина! — вскричали тухольские молодцы, не сводя глаз с прекрасной смелой девушки.

Но она, повидимому, и не смотрела на них. Оставив коня на том месте, где спешилась, она стала взором искать тропинку, по которой можно было бы спуститься в долину. Вскоре ее глаза нашли среди широких, разлатых листов папоротника и колючей ежевики такую тропку. Твердым, уверенным шагом, словно она с детства знала дорогу, девушка спустилась в долину и подошла к толпе.

— Здравствуй, честна́я о́бщина! — сказала она, слегка закрасневшись. — Я спешила известить вас, что монголы приближаются, что они перед вечером будут здесь и чтоб вы приготовились их принять.

— Мы знали это, — загудели голоса, — для нас это не новость.

Голоса были резкие, полные неприязни к дочери поганого боярина, из-за которого погибло столько молодцов. Но девушка не обиделась на эту резкость, хотя, повидимому, почувствовала ее.

— Тем лучше для вас, если вы уже приготовились, — сказала она. — А теперь прошу показать мне, где здесь Захар Беркут.

— Вот я, девушка, — сказал старый Захар, подходя к ней.

Мирослава остановила на нем свой внимательный и почтительный взор.

— Разреши, честной отец, — произнесла он дрожащим от внутреннего волнения голосом, — сказать тебе прежде всего, что твой сын жив и здоров.

— Мой сын?! — воскликнул Захар. — Здоров и жив?! О боже! Где же он? Что с ним?

— Не пугайся, отец, той вести, которую я сообщу тебе. Твой сын в монгольской неволе.

— В неволе? — вскрикнул словно громом пораженный Захар. — Нет, этого не может быть! Мой сын скорее даст изрубить себя в куски, чем попадет в плен. Этого не может быть! Ты хочешь напугать меня, недобрая девушка?

— Нет, отец, я не пугаю тебя, это на самом деле так.

Я ведь сейчас из монгольского лагеря, видела его, говорила с ним. Его взяли силой и предательством, заковали в железные цепи. Хоть он не ранен, но весь облит вражеской кровью. Нет, отец, твой сын не покрыл свое имя бесславием!

— И что же он говорил тебе?

— Он говорил мне, отец, чтобы я утешила тебя в твоем одиночестве, в твоей тоске, чтобы я стала твоей дочерью, твоим детищем, так как я, отец... (тут голос ее задрожал еще сильнее) я сирота... у меня нет отца!

— Нет отца? Неужели же Тугар Волк погиб?

— Нет, Тугар Волк жив, но Тугар Волк перестал быть мне отцом с тех пор, как он... предал... свой край и пошел... на службу к монголам...

— Этого можно было ожидать, — угрюмо сказал Захар.

— Теперь я не могу считать его своим отцом, так как не хочу изменять родине. Будь ты моим отцом! Считай меня своей дочерью! Несчастный сын твой молит тебя об этом моими устами!

— Мой сын! Мой несчастный сын! — произнес со стоном Захар, не поднимая глаз на Мирославу. — Что может утешить меня в такой утрате?

— Не бойся, отец! Может статься, он еще не погиб, может быть, нам удастся вызволить его! Послушай, что наказывал мне Максим!

— Говори, говори! — сказал Захар.

— Он советовал Тухольской общине не сдерживать монголов перед ущельем, а впустить их в котловину. Там можно их окружить и истребить до последнего, а если нет, так уморить голодом. Нужно только сделать засеки в проходе возле водопада и увезти из села все общинное добро — все зерно, весь хлеб, угнать всю скотину, — а потом обложить монголов со всех сторон. «Вы, — сказал Максим, — победите их либо тут, либо нигде». Так он советовал.

Вся община с напряженным вниманием слушала слова Мирославы. Когда она кончила говорить, воцарилось глубокое молчание. Только Захар гордо и радостно выпрямился и с распростертыми объятиями приблизился к Мирославе.

— Дочь моя! — сказал он. — Теперь я вижу, что ты достойна быть дочерью Захара Беркута! Это подлинные

слова моего сына, от них веет его смелым духом! Этими словами ты покорила отцовское сердце! Теперь я легче перенесу утрату сына, раз небо послало мне вместо него такую дочь!

С громким плачем бросилась Мирослава в его объятия.

— Нет, отец, не говори так, — сказала она. — Сын твой не погибнет, он вернется. Еще сегодня вечером здесь появится монгольская орда, и если бог поможет нам разбить ее, мы его освободим.

В эту минуту из ущелья послышался крик тухольских дозорных: «Монголы!»

А вслед за этим прибежали и сами дозорные, крича, что несметная сила монголов показалась в долине над Опором. Необходимо было немедленно решать, что делать, как защищаться. Захар Беркут еще раз предложил впустить монголов в тухольскую котловину и здесь, обложив их, истребить или уморить голодом всех без остатка.

Теперь возражений не было, и община быстро приняла решение. Все бросились по домам, чтобы унести свое имущество в лес. Отряды, прибывшие на помощь тухольцам, со всех ног пустились к водопаду, чтобы успеть сделать засеки в проходе и не дать пройти туда монголам. В селе поднялась невероятная суматоха. Крики, приказы, вопросы, бычий рев и скрип деревянных двухколесных телег слышались повсюду, оглушали, раскатывались эхом по горам. С тоской прощались тухольцы со своими домами, дровами, огородами и засеянными пашнями, которым суждено было погибнуть под пятой страшной монгольской орды. Матери несли плачущих детей, отцы гнали скотину, везли на возах домашний скарб, мешки с хлебом, одеждой. Пыль стояла над селом. Один лишь горный поток попрежнему с шумом струил свои серебристые воды да старый гигантский Сторож угрюмо стоял у входа в тухольское ущелье, погруженный в печаль, словно жалея своих детей, покидающих эту прекрасную долину, словно желая своим огромным каменным телом, склоненным в сторону ущелья, преградить им путь. Закручинилась и старая липа на сборной площади, за селом, а ревущий водопад, играя в багряных лучах заходящего солнца, стоял неподвижным кровавым столбом над тухольской котловиной.

Село совершенно опустело. Хаты утонули вечером в

тумане, пыль на дороге улеглась, замолкли голоса и шум, словно извечная пустыня поглотила все живое в этой долине. За Тухольские горы закатывалось солнце, утопая в легких алых облаках; потемневшие пихтовые леса, окружающие Тухлю, шептались тихо, таинственно, словно передавая друг другу какую-то зловещую новость.

Только земля неведомо отчего глухо гудела и стонала; прозрачный свежий воздух трепетал от какого-то странного смешанного гула, от которого дрожь пронимала и самых отважных людей. А далеко-далеко в лесах, в глубоких, темных оврагах, среди непроходимых груд бурелома, выли волки, брехали прерывистыми голосами лисы, кричали олени, рычали туры.

А в селе было так тихо, так мертво! А небо было так прозрачно, так глубоко! Но нет! Внезапно солнце исчезло за черной живой тучей, стеной надвигавшейся с запада, наполнив воздух диким криком и опускаясь над Тухлей. Это предвестники и постоянные спутники орды — галочьё и воронье летит неисчислимыми стаями, чуя поживу. Зловещие птицы несутся в воздухе, густая их пелена разрывается на отдельные клочья, мечущиеся в разные стороны, как рассеянные бурей тучи. Мирные застрехи тухольских хат сразу покрылись черными гостями, чей крик напоминал клокотанье кипятка в громадном котле. Немые, неподвижно стояли на краях отвесных стен своей котловины тухольцы, глядя на зловещих птиц и проклиная в душе этих вестников смерти и разрушения.

Но вскоре картина переменилась. Как устремляются в прорванную плотину воды осеннего паводка, так устремились со страшным криком в котловину черные чудовища. Их ряды теснились один за другим без конца и без удержу. Выйдя из теснины, они останавливались, строились длинными рядами и, медленно двигаясь, беспрепятственно заливали опустевшую долину.

Впереди по дороге ехал на белом коне наводящий страх великан Бурунда-бегадыр, а рядом с ним другой всадник, ростом пониже, — Тугар Волк. Медленно двигались они вперед, словно ежеминутно ожидая нападения. Но нападения не было. Село словно вымерло от чумы. Неистово воя, бросились первые ряды монголов на хаты, чтобы, по своему обычаю, резать и грабить, но резать было некого, хаты были пусты. В дикой ярости метались монголы от хаты к хате, вышибая двери, ломая плетни и

ворота, разбивая бочки и утварь, разваливая печи. Но вся эта ярость была напрасной — в селе никто не показывался.

— Проклятые псы! — сказал Бурунда Тугару Волку. — Учуяли нас и попрятались!

— Не заночевать ли тут, бегадыр? — спросил Тугар Волк, оставляя без ответа слова Бурунды.

— Не заночуем, пока не встретимся с этими псами, — ответил Бурунда. — Веди нас к выходу из этой ямы! Надо обеспечить себе выход.

— Выход обеспечен, — успокаивал его Тугар Волк, хотя его самого тревожило, что все тухольцы покинули село, и поэтому он все же попросил бегадыра отдать приказ, чтоб войска прекратили поиски добычи и поторопились к выходу.

Неохотно подчинились этому приказу передние отряды монгольской орды, в то время как задние еще теснились в ущелье, все гуще и гуще заливая котловину.

Вот уже передний отряд вышел из села и поспешил к высеченному в скале проходу. Не видя ничего подозрительного, беспечно подошли монголы к самой стене, в которой был прорублен проход. И вдруг сверху на них посыпались огромные камни, калеча и убивая. Вопли раненных, поверженных на землю монголов взметнулись в небо. Закружили над своими жертвами хищные птицы. Монголы начали было подаваться назад и в стороны, но Бурунда и Тугар Волк с обнаженными мечами бросились им наперерез.

— Куда вы, безумцы? — рычал, как разъяренный тур, Бурунда. — Перед вами проход! За мною!

И, гоня перед собой толпу монголов, он бросился в темную пасть прохода. Но здесь насильников ждал горячий прием. Градом посыпались на их головы камни, и не одному воину Чингис-хана кровь залила глаза, не из одного размозженного черепа брызнул мозг на каменные стены.

Словно из ада, взметнулись из темного прохода крики и стоны. Но, покрывая их, сильнее гремел голос Бурунды:

— Вперед, заячьи души! Вперед, за мной!

И новые ряды монголов, несмотря на каменный град, двинулись в проход.

— Вперед, вверх! — кричал Бурунда, заслоняясь щитом от падающего сверху камня.

Тем временем Тугар Волк, увидев наверху кучку тухольских молодцов, приказал стоящим перед проходом монголам выстрелить из луков. Наверху раздались вопли, и радостно и шумно взвыли монголы. Но, мстя за троих раненых товарищей, тухольские молодцы с удвоенной яростью обрушили на захватчиков громадные каменные глыбы. Все это, однако, не удержало бы отчаянного Бурунду, если бы на повороте не возникло неожиданное препятствие: проход был завален до самого верха громадными камнями. Тухольцы здесь нападали еще яростней, камни сыпались градом. Монголы валились наземь один за другим, и Бурунда убедился наконец, что все его попытки тщетны: пройти через ущелье будет возможно лишь тогда, когда удастся отогнать тухольцев.

— Назад! — крикнул Бурунда.

И маленькая кучка монголов, все, что осталось от осаждавшего тухольцев отряда, как камень из пращи, вылетела из прохода.

— Проход завален! — сказал, тяжело дыша, Бурунда боярину, вытирая с лица кровь и пот.

— Оставим их, пусть сегодня тешатся, — сказал Тугар Волк.

— Нет! — крикнул Бурунда, высокомерно глядя на боярина. — Воины великого Чингис-хана не откладывают дела на завтра, если его можно сделать сегодня!

— Но что же мы сегодня можем сделать? — спросил Тугар Волк, с дрожью глядя в темную пасть прохода, откуда еще неслись стоны смертельно раненных, недобитых монголов.

— Надо согнать этих псов оттуда, сверху! — злобно крикнул Бурунда, указывая рукой на край скалистой стены.—Лестницы сюда! Передние, взбирайтесь на лестницы! Задние, отгоняйте их стрелами! Посмотрим, чья возьмет.

Из ближних хат были принесены лестницы, и, по совету Тугара Волка, сбили их поперечными жердями, чтобы они образовали сплошную широкую стену. Тухольцы спокойно смотрели сверху на эту работу.

Но вот монголы с криком подняли свою сборную лестницу и потащили ее к каменной стене. Каменьями, стрелами и рогатинами встретили их тухольцы, но сколько-нибудь серьезного вреда монголам не причинили, так как на место раненых и упавших монголов становились другие, и лестница продолжала двигаться дальше. В то же

время задние ряды монголов, стреляя из луков вверх, принуждали тухольцев подаваться назад. Страшная лестница быстро приближалась к стене. Тухольцев стала охватывать тревога...

Неподалеку от места боя, защищенный каменной глыбой от стрел, сидел на соломе Захар Беркут, оказывая помощь раненым. Он осторожно вытаскивал стрелы, обмывал с помощью Мирославы раны, перевязывая их, прикладывая к ним искусно изготовленную целебную смолу, как вдруг несколько перепуганных воинов подбежало к нему, извещая об опасности.

— Что же я вам, деточки, могу посоветовать? — сказал им старик.

Но Мирослава вскочила с места и побежала взглянуть, насколько велика опасность.

— Не бойтесь, — сказала она тухольцам, — мы быстро образумим их. Пусть себе стреляют, а вы — копья в руки и ложитесь на землю. Как только первые монголы высунутся до половины, бросайтесь на них. Они сами заслонят нас собой от стрел, а, свалив передних, вы свалите и задних. Сумерки нам благоприятствуют, и, отбив их на этот раз, мы проведем спокойно всю ночь.

Тухольцы последовали этому совету, бросились ничком на землю, взяв копья в руки. Стрелы монголов еще продолжали некоторое время падать, но вскоре их поток прекратился — признак того, что передний ряд монголов начал подниматься вверх по лестнице. Затаив дыхание, ждали лежащие на земле тухольцы врагов. Вот уже слышен скрип ступеней под их ногами, сопение, лязг оружия, и медленно, робко возникают перед глазами тухольцев мохнатые шапки, а под ними черные, страшные головы с маленькими сверкающими глазками. Эти глазки тревожно, в упор, словно завороженные, глядят на лежащих тухольцев, но головы поднимаются все выше и выше; вот уже виднеются плечи, широкие груди, покрытые косматыми тулупами, и в этот момент со страшным криком вскакивают тухольцы, и их копья вонзаются в грудь врагов. Крик, вой, замешательство, короткая борьба, судорожные движения, проклятия, стоны, и вот уже, как тяжелая лавина, катится враг вниз с лестницы, увлекая за собой нижние ряды; а на эту груду живых и мертвых, беспорядочно смешанных, окровавленных, трепещущих человеческих тел валятся сверху громадные каменные глыбы; и над

всем этим адом, полуприкрытым завесой ночи, возносятся радостные возгласы тухольцев, жалобный вой монголов и громкие, страшные проклятия Бурунды-бегадыра.

Он, как бешеный, метался по площади, рвал на себе волосы и наконец, не помня себя от ярости, с обнаженным мечом подскочил к Тугару Волку.

— Пес бледнолицый! — кричал он, скрежеща зубами. — Двойной предатель! Это твоя вина! Ты привел нас в западню, откуда нет выхода!

Тугар Волк так и вспыхнул от оскорбительных слов, которых за весь свой век не слышал. Рука его сама схватилась за меч, но в тот же миг что-то так глубоко и болезненно сжало его сердце, что рука ослабела, упала, как плеть, и Тугар Волк, поникнув головой и стиснув зубы, произнес сдавленным голосом:

— Великий бегадыр, несправедлив твой гнев на верного слугу Чингис-хана. Я не виноват, что смерды нам сопротивляются. Прикажи войску расположиться на ночь и отдохнуть, а завтра утром ты сам увидишь, что они разлетятся от наших стрел, как осенние листья от дуновения ветра.

— Ах, так! — крикнул Бурунда. — Чтоб они ночью напали на нас и вырезали по хатам все наше войско?

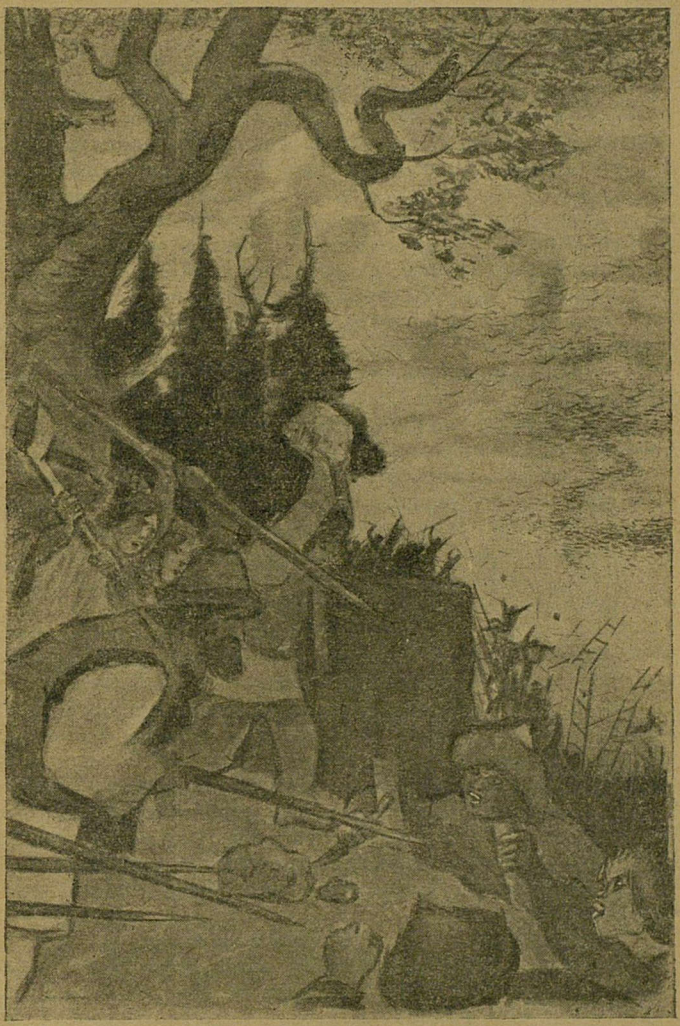
— Вели сжечь хаты, и пусть войско ночует под открытым небом.

— Ты все это так хитро говоришь, чтобы отвести мой гнев и сложить с себя вину! Но нет! Ты привел нас сюда, ты и выведешь нас! Завтра же, не теряя ни времени, ни людей! Слышишь, что я говорю? Не то горе тебе!

Напрасно Тугар Волк уверял дикого бегадыра, что он не виноват, что он советовал так, как ему казалось лучше, что собрание монгольских военачальников приняло его предложение и что никакой проводник не в силах оградить от неожиданных препятствий, которые могут случиться в дороге, — все это отскакивало от Бурунды, как горох от стены.

— Ладно, боярин, — сказал он наконец, — я сделаю по-твоему, но завтра ты все-таки должен вывести нас из этой западни, не то горе тебе! Это мое последнее слово. Дел, а не слов я жду от тебя!

И он, с презрением отвернувшись от боярина, направился к своему войску, отдавая могучим голосом приказ немедленно со всех концов поджечь село и во избежание

ночного нападения очистить равнину от всего, что могло бы служить противнику прикрытием. Радостно закричали монголы: они давно ждали этого приказа.

Со всех сторон одновременно запылала Тухля, разрывая огненными языками опустившийся над ней густой мрак. Дым клубами повалил вниз и заволок всю дорогу. Затрещали стрехи, слизываемые кровавым пламенем. Из-под стрех огонь взметался вверх, приседал, подскакивал, словно хотел долететь до самого неба. Иногда от порыва ветра пламя стелилось понизу, сверкало искрами, мерцало и волновалось, словно огненное озеро. Грохот рушащихся балок и стен глухим эхом перекатывался в долине; стога хлеба и сена были похожи на кучи раскаленного угля, из которых то и дело выскакивали белые огненные языки; деревья горели, как свечи, рассыпая высоко в воздухе пылающую листву, напоминавшую рои золотых мотыльков.

Тухольская долина выглядела, как охваченный огнем ад. С диким визгом метались среди пожара монголы, швыряя в огонь все, что попадалось им под руки. С жалобным стоном рухнула подрубленная монгольскими топорами древняя липа, свидетельница общинных собраний.

Воздух в тухольской котловине разогрелся и впрямь, как в котле, с гор подул страшный ветер, который кружил искры, рвал горящую солому и швырял, словно огненные стрелы, пылающие головни. Первый раз за всю свою жизнь видел тухольский поток такой блеск, первый раз он разогрелся в своем холодном, каменном ложе.

Около двух часов продолжался этот пожар, на который в бессильной тоске молчаливо смотрели с высокого обрыва тухольцы.

Затем монголы принялись гасить тлеющие остатки, бросая их в поток, после чего начали окапывать свой лагерь широким рвом. Посреди лагеря в одну минуту были разбиты шатры для начальников; остальное войско должно было ночевать под открытым небом, на разогретой пожаром земле.

И опять стемнело в тухольской котловине.

Монголы охотно бы разложили костры, но это было невозможно: лишь теперь они поняли, что пожаром они опустошили всю равнину и все, что могло гореть, уже сгорело или же унесено потоком. Пришлось войску спать, а часовым стоять в потемках; даже ров не был выкопан

так глубоко, как следовало, потому что уже совсем стемнело. Злой и недовольный, черной тучей ходил Бурунда по лагерю, проверяя рвы и стражу, поставленную возле них, переговариваясь с начальниками и отдавая приказы, как уберечься от ночного нападения. Было уже около полуночи, когда в таборе мало-помалу все стихло, лишь крики часовых и рев водопада нарушали тишину.

Только в одном месте монгольского лагеря блестел огонек: это горел смоляной светец в шатре Тугара Волка. Бледное пламя мигало, бросая неверный, мрачный свет на внутреннее убранство боярского шатра. Пусто и неприветливо было там, как и на душе у Тугара Волка. Он ходил по шатру, погруженный в тяжелые думы. Высокомерные слова Бурунды жгли его гордую душу. Они были как удар по лицу. Сразу открылись глаза у боярина, и сразу увидел он, по какой скользкой дороге он пошел.

— Пета обещал мне милость Чингис-хана, — ворчал он, — а этот поганец смотрит на меня, как на пса. Неужели же я их слуга, самый мелкий из слуг этого раба? Пета обещал дать мне во владение все эти горы, великое карпатское княжество, а Бурунда грозит мне нивесть чем. И он мог бы привести в исполнение свои угрозы, проклятый! Что же, подчиниться ему? Конечно! Я в его руках! Я невольник, как сказал этот поганец Максим! Кстати, однако, я вспомнил о Максиме. Где он? Нельзя ли при его помощи сделать то, чего от меня требует Бурунда? Нельзя ли, например, отдать его в обмен за выход из этой западни? Это хорошая мысль!

Он кликнул двух монголов, лежавших неподалеку от его шатра, и приказал им разыскать и привести к нему невольника Максима. Неохотно, угрюмо ворча, отправились монголы. Казалось, самый воздух Тухольской долины не благоприятствует поддержанию суровой дисциплины.

Но где же был Максим? Как чувствовал он себя в неволе? Максим сидел посреди тухольской улицы, закованный в тяжелые цепи, обернувшись лицом к тому самому двору, где он бегал мальчишкой, где еще вчера ходил свободный, занятый своим обычным трудом и где сейчас сновали туда и сюда отвратительные монголы. Его привезли сюда на коне, а когда был отдан приказ остановиться и сжечь село, его швырнули с коня на землю. Никто не обращал на него внимания, никто не стерег его, но

о бегстве не могло быть и речи, так как кругом метались монголы, предавая все разрушению и ища добычу. Максим не знал, что делается вокруг, и сидел неподвижно, словно торчащий на дороге каменный путевой знак. В голове его было пусто, он не мог собраться с мыслями, даже впечатления свои он не мог связать воедино — они мелькали, как рой вспугнутых черных птиц. Только одно отчетливо ощущал он: что его, словно железные холодные змеи, сжимают цепи, высасывая всю силу из его тела, все мысли из его мозга.

Вдруг все вокруг озарилось, дым клубами пополз по дороге и окутал собою Максима, разъедая глаза, спирая дыхание. Это горела Тухля. Максим сидел посреди пожарища не шевелясь. Ветер кружил пыль, сыпал на него искры, обдавал его горячим дыханием — Максим словно ничего не чувствовал. Он хотел бы погибнуть вместе со своим селом, взлететь на воздух такой же золотой искрой и погаснуть там в ясной, холодной лазури, вблизи золотых звезд. Но цепи, цепи! Как они теперь страшно сжимали его!

Вот загорелась и отцовская хата, пламя метнулось под крышу, обвилось огненной змеей вокруг окон, заглянуло сквозь двери в хату и выгнало оттуда огромный клуб дыма, чтобы самому поселиться в жилище Беркутов. Как неживой, смотрел Максим на пожар. Ему казалось, что в груди у него что-то обрывается, пылает и ноет, а когда огонь вырвался вновь наружу и рухнула крыша, рассеялись углы его родной хаты и из бушующей огненной стихии в небо взметнулось целое море искр, Максим болезненно вскрикнул, вскочил на ноги, чтобы бежать куда-то, спасать что-то, но, сделав всего один шаг, упал, как подкошенный, на землю и потерял сознание.

Уже погас пожар, потянуло горячим едким дымом, уже затихли воинственные крики монголов, дравшихся под предводительством Бурунды и Тугара Волка с тухольцами возле прохода, уже прояснилось над Тухольщиной усыпанное звездами небо, и в монгольском лагере воцарилась тишина, а Максим все еще лежал, как мертвый, посредине дороги, против родного пепелища. Звезды с жалостью смотрели на его бледное, покрытое кровавыми рубцами лицо; грудь его едва заметно вздымалась — единственный признак того, что лежит живой человек, а не труп. В таком положении и нашли его монголы и страшно перепо-

лошились, думая, что он мертв, что он задохнулся во время пожара. Но когда брызнули на него водой, обмыли ему лицо и дали напиться, он приоткрыл глаза и осмотрелся вокруг.

— Жив! Жив! — радостно завыли монголы и, подхватив его под руки, поволокли, теряющего сознание и ослабевшего, к шатру боярина.

Тугар Волк прямо испугался, когда увидел юношу в таком страшном и плачевном состоянии. Только что вымытое лицо было бледно, почти зелено, губы потрескались от жары и жажды, глаза были красны от дыма и тусклы, как стекло, от утомления и душевной муки. Ноги его дрожали, как у столетнего старика. Постояв с минуту, он, не в силах более держаться на ногах, опустился прямо на землю. Монголы удалились. Боярин долго, в молчаливой задумчивости, смотрел на Максима. За что он ненавидел этого человека? За что он накликал на его молодую голову такую страшную беду? Почему он не велел сразу убить его и обрек на медленную, но неизбежную смерть? Ведь ясно, что монголы не выпустят его из своих рук, им скоро наскучит таскать пленника за собой, и они прирежут его и бросят, как падаль, на дороге. И почему он так возненавидел этого бедного парня? Может быть, за то, что он спас жизнь его дочери? Или, может быть, за то, что она полюбила его? Или за его истинно рыцарскую отвагу и открытое сердце? Или, может быть, за то, что он хотел сравняться с ним? Ну вот, теперь они сравнялись: оба они невольники и оба несчастны.

Тугар Волк чувствовал, что его гнев против Максима гаснет, как пожар, которому нехватает больше пищи. Он и прежде, как только Максим был взят в плен, старался задобрить его — не из сочувствия к нему, из хитрости, но Максим ни словом не отвечал Тугару Волку. Правда, боярин давал ему такие советы, которых Максим не мог принять. Боярин советовал поступить на службу к монголам, быть их проводником, и обещал за это большую награду, угрожая в противном случае тем, что монголы убьют его.

«Пускай убивают!» То был единственный ответ, который услышал боярин из уст Максима. Но удивительно, что даже тогда эта гордая фраза, свидетельствовавшая о твердости Максима и о его любви к свободе, не только не рассердила боярина, но очень понравилась ему.

Теперь же он ясно чувствовал, будто что-то, словно льдинка, тает в его сердце. Теперь, на пепелище свободной Тухли, он начинал понимать, что тухольцы поступали вполне разумно и правильно, а сердце его, хотя и ослепленное жаждой власти, все же не было еще настолько глухо к голосу совести, чтобы не признать этого.

Обо всем этом подумал теперь боярин и другими глазами и с другим чувством смотрел на сидящего перед ним полумертвого, изможденного Максима. Он подошел к нему, взял его за руку и хотел поднять и усадить на скамью.

— Макеим, — ласково сказал Тугар, — что с тобой?

— Пусти меня, — простонал слабым голосом Максим, — дай мне умереть спокойно.

— Максим, дружок, откуда у тебя мысли о смерти? Я думаю о том, как освободить его, а он — о смерти! Садись сюда, на скамью, подкрепись, я должен с тобой кое о чем поговорить.

Хотя Максим частью не понимал того, что говорил боярин, а частью не верил его доброте, все же слабость, голод и усталость были так велики и он так нуждался в подкреплении своих сил, что не мог отвергнуть боярского гостеприимства. Кубок вина сразу освежил его и словно вернул к жизни; кусок жареного мяса утолил его голод. Пока он ел, боярин, сидя против него, старался ласковыми речами вернуть ему былую отвагу и волю к жизни.

— Глупый парень, — говорил он, — таким, как ты, надо жить, а не думать о смерти. Нет ничего дороже жизни, ее не купишь ни за какие сокровища!

— Жизнь в неволе не имеет никакой цены, — ответил Максим, — лучше смерть...

— Ну да... конечно... разумеется, — произнес боярин. — Но ведь я тебе говорю, что ты можешь быть свободен.

— Предавая свой народ? Проведя монголов через горы?.. Нет, лучше умереть, чем таким путем завоевать себе свободу!

— Не об этом теперь речь, — сказал, улыбаясь, боярин, — а о том, что и без этого самого, как ты выражаешься, предательства ты можешь быть свободен еще сегодня.

— Каким образом? — спросил Максим.

— Я знал, что это тебя заинтересует, — усмехнулся

боярин. — Так вот, милый, дело в следующем: твои тухольцы окружили нас в долине и завалили камнями выход. Разумеется, их сопротивление смешно, потому что в конце концов этим они нас не остановят. Но нам жаль терять время.

Глаза Максима блеснули радостью.

— Окружили вас тухольцы, говоришь? — воскликнул он. — И вы не можете отсюда выйти? Ну, благодарение богу за это! Надеюсь, что и не выйдете! Тухольцы народ цепкий: кого они однажды поймали, того уж не любят выпускать из рук!

— Та-та-та! — прервал его боярин. — Не радуйся раньше времени, юноша. Не такова наша сила, чтобы горсточка твоих тухольцев могла поймать ее! Повторяю тебе: дело не в боязни, что тут нас поймают, а во времени, в каждой лишней минуте! Мы торопимся!

— Чем же я могу вам тут пособить?

— А вот чем: я думаю еще раз пойти к твоим тухольцам для переговоров — хочу обещать им тебя в обмен за то, что они освободят проход. Так вот, я надеюсь, что ты мне подскажешь те слова, которые дойдут до сердца твоих земляков и твоего отца, чтобы они согласились на наше предложение.

— Напрасны твои надежды, боярин! Тухольцы не согласятся на такой обмен.

— Не согласятся? — воскликнул боярин. — Почему же они не согласятся?

— Тухольцы будут драться до последнего человека, чтоб не пустить вас через горы. Неужели в обмен на такую малость, как я, они пошли бы на предательство своих нагорных и загорных братьев, чьи села подверглись бы такому же разрушению, как и наша Тухля?

— И они будут разрушены, глупый ты юноша! — сказал боярин. — Ведь силы твоих тухольцев ничтожны, чтобы остановить нас.

— Не хвались, боярин, идучи на рать. Для чего тут нужны большие силы, когда сама природа своими стенами и скалами задерживает вас?

— А все-таки скажи мне, как надо говорить с твоим отцом и тухольцами, чтобы мои слова дошли до их сердец?

— Говори искренне, говори правду — это единственный ключ к их сердцам.

— Эх, не то ты говоришь, парень, не так! — сказал

недовольно боярин. — Не так просто все это у вас. Твой отец — старый чародей, он знает такое слово, которое до каждого сердца доходит, и он, конечно, и тебя ему научил. Ведь, не зная этого слова, ты не мог бы склонить на свою сторону моих лучников, так отчаянно дравшихся, притом без всякой платы, с монголами, как, верно, не бились бы за самое высокое вознаграждение.

Максим усмехнулся.

— Странный ты человек, боярин, — сказал он. — Я никакого такого слова не знаю, но скажу тебе совершенно откровенно, что если бы и знал, не открыл бы его тебе, чтоб ты не смог уговорить тухольцев согласиться на такой обмен.

Гнев охватил гордого боярина.

— Хлопец! Помни, кто ты и где ты! — крикнул он. — Помни, что ты невольник, что жизнь твоя зависит от прихоти любого монгола!

— Что моя жизнь... — ответил спокойно Максим. — Я не гонюсь за жизнью! Кто хоть минуту узнал неволю, тот узнал худшее, чем смерть.

В эту минуту завеса шатра заколебалась, и в шатер быстрыми шагами вошла Мирослава. Она бросила беглый взгляд вокруг и, не обращая внимания на отца, кинулась к Максиму.

— Ах, вот он, вот он! — воскликнула она.— Меня словно что-то тянуло сюда! Сокол мой, Максим! Что с тобой?

Максим остолбенел и не сводил глаз с Мирославы. Его рука лежала в ее руке, ее слова были для него, как звон пасхальных колокольчиков, как живительная роса для увядшего цветка. А она, словно голубка, льнула к нему, обливала слезами его тяжкие цепи, смывала засохшую на его руках кровь. Как радостно, как тепло стало на сердце Максима от ее близости, от прикосновения ее нежной руки! Как жарко забилась кровь в его жилах! С какой силой воскресла в нем воля к жизни! А тут цепи давят немилосердно, напоминают, что он невольник, что над его головой занесен кривой монгольский нож. И эта мысль змеей вползла в его сердце, и из его глаз брызнули слезы.

— Мирослава, — произнес он, отворачиваясь, — зачем ты пришла сюда? Чтоб еще больше увеличить мои страдания? Я уже был готов к смерти, а ты вновь пробудила во мне любовь к жизни!

— Милый! — сказала Мирослава. — Не теряй надежды. Я для того и шла сюда, в лагерь врагов, через все опасности, чтобы сказать тебе: не теряй надежды!

— К чему мне надежды? Надежды не разорвут этих цепей.

— Мой отец разорвет их.

— О, твой отец! Да, он говорит, что готов это сделать, но требует от меня за это такой услуги, которую я не могу ему оказать.

— Какую услугу?

— Он хочет итти к тухольцам — заключить с ними уговор, чтобы в обмен за меня они выпустили монголов из этой долины. И требует от меня, чтоб я ему открыл колдовское слово, которое бы склонило к этому сердца тухольцев.

Мирослава сначала с удивлением посмотрела на своего отца, но вскоре ее удивление сменилось радостью.

— Отец, — сказала она, — это правда?

— Правда, —ответил Тугар Волк.

— И ты думаешь, что Максим знает такое слово?

— Должен знать! Ведь и тебя он сразу словно приковал к себе. Без чар это не могло бы случиться.

Мирослава с улыбкой, исполненной безграничной любви, посмотрела на Максима. А затем, повернувшись к отцу, спросила:

— У тебя уже есть разрешение начальника на переговоры?

— Еще нет, но это дело одной минуты. Его шатер рядом с моим.

— В таком случае, иди туда. Я за это время уговорю Максима открыть тебе это слово.

— Ты уговоришь?

— Увидишь сам! Ступай!

— Приворожил девушку! — ворчал себе под нос боярин, выходя из шатра. — Приворожил, не иначе! Сама ему на шею бросается!

— Сердце мое, Максим! — сказала, едва вышел отец, Мирослава, обвивая руками шею Максима и целуя его бледные запекшиеся уста. — Не печалься! Монголы отсюда не выйдут, тут им всем погибать!

— Ох, Мирослава, зоренька моя! — печально ответил Максим. — Рад бы я этому поверить, но слишком велика их сила и слишком слабы наши тухольцы.

— Нам пришли на помощь загоряне и нагорные общины.

— Они плохо вооружены.

— И об этом не печалься. Только послушай: сотни топоров стучат в лесу. Еще минута — и сотни костров запылают вокруг долины, и при каждом костре наши мастера будут ковать машины, которые будут метать камни в самую середину монгольского лагеря.

— Кто же это придумал? Кто научил наших мастеров?

— Я, сердце мое! Я не один раз присматривалась к машинам, которые стояли на стенах Галича. Раньше, чем взойдет солнце над Зелеменем, пятьдесят таких машин обрушат камни на головы монголов.

Максим радостно обнял Мирославу и крепко прижал ее к своему сердцу.

— Жизнь моя! — сказал он. — Ты будешь спасительницей нашей Тухольщины!

— Нет, Максим! — отвечала Мирослава. — Не я буду спасительницей Тухольщины, а твой отец. Что мои жалкие машины против несметной силы врагов! Твой отец такую силу поведет на них, против которой никакое войско не устоит.

— Какую силу? — спросил Максим.

— Слушай! — сказала Мирослава.

Наступила тишина, только где-то далеко-далеко в горах глухо прокатился раскат грома.

— Гремит, — промолвил Максим. — Ну и что же из этого?..

— Что? — живо перебила Мирослава. — Это монгольская смерть. Это разрушитель больший, чем они, но разрушитель, держащий нашу сторону... Ты только послушай!

И она оглянулась, хотя вокруг никого не было, и затем, словно не доверяя окружающей пустоте и тишине, склонилась к Максиму и шепнула ему на ухо несколько слов. Словно поднятый могучей рукой, вскочил Максим с места, так что цепи его зазвенели.

— Девушка! Волшебное видение! — воскликнул он, вглядываясь в нее с тревогой и глубоким восторгом. — Кто ты и кто прислал тебя сюда с такими вестями? Ибо теперь я вижу, что ты не Мирослава, дочь Тугара Волка. Нет, ты, верно, дух того Сторожа, которого зовут покровителем Тухли!

— Нет, Максим, нет, милый мой, — сказала в ответ эта удивительная девушка. — Это я, та самая Мирослава, которая тебя так сильно любит, что рада была бы отдать свою жизнь за твое счастье.

— Как будто я мог бы быть счастливым без тебя!

— Нет, Максим, послушай, что я тебе еще скажу: беги из этого лагеря немедленно!

— Как бежать? Ведь стража не спит.

— Стража пропустит тебя. Видишь же, что меня она пропустила. Только сделай вот что: переоденься в мое платье и возьми этот золотой перстень — его дал мне монгольский начальник в знак моей свободы и беспрепятственного хождения. Покажешь его часовым, и они пропустят тебя.

— А ты?

— За меня не бойся. Я останусь с отцом.

— Но монголы узнают, что ты выпустила меня, и тогда тебя не пощадят. О нет! Я не согласен на это.

— Говорю тебе, не бойся за меня. Я сама сумею себе помочь.

— И я тоже, — упрямо заявил Максим.

В эту минуту вошел боярин, угрюмый, с красным лицом. Гнев и недовольство тучей лежали на его лбу. Бурунда отнесся к нему еще суровее, чем прежде, встретил предложение об обмене Максима упреками и едва-едва согласился на него. Боярин все больше и больше чувствовал себя как-то связанным, словно вокруг него все теснее сжимались прутья железной решетки.

— Ну что? — резко спросил он, не глядя ни на дочь, ни на Максима.

Счастливая мысль осенила Мирославу.

— Все хорошо, отец, — сказала она, — только...

— Только что?

— Заветное слово Максима таково, что не имеет силы в устах другого. Его должен произнести сам Максим.

— Ну тогда чорт с ним! — сердито пробурчал боярин.

— Нет, отец, послушай, что я тебе скажу. Вели расковать его и пойди вместе с ним к тухольцам. Вот перстень Петы: стража пропустит его.

— Спасибо тебе, доченька, за добрый совет. «Отведи его к тухольцам» — то есть выбрось своими руками последнюю надежду на спасение. Тухольцы Максима возь-

мут, а меня прогонят! Нет, этого не будет! Я иду один, без его слова.

Опечалилась Мирослава. Ясные ее очи подернулись слезами.

— Сокол мой! — сказала она, вновь припадая к Максиму. — Сделай так, как я тебе советую: возьми этот перстень!

— Нет, Мирослава, не бойся за меня. Я уже придумал, что мне делать. Иди и помогай нашим, и да поможет вам наш Сторож!

Тяжко было расставание Мирославы с Максимом. Ведь она оставляла его почти на верную гибель, хоть всеми силами старалась не показывать своей печали. Украдкой поцеловав его и горячо пожав ему руку, она выбежала из шатра вслед за отцом. Максим остался один в боярском шатре, и сердце его трепетало от какой-то смутной радости, тревоги и надежды.

VII

— Что это за стук такой в лесу? — спросил боярин свою дочь, идя рядом с ней через монгольский лагерь.

— Лес рубят, — коротко ответила Мирослава.

— Теперь? Ночью?

— Сейчас наступит день.

И действительно, не успела Мирослава вымолвить это, как на высоких скалистых обрывах, стеной окружавших тухольскую котловину, там и сям замерцали искры: это тухольцы высекали огонь и раскладывали костры. Вскоре вокруг всей долины запылали костры, словно во тьме засверкали глаза гигантских волков, готовящихся кинуться в долину и пожрать монгольское войско. У каждого костра сновали кучки каких-то темных фигур. Стук топоров раздался с удвоенной силой.

— Что они делают? — спросил боярин.

— Обтесывают деревья.

— Зачем?

— Придешь и увидишь.

Они продолжали свой путь через лагерь. Иногда часовые останавливали их — приходилось показывать перстень.

Часовые с тревогой смотрели на костры, будили своих начальников, но те, видя, что тухольцы держатся спокой-

но, приказывали не поднимать шума, но быть настороже. Для монголов еще лучше, что так много огней — не будет тайного нападения. Пока эти огни горят, можно спать спокойно. Ведь и так завтра войску предстоит большая работа.

Тугар Волк с дочерью миновали лагерь и, пройдя широкое поле, подошли к отвесной каменной стене. Они долго бродили в поисках тропинки, пока наконец Мирослава не отыскала ее в зарослях кустарника и папоротников. С трудом стали они взбираться по ней.

— Кто идет? — послышались голоса сверху, от костра.

— Свои! — ответила Мирослава.

— Что за свои? — крикнули тухольцы, загораживая дорогу. Но они сейчас же узнали Мирославу, шедшую впереди. — А с тобой кто?

— Мой отец. Монгольский бегадыр послал его для мирных переговоров с нашими стариками.

— На чорта нам переговоры? Как только покажется солнышко в небе, мы с ними иначе побеседуем.

— Ишь, какие смелые! — сказал, усмехаясь, Тугар Волк. — Ну, этой-то радости вам недолго ждать. Да только неведомо, так ли уж радостно будет вашим матерям видеть ваши головы на монгольских пиках.

— Да минует нас твое слово, ворон! — крикнули тухольцы, окружая боярина.

— Ну-ну, — старался задобрить их Тугар Волк, — я ведь не желаю вам этого, я только к тому говорю, как нехорошо это было бы. Как раз для того, чтоб уберечь вас, я и пришел переговорить с вашими стариками. Жаль мне вас, молодые, безрассудные дети! Вы готовы слепо итти на смерть, не думая, будет ли от того кому прок или нет. Но старики обязаны думать.

Говоря это, боярин приблизился к костру, у которого плотники обтесывали дерево; одни сверлили отверстия, другие выдалбливали желоба и пригоняли затычки.

— Что вы делаете? — спросил боярин.

— Угадай, коли мудр! — отвечали насмешливо мастера, сбивая обтесанные деревья вместе в виде ворот с крепкими поперечинами и соединяя каждую пару таких ворот сверху и снизу длинными досками из толстого теса. Боярин взглянул и от удивления даже хлопнул по полам кафтана.

— Метательница![1] — воскликнул он. — Хлопы, кто научил вас делать такую посудину?

— Нашлись такие, которые научили, — ответили мастера и принялись вытесывать из толстого букового пня нечто, напоминающее громадную ложку.

Ручку такой «ложки» втыкали в толстый, туго скрученный канат, натянутый между стояками передних ворот; канат накручивался все туже и туже с помощью двух воротов, приделанных к стоякам, а в широкий жолоб на другом конце вкладывали камни, и силой пружинящего каната при его раскручивании камень из «ложки» выбрасывало далеко в монгольский лагерь.

Тугар Волк посмотрел по сторонам: возле каждого костра мастера (в Тухольщине каждый крестьянин был мастером) сооружали такую же точно машину, а молодежь, женщины и дети вертели рукоятки.

«Ну жарко будет нашим монголам пробивать себе путь из этой ямы под такими штуками!» подумал Тугар Волк, углубляясь вместе с дочерью в лес и идя протоптанной дорожкой к поляне, посреди которой горел большой костер, а вокруг него сидели собравшиеся на совет тухольские старейшины.

— Мирослава! — сказал после минутного молчания Тугар Волк. — Не ты ли научила их строить метательницы?

— Я, — ответила Мирослава и взглянула на отца, ожидая взрыва гнева с его стороны.

Но нет! По лицу боярина скользнула тень удовлетворения.

— Хорошо, дочка! — сказал он коротко.

Мирослава удивилась, не понимая, что означает эта перемена в отношении отца: она не знала, что его вера в удачу монгольского похода, а тем более в исполнение монгольских обещаний уже сильно пошатнулась и это вынуждало боярина держаться поближе к общине; поступок дочери являлся для него желанной поддержкой.

Они вышли на поляну, где всю ночь без сна совещались тухольские старики. Просторная поляна, полого спускавшаяся к югу, с севера была замкнута отвесной скалой из мягкого карпатского сланца. Громадные пихты подко-

[1] Боярин имел в виду катапульту — машину, служившую для метания огромных камней.

вой окружали поляну с востока, юга и запада, так что солнце, находясь лишь в самом зените, могло заглянуть в нее. Поляна когда-то давно была замощена каменными плитами, поросшими теперь мягкой шкурой мха и стеблями широколистого папоротника. Одна только тропинка была протоптана через поляну и вела к глубокому, высеченному в скале гроту в виде склепа, обращенного открытой стороной к югу. Стены склепа были серые, без всяких украшений; внизу, в камне, были выдолблены скамьи и углубления; камень здесь был красный, прожженный, и в отдельных местах виднелись еще следы огня; только на потолке было единственное украшение величиной с добрую ковригу, окаймленное блестящим золотым обручем, словно короной.

Это было древнее тухольское святилище, где деды и прадеды нынешних тухольцев возносили молитвы высшему творцу жизни, Дажбогу-Солнцу, образ которого и представляло собой высеченное на потолке златовенчанное полушарие. Хотя христианские монахи давно уже крестили тухольский народ, но еще долгое время, молясь в корчинской церкви христианскому богу, не забывал он и богов своих предков. Тропа к «Ясной поляне» никогда не зарастала, вечный огонь среди поляны никогда не угасал (отсюда ее название «Ясная поляна»), а перед небольшими боковыми алтарями Лады и Дида[1] частенько курились душистые смолы и трепыхались принесенные в жертву голуби — дар тухольских девушек и юношей. Но постепенно народ забывал своих древних богов.

Священники все строже следили за тем, чтобы люди не молились по-старинному; молодежь перестала приносить дары Ладе и Диду; дети вырастали, ничего не слыша о древних богах и древних обычаях; лишь среди стариков хранились еще кое-какие остатки древней свободной религии, которая разрешала каждой общине иметь своего особого бога (как Тухля имела своего Сторожа), которая не пугала людей посмертными карами и муками, считая наибольшей карой для людей неправедных самую смерть, смерть тела и души.

Новая религия, родившаяся далеко на востоке, воцарилась на нашей земле, а вернее, смешалась с нашей

[1] Лада и Дид — мифологические существа, которым поклонялись славяне.

древней религией; лишь это смешение и позволило новой религии мирно существовать рядом со старой верой народа.

Постепенно вымирали старики, державшиеся старой веры, а те, которые были еще живы, уже не смели исповедовать ее открыто, не смели внушать ее молодому поколению.

Одним из последних явных приверженцев старой веры на нашей Руси был Захар Беркут. И — диво дивное! — эту приверженность он вынес из Скитского монастыря, от старого монаха Акинфия.

Случайно ли рассказал ему этот старый удивительный лекарь о древней вере, такой близкой к природе и ее силам, или, может быть, Захар сам тянулся сердцем к этой вере, противясь византийскому христианству, но, так или иначе, Захар стал приверженцем древней веры во время пребывания своего у старого монаха и поклялся оставаться ей верным до самой смерти.

Он, еще находясь в Тухле, знал об «Ясной поляне», где давно уже потух вечный огонь и не курились душистые смолы, которую корчинские священники ославили как место проклятое и нечистое. Но в каком бы пренебрежении ни находилась «Ясная поляна», все же до сих пор никто не смел тронуть образ Солнца, то есть золотой обруч, которым он был окован: золотой образ Солнца продолжал сиять на потолке святилища, дожидаясь лучей полуденного солнца, чтобы засверкать тысячами искр.

По собственному желанию взял на себя Захар Беркут присмотр за древним святилищем; тропинка, ведущая через поляну к гроту, была протоптана им; каждой весной уже в течение пятидесяти лет Захар, отправляясь собирать травы, проводил неделю в молитвах и размышлениях в «Ясной поляне». И всякий раз после такого посещения возвращался в село, укрепившись духом, еще более чистый и просветленный.

Не однажды в те времена случалось тухольцам видеть из своей долины, как над вершинами пихт, окружающих «Ясную поляну», вьется синеватыми клубочками дым пахучего можжевельника, и они говорили между собой:

— Это старик старым богам молится.

И говорили это без насмешек, без злобы, так как Захар хоть никого в старую веру не обращал, но зато ревностно поучал уважать чужие убеждения и верования.

Вот сюда-то, на «Ясную поляну», и сошлись в эту страшную ночь тухольские старики. Огромный костер пылал посреди поляны; таинственно шумели старые пихты, словно вспоминая былые времена; на потолке в гроте отсвечивал кровавым отблеском костра золотой образ Солнца; задумчиво сидели старики, внимая под доносившийся из лесу стук топоров рассказам старого Захара о седой старине. Какое-то удивительное настроение владело сегодня стариком. Он, который никогда не любил говорить о старой вере, сегодня разошелся и говорил с такой душевной болью, как бывало говорил лишь о самых дорогих и самых близких его сердцу вещах. Он повествовал о деяниях Дажбога, о победах Световида, о том, как три святых голубя — Дажбог, Световид и Перун [1] — сотворили землю из песчинки; как Дажбог на дне бездны три дня искал, пока не нашел три зернышка: зерно пшеницы, зерно ржи и ячменя, и подарил их первым на земле людям — Диду и его жене Ладе; как Перун подарил им искру огня, а Световид — волосинку, которая, по его святому слову, превратилась в корову и пастуха, прозванного Волосом [2].

И еще повествовал Захар о жизни первых людей, о великом потопе, от которого люди прятались в горах и пещерах, о древних великанах и об их царе, тухольском Стороже, осушившем тухольское озеро.

Внимали тухольские старики этим рассказам, точно вестям о каком-то новом, неведомом им мире. Многое, о чем они говорили или пели в своих песнях, не понимая, вставало теперь перед ними в связном и понятном виде, и Захар Беркут представлялся им последним из тех добрых великанов — Сторожей тухольских, о чьих добрых делах будут также рассказывать грядущие поколения.

Но вот хрустнула сухая ветка на тропинке, и из лесного мрака одновременно вынырнули Мирослава и Тугар Волк. Мирослава подошла прямо к старому Захару, а боярин остановился неподалеку от костра.

— Отец, — сказала Мирослава, обращаясь к Захару, — я видела твоего сына!

---

[1] Дажбог, Световид и Перун — древние божества славян. Дажбог — бог плодородия, Святовид, или Световид, — бог света и добра, Перун — главное божество, повелитель стихий.

[2] Волос, или Велес, — славянское божество, покровитель стад.

— Моего сына? — спросил Захар спокойно, точно говорили об умершем.

— Да! С помощью этого перстня я прошла в монгольский лагерь и видела его. Надеемся, отец, что скоро он будет опять на свободе.

— Трудно на это надеяться, дочка, трудно! Но кто это еще пришел с тобой?

— Это я, старина, — сказал, выходя вперед, Тугар Волк. — Узнаешь меня?

— Лицо твое узнаю. Ты был боярин Тугар Волк. Что привело тебя к нам?

— Я пришел к вам, старцы тухольские, послом от великого Бурунды-бегадыра, начальника монгольского войска.

— Чего же хочет от нас Бурунда-бегадыр? — спросил Захар.

— Бурунда-бегадыр велит сказать вам, что сила его велика и неодолима, и напрасно вы ставите засеки на вашей дороге, напрасно строите машины для метания камней — ничего вы не сделаете против его силы.

— Видно, твой Бурунда начинает нас бояться, коли вздумал пугать. Это добрый признак. Продолжай.

— Нет, старик, не следует тебе пренебрегать словами начальника монгольского. Его угроза — половина кары, а его кара страшна, как кара божья! Слушай же, что еще велит сказать вам Бурунда-бегадыр моими устами. Цель его похода — Угорский край, владения Арпада, который был подданным великого Чингис-хана, а теперь не хочет признавать его владычества. Чтобы покарать непокорного, великий Чингис-хан послал свое войско на запад. Ваше ли дело задерживать это войско в его походе? Бурунда-бегадыр, начальник одной части этого войска, желает по-хорошему расстаться с вами. В его руках находится пленник — твой сын, старик. Вот что приказывает он передать вам: разваливе свои засеки и выпустите монгольское войско из вашей долины, а взамен он готов отдать вам своего пленника живым и здоровым. Уясните себе хорошенько, какая вам польза от милости Бурунды. Сопротивление ваше напрасно — так или иначе, монголы развалят ваши засеки и пойдут своим путем. Но они не хотят терять времени в вашей долине, не хотят проливать вашу кровь и готовы отдать вам пленника за то, что вы их пропустите. В противном случае, разумеется, его ждет

неминуемая смерть, притом в страшных мучениях, а вас ожидает кровавая резня. Несмотря на ваши ухищрения, вы будете разбиты. Выбирайте же сами, что для вас лучше!

Внимательно слушали тухольские старейшины речь Тугара Волка, и на некоторых она произвела впечатление. Захар заметил это и сказал:

— Честные братья, хотите ли вы внимательно обсудить предложение Бурунды? Или, может быть, выскажем сразу свое единодушное решение?

— Обсудим, обсудим! — ответили старики.

Захар попросил Тугара Волка на минуту удалиться. Боярин в сопровождении своей дочери с гордым видом отошел в сторону.

— Захар, — сказал один из стариков, — речь идет о жизни и смерти твоего сына. Не лучше ли нам отказаться от неравной борьбы и спасти юношу?

— Дело здесь не в моем сыне, — твердо ответил Захар. — Если бы действительно дело было только в этом, я бы сказал вам: у меня нет сына, мой сын погиб в бою. Но здесь речь идет о наших соседях из нагорных и загорных общин, которые спустились нас защищать и теперь, неподготовленные, погибли бы. Потому я и говорю вам: не думайте о моем сыне, а решайте дело так, как если бы он был уже в гробу!

— Но все-таки, Захар, борьба с таким войском, как у монголов, — неравная борьба.

— Ну что ж, погибнем все до последнего в бою, а потом пусть монголы по нашим трупам идут, куда им угодно. Только так мы выполним свой долг! А нынче заключать с ними мир, да еще какой мир: получить одного юношу в обмен на гибель наших соседей — это было бы позором, было бы предательством! Да и к тому же, кто знает, так ли уж неравны наши силы? Положение у нас хорошее, монголы заперты в каменной клетке. С небольшими потерями мы можем отбивать и самые отчаянные их набеги. Но, возможно, не нужно будет и этого. Еще ночью мы выпустим на них своего союзника, против которого не устоит никакая человеческая сила, будь она даже вдесятеро сильнее монгольской.

— Так ты советуешь нам отвергнуть предложение Бурунды?

— Решительно и бесповоротно!

— И отдать твоего сына на верную гибель?

— Не напоминайте мне о моем сыне! — вскрикнул, словно от боли, Захар. — Кто мне теперь напоминает о нем, тот восстает в союзе с отцовским сердцем против моего разума! Разум мне подсказывает отвергнуть предложение! А что говорит мое сердце — это мое дело!

— Будь же по-твоему! — сказали старики. — Если бог судил ему погибнуть, то мы тут ничем не поможем. Если же нет — так он и без нас уйдет из пасти лютого ворога.

Позвали боярина, и Захар поднялся, чтобы сообщить ему решение общины. Со смертельной тревогой в сердце смотрела на него Мирослава: она, бедная, все еще питала надежду, что тухольцы согласятся на выкуп ее Максима.

— Умно, конечно, по-своему умно, расхваливал ты перед нами, боярин, предложение твоего начальника. Мы и не удивляемся этому: ты обязан был так говорить, обязан был точно выполнять волю того, кому ты служишь. Послушай же теперь, что говорит наш холопский, общинный разум. Если б дело касалось только меня и твоего бегадыра, я с радостью отдал бы ему все, что имею, вплоть до своей старой головы, за освобождение сына. Но ты предлагаешь нам неравный обмен, от которого выигрываю только я и мой род, а теряет не одна община, а все общины, через которые пройдет ваш путь. Можно ли итти на такой обмен? Какая польза нагорным и загорным общинам от освобождения моего сына? А выпустив вас из этой долины, мы нашлем гибель на все соседние, находящиеся с нами в союзе общины. Мы дали обязательство защищать их от вашего нашествия, и они прислали нам свою подмогу — пятьсот отборных молодцов. Долг наш — стоять на своей земле до последней минуты. Так мы и сделаем. Возможно, что бог судил вам победу над нами, и тогда мы не сможем остановить вас. Но знайте, что лишь через труп последнего из оставшихся тухольцев вы сможете выйти из этой долины. Но, кто знает, может быть, победа суждена нам, а тогда ведайте и вы, что, войдя в эту долину, вы вошли в собственную могилу, из которой вам уже не выбраться вовек. Или мы погибнем до единого, или вы — другого выбора нет. Вот наш ответ.

Лицо Захара пылало таким дивным огнем при этих грозных словах, что боярин, заглядевшись на этого высокого старика с простертой вперед рукой, не нашелся, что ответить.

Он видел, что все дальнейшие разговоры бесполезны, и, молча повернувшись, пошел обратно в сторону лагеря. Мертвое молчание воцарилось на поляне — только трещал огонь да слышался непрестанный стук топоров, с помощью которых мастерили смертоносные для монголов приспособления.

— Отец! — крикнула вдруг с болью Мирослава. — Отец, вернись!

И она побежала за ним и схватила его за руку: дочерняя любовь еще раз заговорила в ее сердце своим могучим, неприглушенным голосом.

— Вернись, отец! Останься здесь, среди своих! Стань рядом с ними в борьбе с врагами, как брат среди братьев, и они простят тебе все! А там — на что ты можешь там надеяться? Они предадут тебя, опьянят обещаниями и зарежут! Батюшка, не возвращайся больше к монголам! Там ждет тебя смерть!

Боярин, повидимому, колебался, но лишь одно мгновение. Потом прижал Мирославу к своей груди и сказал тихо, полусурово-полуласково:

— Глупая девушка, не время мне еще! Не все еще безнадежно у монголов. Надо пользоваться тем, что есть в руках. Но если бы там не удалось...

— Нет, отец, — прошептала сквозь слезы Мирослава, — оставь эти мысли! Кто знает, может быть тогда будет слишком поздно!

— Не бойся, не будет поздно. Оставайся тут и братайся, если хочешь, с тухольцами, а я должен итти туда. Не забывай, девушка, что там... этот... твой Максим. И кто знает, может быть мы еще друг другу пригодимся. Прощай!

Тугар Волк скрылся в перелеске, торопливо шагая по тропинке к костру над обрывом, чтобы сойти по его склону в монгольский лагерь. Подойдя к костру, он снова осмотрел уже почти готовую катапульту, потрогал канат и, покачав головой и сказав: «Слаб», сопровождаемый тухольской стражей, спустился по узкой, уходящей вкось тропинке в долину.

Между тем на «Ясной поляне» продолжало царить тяжелое молчание, точно там лежал дорогой всем покойник. Только Мирослава громко всхлипывала, утирая частые слезы, струившиеся по ее щекам. Наконец она подошла к Захару и сказала ему:

— Отец, что вы сделали!

— То, что должны были сделать. Иначе было бы нечестно, — ответил Захар.

— Но твой сын! Что с ним будет?

— Что бог даст, дочка. Но довольно об этом, не плачь. Пора нам подумать о деле. Вот уже Воз [1] клонится к закату, и глухари шумят в чаще — близится рассвет. А ну-ка, друзья, приготовимся к обороне! Нет, к нападению, к последнему бою с супостатами! Вспомните, какой ответ я им передал! Идем, пусть никто не остается в стороне! И старый и малый — все пригодятся. Покажем этим дикарям, на что способна община!

С шумом поднялись старики тухольцы и толпой двинулись из «Ясной поляны» к обрывам — осматривать работу мастеров: метательные машины. Они уже были почти везде готовы — грубо сколоченные из сырых толстых бревен, просверленных и сбитых жердями; но их ведь и сооружали не навек, а для минутной надобности.

Но не для осмотра машин привел сюда стариков Захар. Только на мгновение задержались они возле них, а затем группами двинулись дальше, по краю обрыва, и затем вниз, к тому месту, где тухольский поток по ущелью вытекал из долины и где стоял, склонясь над потоком, огромный, толстый четырехгранный каменный столб, прозванный тухольским Сторожем.

Туда, во главе с Захаром и Мирославой, торопилась вся Тухольская община: юноши несли на плечах толстые длинные жерди и лестницы, девушки — огромные венки из листьев и пихтовых веток; пожилые тащили связки веревок и канатов. Огни в этой стороне были погашены, чтобы враг раньше времени не заметил, что тут делается. Медленно, осторожно, без шума стали общинники спускаться крутыми, обрывистыми тропинками вниз, в долину.

Впереди шел сильный отряд вооруженной молодежи, который тремя рядами выстроился в долине лицом к монгольскому лагерю, отстоящему в какой-нибудь тысяче шагов. За ним следовали парни с лестницами, веревками, канатами и бревнами. Лестницы приставили к стене обрыва, и по ним были легко спущены бревна в долину. Девушки передали парням свои венки — им нельзя было

---

[1] Воз — созвездие Большой Медведицы.

спускаться в долину, где каждую минуту можно было ждать вражеского нападения. Последними спустились в долину старики вместе с Захаром Беркутом и, осмотрев расположение вооруженных воинов и все приспособления, поспешили к ущелью, из которого с шумом катил в долину свои чистые волны тухольский поток.

Захар остановился перед Сторожем и устремил на него долгий взгляд. Тихо было вокруг. Захар молился:

— Великий наш Сторож! Ты, которого предки наши считали своим покровителем, которого и мы доныне чтили ежегодными праздниками! Уже три раза ты, из ночи в ночь, являлся мне во сне — будто ты падаешь и придавливаешь собою меня. Я верю, что ты добр и милостив, и если ты призываешь меня к себе, я радуюсь твоему призыву и счастлив пойти за тобой. Но если ты сам хочешь сдвинуться со своего извечного места, то раздави, владыка, своей тяжестью этого поганого ворога, детей Мораны, покрывших ныне снова собою твою благословенную обитель — Тухольскую долину! Сломи еще раз поганую силу, как ты ее сломил уже однажды, когда могучей рукой разбил эту каменную стену, открыл водам путь и даровал людям прекрасную долину! Запруди ее теперь вновь! Пусть сгинет злая вражья сила, которая теперь измывается над нами!

В этот момент огненная молния разрезала с юга на север темное небо, и далеко в горах загрохотал гром.

— Да, это твой могучий голос! — радостно сказал Захар. — Дети мои! В последний раз увенчайте этот святой камень!

Четверо юношей влезли по лестнице и увили главу Сторожа зелеными венками. В южной стороне неба опять загрохотал гром.

— Его воля, дети! — сказал Захар. — Обвейте его веревками. А вы, — обратился он к остальным, — быстро за лопаты! Подкапывайте снизу, подкладывайте ваги![1] Живо, дети, живо!

Тихо, без шума работали вокруг Сторожа десятки рук. Сверху его обвязали канатами и веревками, снизу подкопали его основание и в образовавшуюся неглубокую щель подложили наискось бревна, которые должны были служить рычагами, чтобы повалить камень поперек ущелья.

[1] Ваги — бревна или палки, употребляемые в качестве рычагов.

Быстро ловкие молодцы сделали все необходимые приготовления, убрали лестницы, подложили под ваги большие камни.

— Беритесь за канаты все, кто может дотянуться! Налягте на ваги, хлопцы! — командовал Захар.

И сотни рук сразу принялись за дело.

— Еще раз, дружно! — крикнул Захар. — Тяните! Жмите!

Ухнул народ с натуги, затрещали толстые ваги, но камень не шелохнулся.

— Еще раз! Нажимайте сильней! — кричал Захар и сам схватился за канат.

Громадный камень зашатался.

— Сдвинулся! Сдвинулся! Подается! — закричал радостно народ.

Еще раз налег народ — и вдруг ослабело напряжение канатов, огромный камень сдвинулся со своего места и, с минуту покачавшись в воздухе, со страшным грохотом рухнул поперек потока и ущелья. Застонала и затряслась Тухольская долина от страшного удара, далеко брызнула жемчужными каплями вода потока, и радостными, шумными криками огласили тухольцы воздух.

Зашевелилось в своем лагере сонное монгольское войско, закричали часовые, зашумели начальники, раздался лязг оружия, но через минуту все утихло. Монголы ждали нападения и были готовы к обороне, но тухольцы и не думали нападать на них. Они готовили нападение совсем иного рода.

Захар с юношеской живостью подбежал осмотреть, как упал камень. Камень упал так удачно, будто его нарочно пригоняли. Острыми концами он зацепился за выступающие углы обрывов, образовавших ущелье, а всей своей массой лег мостом поперек потока. Правда, он не запрудил поток, так как уровень воды был ниже, но тухольская молодежь уже тащила на руках огромные каменные плиты, в то время как остальные очищали дно потока от ила и гальки, чтобы плотно замуровать русло и преградить течение.

Другие в это время клали стену по другую сторону камня, толщиной сажени в три, замыкающую ущелье. Эта стена, основанием которой служил громадный Сторож, могла свободно выдерживать самый сильный напор воды.

— Живо, дети, живо! — подгонял Захар, стоя над потоком и помогая работе советами и руками. — Загораживайте, замуровывайте поток, пока вода не прибыла! В горах, верно, прошли большие дожди, скоро нахлынет паводок, тогда трудно нам придется. А стену надо вывести вровень с этими обрывами. Посмотрим, что сможет сделать сила Чингис-хана против силы воды!

Работа шла быстро. Вскоре поток был совершенно замурован. Гневно закрутилась воронками задержанная на месте вода, словно не понимая, зачем преграждают ее бег. Яростно плескалась волна за волной в огромный камень. Она бросилась было подгрызать нижние, уложенные на дне плиты, ища прохода между ними, но все было напрасно: всюду камень и камень, плотно сжатый и сбитый в сплошную несокрушимую стену. Заклокотала вода. Дрогнула на всем своем протяжении и остановилась, изумленная, спокойная на вид, но полная гнева в своей хрустальной глубине. Подобно туру, который, приготовившись к нападению, остановится, опустит голову вниз; пригнет рога к земле и затихнет, чтобы вдруг с огромной силой броситься на противника, — так и непривычная к путам вода тухольского потока на секунду затихла, словно ленясь, словно задремав в плоских своих берегах, набираясь силы и смелости для нового, решительного нападения; она тихонько нажимала на стены, словно пробуя, не сможет ли своими плечами отодвинуть так неожиданно поставленную ей преграду. Но нет, преграда стояла на месте, холодная, гладкая, гордая и непобедимая в своей несокрушимости. Сильные руки тухольцев продолжали укреплять ее, наваливая камни на камни, плиты на плиты, скрепляя их липкой водонепроницаемой глиной.

Словно новая, всемогущей волей воздвигнутая скала, поднималась каменная плотина все выше и выше под руками тухольцев.

Вооруженные удальцы уже давно покинули долину, где они стояли лицом к монгольскому табору, променяли луки и топоры на дубинки и молотки для обтесывания камня. Радостно смотрел Захар на их работу, и его глаза сияли уверенностью в победе.

А на востоке, над монгольским лагерем, кровавым заревом пламенели облака. Светало. Розовый рассвет залил лучами высокий гребень Зелеменя, опуская их все ниже и ниже. Затем тучи расступились, и медленно, словно боязливо

ливо, выкатилось на небо солнце и глянуло на занятых своей работой тухольцев.

Радуясь от всего сердца, посмотрел Захар на восток и, простирая вперед руки, произнес торжественным голосом:

— Солнце, великий пресветлый властелин мира! Извечный покровитель всех добрых и чистых душою! Сжалься над нами! Мы подверглись нападению дикого врага, он разрушил наши хаты, разорил наш край, вырезал тысячи наших людей. С твоим именем вступили мы с ним в смертный бой и твоим светом клянемся, что не отступим до последней минуты, до последнего нашего вздоха! Помоги нам в этом страшном бою! Даруй нам твердость, уменье и согласие! Не допусти нас устрашиться их множества и всели в нас веру в свои силы! Дай нам единением, согласием и умом победить разорителей! Солнце, я поклоняюсь тебе, как предки наши тебе поклонялись, и молю тебя всем сердцем: даруй нам победу!

Он умолк. Воздух раннего утра трепетал от жарких слов молитвы Захара. Ее слушали не только тухольцы. Ее слушали горы, разнося эхо от края до края. Слушала ее запертая вода потока и, словно одумавшись, перестала биться о каменную плотину и вдруг хлынула назад.

VIII

В то время как незадачливый боярин выполнял свое поручение, Максим продолжал сидеть в его шатре, прислушиваясь и обдумывая, что ему делать. Краткая встреча с Мирославой была светлым лучом во мраке его неволи. Ее слова, ее взгляд, прикосновение ее рук, принесенные ею вести — все это словно подняло его из темного гроба, вернуло ему жизнь. Он чувствовал, что к нему возвращаются прежняя отвага и надежда. Спокойный, с прояснившимися мыслями, ожидал он боярина.

— Ты еще здесь? — воскликнул боярин, входя в шатер. — Бедный хлопец! Зря я хлопотал о твоем освобождении! Упрям твой старик. Седой, а совсем дитя!

— А разве я не говорил тебе, боярин, что напрасны твои хлопоты? — ответил Максим. — Но что же все-таки сказал тебе мой отец?

— Сказал, что будут биться до последнего издыхания — и ни с места! Или мы, говорит, все поляжем, или вы...

— Мой отец на ветер слов не бросает, боярин. Он привык крепко все обдумывать, прежде чем начать говорить.

— Я уж и то вижу, что он хоть и скупо, да правду говорит! — неохотно вымолвил боярин. — Однако что же делать? Все-таки борьба тухольцев с монголами неравна. Сила солому ломит, что там ни говори!

— Э, боярин! Есть средства и против силы! — ответил Максим.

— Ну, ну, видел я их средства! Моя дочка — горячая голова, вы околдовали ее, — это она научила их строить метательные машины. Будет у нас тут завтра каменный град, ну да не слишком сильный, потому что не сумели как следует канаты наладить, чтоб пружинили.

— А кроме машин, ты думаешь, у них нет другого средства?

— Не знаю. Видимо, нет. А впрочем, ждать недолго, утром увидим. Да вот беда мне с Бурундою: наседает — ищи да ищи способ завтра утром вывести их отсюда без боя и без потери времени. А тут тухольцы уперлись, как козлы рогами. Ну, а что я могу сделать? Раз нельзя — так нельзя!

— Нет, боярин, не говори так. Покамест ты все же в руках монголов, так же как и я, и вынужден выполнять их волю.

— Но что же я могу для них сделать?

— Возможно, я мог бы тебе помочь, боярин. Я благодарен тебе за сегодняшнюю доброту. Если желаешь, я послужу тебе сегодня.

— Ты — мне? — воскликнул изумленный боярин. — Что же ты можешь сделать для меня?

— Мне известна одна тайная тропа из котловины, совершенно безопасная, которую никто в Тухле, кроме моего отца и меня, не знает. Эту тропинку не охраняют. По ней можно вывести отряд монголов на гору и обложить проход. А после этого развалить засеки и выйти из этой долины — пустое дело.

Боярин оторопело смотрел на Максима и ушам своим не верил. «Неужели это возможно?» сверкнула у него молнией мысль, но сейчас же погасла, и что-то защемило у него на сердце. Как ни сильна была его недавняя ненависть к Максиму, все же ему нравилась его рыцарская твердость и непреклонность. Теперь же, когда он услышал из уст Максима эти слова, ему показалось, что из его

сердца уходит что-то глубокое и святое, что обрывается последняя нить его веры в человеческую честность и постоянство.

— Хлопец, — крикнул он, — что ты говоришь? И ты мог бы сделать что-нибудь подобное?

— Что же, боярин, — отвечал не то печально, не то с насмешкой Максим, — сам же ты сказал, что сила солому ломит.

— Но ты, ты, который недавно клялся, что лучше умереть, чем пойти на предательство?!

— Что же делать? — ответил тем же тоном Максим. — Раз нельзя сдержать клятву — так нельзя.

— И ты, такой слабовольный, смеешь думать, что моя дочка будет любить тебя? — с гневом воскликнул боярин.

— Боярин, — ответил горько Максим, — не вспоминай о ней!

— Ага, видишь, как это тебя укололо! — сказал боярин. — Видно, я правду говорю.

— Кто знает, боярин, кто знает! У нас военное время, война всему учит. А что, если...

— Если что? Почему не договариваешь? — крикнул Тугар Волк.

— Ничего, ничего! Я только еще раз спрашиваю тебя: принимаешь мое предложение?

— Но действительно ли ты думаешь вести монголов против своих тухольцев?

— Действительно, если только будет возможно...

— Как это так, если будет возможно? Если не будут охранять тропу?

— Нет, за это я ручаюсь — тропинку не охраняют, и мы пройдем среди бела дня незамеченными, если только не будет какой-нибудь другой помехи.

— А какая же может быть помеха?

— Я... не знаю...

— Если так, то нечего тянуть долго! Идем к Бурунде!

— Иди сам, боярин, и передай ему то, что я тебе сказал. О возможной помехе незачем упоминать, так как, повторяю, я ручаюсь, что ни тухольцы и никакие другие вооруженные люди нам не помешают. А другие препятствия, верно, не устрашат ваших смельчаков.

— Пусть так, — сказал Тугар Волк.

— И попроси его, чтоб он велел расковать меня — в цепях я не могу итти.

— Это само собой разумеется, — бросил боярин и ушел, обдумывая на все лады происшествие.

Какие тревожные, жуткие минуты переживал Максим, пока боярин ходил извещать Бурунду о его намерении! Охватив руками голову, сидел он в страшной нерешительности, ловя ухом малейший шорох, словно ожидая прихода кого-то, самого дорогого для него на свете. Он дрожал, точно в лихорадке, и стучал зубами, как на морозе. Но минуты тянулись тихо, спокойно, лениво, и каждая из них словно острыми медвежьими когтями впивалась в его сердце.

А если то, о чем говорила Мирослава, не выйдет и боярин начнет настаивать, чтоб он выполнил свое обещание? Смерти ему, конечно, не миновать, и к смерти он готов давно. Но умереть, не сдержав своего слова перед человеком, который на него положился, чья будущность, а может быть, и жизнь зависят от этого, умереть предателем хотя бы только в глазах самого предателя — это страшно, это мука, это горше самой смерти!

Но и сама смерть была теперь для него, после свидания с Мирославой, гораздо страшней, чем час назад, когда он сидел посреди дороги, неподвижно глядя на горящую родную хату и задыхаясь в дыму...

Но что это? Вдруг задрожала земля, и страшный грохот потряс воздух. Лагерь наполнился шумом, криком, лязгом оружия. Что произошло?

Максим вскочил на ноги и захлопал в ладоши с такой силой, что зазвенели цепи. Радость, радость! Это тухольцы работают! Это они сооружают ту помеху, которая остановит монголов и не даст ему стать предателем! Теперь он может умереть спокойно, так как даже перед врагом не нарушит своего слова. Сердце его билось учащенно. Он не мог усидеть на месте и зашагал по шатру. Шум в лагере начал утихать, и вскоре в шатер вбежал боярин. Лицо его сияло радостью.

— Парень, — сказал он оживленно, — твое предложение пришлось очень кстати. Оно выручило меня из большой беды. Ты слышал грохот? Хитры твои тухольцы: они ставят засеки и позади нас. Скорей ступай к начальнику — он уже собирает отряд, который пойдет с тобой. Нам надо поскорей отсюда выбраться, здесь небезопасно.

Как острые ножи, резали сердце Максима эти слова.

Что бы там ни было, но он должен задержать поход до того времени, когда он окажется невозможным!

— А с каких пор, боярин, вас стали пугать холопские засеки? Я не думаю, чтобы монголам вдруг стала грозить какая-либо опасность. Пусть себе тухольцы тешатся своими засеками, мы быстро прогоним их оттуда. А торопиться нам нечего — сам видишь, что еще не рассвело. А пока не станет совсем светло, выхода, о котором я говорил, мы не обнаружим.

— Что это за выход такой, который можно только днем отыскать?

— Слушай, боярин, какой это выход: в нашем огороде под слоем земли лежит большая плита. Надо найти это место, откопать и отвалить плиту, а под ней находится узкий, вырубленный в подземных скалах ход, который и выведет нас наверх, прямо на «Ясную поляну», где ты недавно видел моего отца.

— Но чего же тут ждать? Пойдем сейчас и будем искать! — вскричал боярин.

— Хорошо тебе говорить, боярин, только об одном ты забыл: что село сгорело, плетни и дома наши тоже сгорели, знак, по которому можно было узнать это место, тоже сгорел, так что в потемках я ни за что на свете не отыщу его. Еще раз повторяю: к чему торопиться, если ход этот безопасен и среди бела дня!

— Что ж, будь по-твоему, — согласился наконец боярин. — Пойду сообщу об этом Бурунде и пришлю людей, которые тебя раскуют. Только ты, дружище, все же останешься под стражей, так как, скажу тебе правду: ни Бурунда, ни я не доверяем тебе. И если окажется, что ты хитришь, то, будь уверен, смерти тебе не миновать!

— Я это давно знаю, боярин! — беззаботно ответил Максим.

Боярин опять ушел, и вскоре в шатер вошли два монгольских кузнеца, расковали Максима и сняли с него тяжелые цепи. Избавившись от этих тяжких железных пут, почти целые сутки впивавшихся ему не только в тело, но, казалось, и в самую душу, Максим почувствовал себя так легко, словно он вновь на свет родился.

С легким сердцем и полный надежд, пошел он в сопровождении монголов к шатру Бурунды. Бурунда смерил его с ног до головы взглядом своих грозных, диких глаз

и сказал через переводчика (эту услугу на этот раз оказывал им обоим Тугар Волк):

— Раб, я слышал, что ты знаешь выход из этой долины?

— Знаю, — ответил Максим.

— И готов указать его нам?

— Готов.

— Какую плату хочешь за это?

— Никакой.

— Для чего же ты это делаешь?

— По доброй воле.

— Где этот выход?

— В огороде моего отца.

— Можешь сейчас найти его?

— Не могу, все там погорело, а выход глубоко засыпан землей. Когда рассветет — найду.

— Уже рассветает. Иди и ищи! И слушай, что я тебе скажу. Если говоришь правду, если найдешь выход — будешь свободен и получишь вдобавок награду. Если же морочишь нас пустыми словами — погибнешь в страшных мучениях.

— Полагаюсь на твое слово, великий бегадыр, — сказал Максим, — положись же и ты на мое!

— Ступай и ищи выход! Вот тебе помощники. Я сам пойду с тобой!

Как медленно, с какими задержками шел Максим! Как старательно осматривал он каждый уголок, каждый камешек, словно старался вызвать в своей памяти расположение местности, измененной вчерашним пожаром! Хотя до отцовского огорода было еще далеко, он несколько раз останавливался, припадал к земле, стучал, ковырялся в ней, то и дело поглядывая вперед, на поток, откуда должна притти к нему помощь. С медленностью улитки двигался отряд. Бурунда уже начинал терять терпение.

— Не гневайся, великий бегадыр, — сказал Максим. — Вчерашний пожар смел все следы человеческого жилья в этой долине. Мне трудно сразу опознать место. Скоро уж придем в усадьбу моего отца.

Максим нетерпеливо глянул на поток. Слава тебе, господи! Берега уже полнехоньки, еще минута — и вода разольется по долине. Ба, пониже села, близ ущелья, уже виднелись широкие реки и пруды, красные, как кровь, от восходящего багрового солнца! Теперь, значит, можно!

Быстро повел Максим монголов на отцовский огород, быстро нашел место, где земля глухо гудела под ударами, и Бурунда, дрожа от нетерпения, приказал монголам копать. Лишь теперь, оглянувшись, он увидел разлившуюся по равнине воду.

— Га, а это что? — крикнул он, охваченный смутной тревогой.

Тугар Волк посмотрел и тоже задрожал. Лишь Максим стоял спокойный, беззаботный.

— Ничего, бегадыр! Этой ночью в горах прошли дожди, а после каждого ливня наш поток выходит из берегов. Но это ничего — сюда вода не доходит никогда.

— Ну, если так, — сказал Бурунда, пересиливая свою тревогу, — копайте дальше.

Но Максим сказал неправду. Вода все шире и шире разливалась по долине, и лишь несведущие и напуганные монголы не могли понять, что это не наводнение, что вода совершенно прозрачна, не несется с шумом вперед, а лишь тихо поднимается все выше и затопляет берега.

Работа двигалась медленно, хотя монголы старались изо всех сил. Но вот и впрямь лопаты наткнулись на что-то твердое. Плита! Однако она оказалась широкой, шире выкопанной монголами ямы. Приходилось либо расширять яму, либо разбивать плиту. Максим тревожным взором следил за подъемом воды. Значительную часть долины, ниже села, уже залило. Вода вал за валом катилась вверх по долине, в направлении, прямо противоположном тому, которым она текла испокон веков. Вдруг из монгольского лагеря донеслись страшные крики: вода тысячами ручьев хлынула в лагерь.

— Раб, что это значит? — заорал на Максима Бурунда.

— Что ж, бегадыр, — ответил Максим, — видно, большой дождь прошел в горах, и наш поток разлился сильнее, чем обычно. Да неужто вам страшно воды, доходящей до щиколоток? Разбивайте плиту! — крикнул он монголам. — Пусть увидит великий бегадыр, что я его не обманываю.

Загремели монгольские топоры о плиту, но плита была толстая, крепкая, разбить ее было трудно.

— Бейте крепче! — кричал Бурунда, уже не скрывая своей тревоги при виде воды, успевшей превратить в озеро бóльшую часть Тухольской долины и катившейся прямо сюда.

Но плита обладала тухольским характером — она сопротивлялась до последней возможности. Но вот она треснула; еще удар, и, разбитая на куски, она рухнула вниз, и вместе с ней провалились и стоявшие на ней монголы. Темная пасть подземного хода открылась перед глазами толпившихся людей.

— Видишь, бегадыр? — сказал Максим. — Скажи сам, обманул ли я тебя?

Но Бурунда был не очень обрадован обнаруженным входом. Вода плескалась уже у самых ног монголов. Еще минута, и она с веселым плеском полилась в только что вырытую яму.

— Задержите воду, задержите воду!— кричал Бурунда.

И монголы кинулись запруживать вокруг ямы воду. Но было уже поздно. Вода покрыла землю, почва размякла и расплывалась грязью в руках монголов: такая запруда не могла остановить воду, которая все сильнее со всех сторон лилась в яму, булькая и исчезая в ней, пока наконец не наполнила ее до краев. Словно окаменелые, стояли монголы над ямой, глядя, как вода заливала последний для них выход из долины.

— Раб! — сказал Бурунда Максиму. — Это ли твой выход?

— Бегадыр, могу ли я приказывать водам?

Бурунда ничего не ответил на это, а все продолжал смотреть на воду, которая поднималась все выше и выше. Уже гладким зеркалом сверкала она по всей долине, и лишь там и сям, словно маленькие островки, выглядывали из воды куски суши. В монгольском лагере поднялся крик, хотя вода едва доходила монголам до щиколоток.

— Бегадыр, — обратился Максим к Бурунде, видя, что тот собирается возвращаться в свой шатер, — напоминаю тебе твое обещание. Ты сказал, что я буду свободен, когда покажу тебе выход. Я показал тебе выход.

— И выход обманул меня. Ты будешь свободен, когда мы все выйдем из этой долины.

И Бурунда пошел приводить в порядок свое расстроенное войско, а за ним последовала и его дружина.

Монгольское войско, построенное длинными рядами, стояло по щиколотку в воде, угрюмое и растерянное. Как ни мелко было, но то, что вода, прозрачная и сверкающая, словно расплавленное стекло, уже покрыла собой всю долину, и то, что водопад, светящимся столбом стоял-

ший над водной гладью, продолжал добавлять воду, — все это пугало монголов.

Однако оставаться дальше в таком положении было невозможно. Самая тревога, самый вид грозной опасности побуждали людей приняться за какое-нибудь, пусть даже бесполезное, дело, заставляли их действовать, двигаться. Во что бы то ни стало надо было что-то делать, попытать счастья. Не то — Бурунда это хорошо понимал — вся эта масса монголов бросится врассыпную, разбежится, гонимая страхом. Бурунда приказал всему своему войску собраться вместе, сбиться в тесную кучу.

— Вы мужи или коты, что так боитесь нескольких капель воды? Такие ли реки переплывали мы? Что значит этот ручей по сравнению с Яиком и Волгой? Доном и Днепром? Не бойтесь! Вода, которая доходит до щиколоток, бессильна вас затопить. Вперед, к проходу! Нападем на них всей массой! Не думайте о гибели! Победа должна быть за нами!

Так кричал Бурунда и пошел вперед. За ним двинулось монгольское войско, так шумно шлепая по воде, что гудели горы и стонали леса. Но в ста шагах от прохода их встретил убийственный каменный град. Большие каменные кругляки, острые камни и речная галька — все это летело в сбившихся в толпу монголов, ломало им кости, разбивало головы. Кровью окрасилась вода под их ногами. Не обращая внимания на крики Бурунды, монголы рассыпались, бóльшая часть отступила назад, туда, куда не долетали камни. Наконец и сам Бурунда с остатком своего войска вынужден был отступить, так как каменный град становился все сильнее, а монгольские стрелы не причиняли тухольцам никакого вреда.

Тугар Волк зорко вгляделся во вражеские ряды и увидел, что при самой большой катапульте, из которой беспрестанно вылетали то огромные глыбы, то целые тучи мелкого камня, стояла в группе пожилых тухольцев его дочь Мирослава, управляя этой страшной машиной. Максим уже давно ее заметил и не сводил с девушки глаз. С какой радостью стоял бы он теперь возле Мирославы, слушая ее смелые, разумные приказания и поражая противника по ее указаниям! Но нет, не то ему суждено. Одинокий стоит он среди врагов — хоть и без цепей, но безоружный, невольник — и жаждет, чтоб камень, брошенный ее рукой, положил конец его жизни и его мучениям!

Тугар Волк дернул его за рукав.

— Хватит уж, насмотрелся, парень, — сказал он. — Спятила моя дочка, вот что вытворяет! Но нам все-таки туго приходится. Часто ли у вас бывают такие наводнения?

— Такие? Никогда.

— Как так никогда?

— А так, потому что это не наводнение. Видишь, вода чистая.

— Не наводнение? Что же это?

— Неужели ты еще не догадался, боярин? Тухольцы запрудили поток, чтобы залить водой долину.

— Запрудили? — воскликнул боярин. — Значит...

— Значит, вода будет все время подниматься, пока...

— Пока что?

— Пока всех вас не затопит. Вот что.

Боярин ударил себя кулаком по лбу.

— И ты раньше знал это?

— Знал, от твоей дочери. Это, боярин, мой отец такое придумал.

— Проклятье! Почему же ты мне этого раньше не сказал?

— Для чего?

— Мы бы хоть спаслись оба!

— На это у нас еще есть время, — ответил спокойно Максим. — Только давай держаться вместе, и в случае чего, боярин, не дай меня, безоружного, в обиду.

— Об этом не беспокойся, — сказал боярин. — Только что же нам делать теперь?

— Пока что опасности нет, — молвил Максим. — Поток невелик, долина широка, а вода прибывает очень медленно. Но так будет недолго. Через каких-нибудь полчаса она хлынет с гор, быстро зальет всю долину: это будет настоящее наводнение. К вечеру вода поднимется выше человеческого роста. Нам во что бы то ни стало надо продержаться до этого времени. Потому что, пока монголы живы, они нас живыми не выпустят из рук.

— Но они могут нас зарубить еще до того времени!

— Не бойся, боярин. Человек, когда ему грозит опасность, очень смирен, он думает о собственном спасении, а не о смерти других. Постараемся же лучше найти для себя безопасное место, где бы нас не затопило, когда хлынет вода.

Пока шла эта беседа между боярином и Максимом, монголы успели отойти довольно далеко от берега и стояли в воде, не зная, что предпринять. Вода уже доходила им до колен. Бурунда с яростью смотрел на этого неожиданного врага, который не страшился ни его громового голоса, ни его богатырских рук. Бурунда бил неприятеля ногами, плевал в него, позорил его самыми презрительными словами, а враг тихо и спокойно плескался в долине, подернутый легкой рябью и поднимаясь все выше и выше. Вот вода уже покрыла колени, затрудняя передвижение, отбивая охоту к борьбе, ослабляя воинскую дисциплину. К чему все это может привести? Неужели вода долго еще будет им угрожать? Когда дойдет до пояса, тогда движение станет вовсе невозможным, и тухольцы своими камнями перебьют их, как уток!

Но вода вокруг была еще чиста и прозрачна, и лишь там, куда брели монголы, стояли широкие грязные лужи.

Тугар Волк приблизился к Бурунде.

— Великий бегадыр, — сказал он, — нам грозит большая опасность.

— Какая? — грозно спросил Бурунда.

— Вода не спадет. Враги запрудили поток, чтоб утопить в этой долине все монгольское войско.

— Га! — вскричал Бурунда. — И ты, поганый раб, сам заманивший нас в эту западню, смеешь мне это говорить?

— Пойми, великий бегадыр, что я не мог предательски заманивать вас сюда, ибо то, что грозит вам, грозит и мне.

— О, я знаю тебя! Ты еще этой ночью ходил рядиться с ними, торгуя нашей гибелью.

— Если бы я ходил с этой целью, неужели ты думаешь, бегадыр, что, зная о вашей гибели, я бы вернулся погибать вместе с вами?

Бурунда несколько успокоился.

— Что же нам делать? — спросил он. — Неужели так-таки погибать?

— Нет, надо защищаться! Еще минута, бегадыр, и с гор хлынет вода и быстро затопит эту долину. Прежде всего нам надо бороться с ней.

— Но как?

— Прикажи своему войску, пока вода прозрачна, собирать со дна камни и громоздить их в высокие кучи.

Стоя на них, мы заодно сможем защищаться и от воды и от более слабого врага — тухольцев.

Бурунда немедленно отдал приказ — каждому отряду собирать камни и складывать для себя отдельную кучу. Этот приказ, не грозивший никакой опасностью, понравился монголам, а перспектива стоять на сухом месте, не бродя по колено в воде, придала им бодрости. С радостным криком рассыпались они по долине, собирая камни и снося их в кучи.

Тухольцы, стоя на своих стенах, окружающих озеро, хохотали, глядя на их работу.

— Сюда, сюда! — кричали они монголам. — У нас камней хватит, всех вас оделим!

Но стоило лишь монголам подойти поближе, как сейчас же начинала скрипеть машина, и камни беспорядочным роем летели в противников, которые, бродя глубоко в воде, увертывались, выбивались из сил, но скрыться никуда не могли. Волей-неволей должны были монголы держаться посреди долины, подальше от тухольских метательных машин. Бурунда чуть с ума не сошел, чувствуя свое бессилие, слыша презрительные насмешки тухольцев.

— Нет, так не может дольше продолжаться! — крикнул он. — Гей, ко мне, мои верные воины!

Храбрейшие воины монгольского войска собрались вокруг него. Бурунда направил их против одного из тухольских отрядов, который выдвинулся далеко вперед, стоя отдельно на обрывистом скалистом склоне.

Небольшая группа тухольцев стояла там возле новой машины.

— Отравленными стрелами в них! — крикнул Бурунда.

И, подобно шершням, зажужжали в воздухе стрелы. Раздались вопли раненых, тухольцы смешались, а монголы с радостным криком продвинулись вперед.

— Не давайте им скапливаться! — кричал Бурунда. — Не давайте им бросать в нас камни! Тут мы можем закрепиться.

И он разделил свой отряд на две части: одна должна была держать под непрерывным обстрелом противника, а другая — нагромождать кучами камни для защиты от воды.

Тугар Волк и Максим, которых Бурунда держал неотлучно при себе, также принимали участие в работе: таска-

ли камни и бросали их на кучу. Однако работа становилась все труднее: вода доходила уже до пояса, камней нехватало, а куча все еще не возвышалась над уровнем воды. Бурунда командовал лучниками. Уже было ранено десять тухольцев, они умирали от страшного змеиного яда, попавшего им в кровь: против этого яда были бессильны все лекарства Захара Беркута.

— Покиньте, дети, это место! — сказал Захар. — Пусть враг торчит перед отвесной стеной! Все равно ему туда не вскарабкаться, да еще когда под ногами вода!

Тухольцы ушли оттуда. Обрадованные монголы бродили в воде, продолжая сносить в кучи камни. Но вот камней не стало.

— Довольно вам таскать камни! — сказал своим воинам Бурунда. — Лучники, становитесь на кучу и стреляйте в этих холопов! Остальные — за мной! Мы должны взять эту скалу и взобраться наверх, хоть бы само небо обрушилось на нас! Вы, рабы, тоже ступайте за мной! Указывайте дорогу!

— Бегадыр, — сказал ему Максим через Тугара Волка, — туда напрасно лезть, там нет тропинки наверх.

— Должна быть! — крикнул Бурунда и бросился в воду, а вслед за ним и его воины.

Почва в этом месте была неровная. Монголы скользили, падали; вода, волнуемая легким ветерком, билась об отвесную скалу, затрудняя им путь. Хотя до берега было не больше двухсот шагов, им потребовалось почти полчаса, чтобы добраться до него. Под самой скалой было еще глубже, вода доходила до подмышек, а тропинки наверх не было никакой. В то же время тухольцы продолжали осыпать смельчаков камнями, и хотя бо́льшая часть камней попадала либо в скалу, либо падала в воду, все же положение Бурунды в этом месте было чрезвычайно невыгодным и опасным.

— Может быть, твои молодцы умеют хорошо лазить? — сказал, внутренне смеясь, Максим. — По этой стене можно вскарабкаться наверх.

Но ни один из степняков-монголов не умел взбираться по отвесным каменным стенам.

— Если так, — сказал Максим, — позволь мне, бегадыр, влезть первым и показать вам дорогу!

Но Бурунда уже не слушал его, занятый новой мыслью. Он снова разделил свою дружину на две части:

одну оставил на захваченном участке, под прикрытием выступающего ребра скалы, а сам с другой частью войска, во главе которой шли Максим и Тугар Волк, двинулся дальше — искать более удобное место. Но как только этот отряд, бредя по пояс в воде, показался из-за прикрывавшего его высокого берега, тухольские машины немедленно осыпали их градом камней. Почти половина монгольского отряда полегла мертвыми, остальные вынуждены были вернуться.

— Вернемся на старое, безопасное место, — сказал Тугар Волк. — Слышишь шум и крик в долине? Верно, началось наводнение.

Боярин сказал правду. Страшный шум водопада, от которого сотрясалась земля, извещал, что прибыла большая масса воды. Вал за валом катились со стороны водопада огромные мутные волны; вся поверхность широкого озера забурлила и покрылась пеной. На месте чистого, спокойного зеркала теперь бушевали яростные волны, вода с шипением закручивалась воронками; качалось и билось в каменных берегах взбаламученное море.

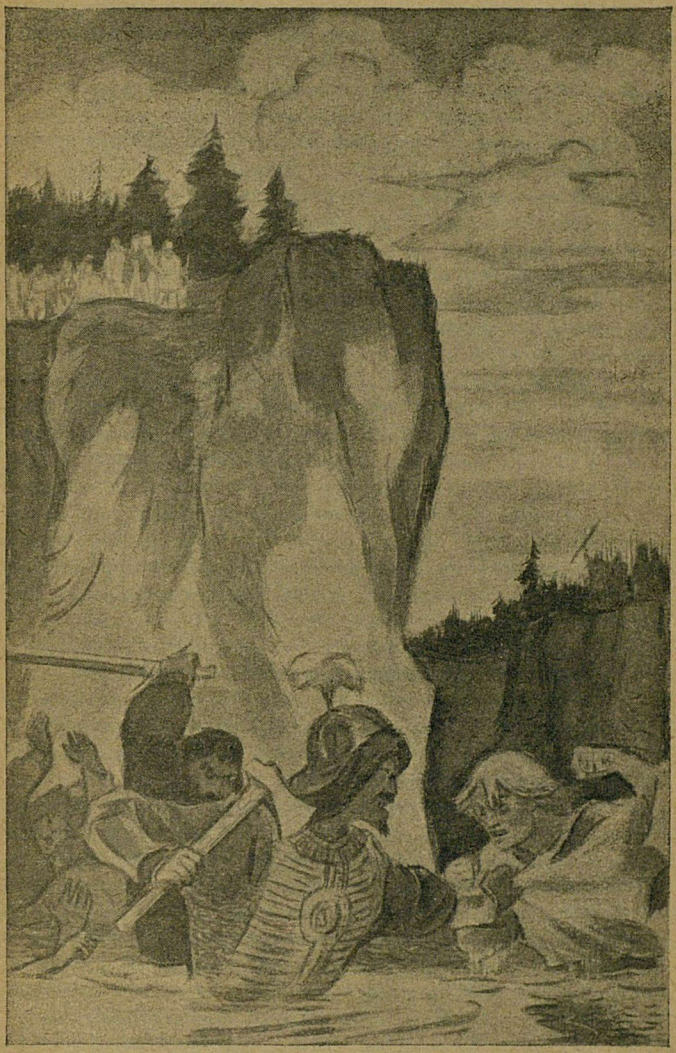
Страшно было взглянуть теперь на долину! Там и сям, словно черные острова, виднелись на воде кучки монголов. От прежнего воинского порядка давно не осталось никакого следа. Словно мякина, развеянная ветром, рассеялись монголы по долине, борясь с волнами, куда-то с трудом передвигаясь, крича и проклиная все на свете. Никто никого не слушал, никто ни о ком не думал. Одни стояли на кучах камней, счастливые тем, что хоть на минуту избавились от напора воды. Другие тонули, погружаясь в воду по плечи, по шею, упираясь копьями в дно или взмахивая над водой луками. Но большинство отбрасывало прочь свои луки, точно соломинки крутившиеся в водоворотах. Некоторые, желая любым способом облегчить себя, сбрасывали овчины и пускали их по течению, хоть сами стучали зубами от холода. Те, которые были ниже ростом, хватались за высоких, валили их с ног, продолжая барахтаться и бороться с ними в воде. Другие пускались вплавь, хотя сами не знали, куда и зачем им плыть, так как спасения не было нигде. На кучах, нагроможденных посреди водной равнины, могло поместиться лишь небольшое число счастливцев, которые являлись предметом смертельной зависти со стороны утопающих, осыпавших их безумными проклятиями. Вокруг каждой

каменной кучи теснились тысячи монголов, обезумевших, орущих, пытающихся также влезть на безопасное место. Напрасно стоявшие на куче монголы толковали им, что на ней нельзя поместиться всем, что кому-то придется погибнуть, — погибать никто не хотел, все лезли на кучу. Стоявшие на камнях вынуждены были защищаться, чтобы не погибнуть самим. Застучали молоты и топоры монгольские по рукам и черепам своих же монголов. Брат забыл брата в эту страшную минуту, товарищ рубил товарища с большей яростью, чем своего смертельного врага. Те, которые стояли позади, ближе к неминуемой смерти, протискивались вперед; стоявшие впереди, у самых каменных куч, под ударами своих же товарищей пятились с криками назад, средние ревели от боли и страха, стиснутые со всех сторон, втаптываемые задними и передними в воду. Некоторые, уже под водою, судорожно хватались руками за камни и вырывали их из куч. Пять куч развалилось, и все, кто стояли на них, попадали в воду, сравнявшись судьбой с теми, от кого они защищались. А те, обезумев от смертельного страха, радостно орали каждый раз, когда разваливалась новая куча и новые жертвы валились в пасть страшного, безжалостного врага.

Иные были одержимы настоящей манией убийства и разрушения. Вот один, гигантского роста, с посиневшим лицом, стиснутыми зубами и искусанными в кровь губами, в слепой ярости обрушивает топор на головы всех, кто попадается ему под руку, а если никто не попадается, лупит прямо по окрашенным кровью, клокочущим, пенящимся волнам. Другой с истерическим хохотом спихивает в воду тех, кому посчастливилось встать на какое-либо возвышение — на камень или труп товарища. Третий ревет, как бык, и бодает сзади головой утопающих. Этот, заломив в отчаянии руки над головой, рыдает, стонет, хнычет, как ребенок. Некоторые, поглощенные только мыслью о собственной гибели, прыгают на спины товарищам, вцепляются им в волосы, пригибают вниз и тонут вместе с ними.

Как рыбы во время нереста [1], стиснутые в узком русле бурным течением, теснятся, бьются, выставляют на миг головы и опять погружаются в воду, мутят ее и ловят разинутыми ртами воздух — так здесь, посреди огромного

[1] Время нереста — время метания икры.

мутного, бушующего озера, теснились, выбиваясь из сил, тонули и вновь на миг показывались из воды, взмахивали руками и опять тонули, гибли сотни и тысячи монголов.

В немом молчании, недвижимо, точно вкопанные, стояли на берегах озера тухольцы; даже самые беспощадные из них не могли без дрожи глядеть на гибель такого множества людей.

Окаменев от ужаса, смотрел на эту страшную картину Бурунда-бегадыр. Хотя ему самому грозила не меньшая опасность, хотя вода доходила и его людям уже до подмышек, а возникшие в воде течения валили их с ног, настоятельно требуя немедленного возвращения на прежнее безопасное место, Бурунда все еще стоял не двигаясь и рвал на себе волосы, испуская ужасающие вопли при виде своего гибнущего войска. Никто не смел обращаться к нему в эту страшную минуту; все стояли вокруг него, дрожа и борясь с неодолимым врагом — водою.

— Идем! — вымолвил наконец Бурунда.

И они двинулись к сложенной монголами куче камней, находящейся против оставленного тухольцами обрыва. И было самое время! Вода поднималась все выше. Между ними и кучей камней образовался водоворот, который они могли преодолеть, только идя против него стеной, взявшись все за руки.

Лишь великан Бурунда шел один, впереди всех, могучей грудью рассекая яростные волны.

Как островок среди моря, стояла горсточка воинов на этой куче, по пояс в воде, все еще держа в руках луки и целясь в покинутую тухольцами скалу. Опасность не поколебала их воинскую дисциплину.

К счастью, эта каменная куча была больше других; она была сложена из огромных глыб и плит, которые лишь в воде можно было легко двигать. Больше сотни людей могло удобно стоять на ней в боевой готовности, а как раз такое количество воинов и было теперь у Бурунды, не считая оставшихся под скалой. Поместившись на этой куче, люди Бурунды вздохнули с облегчением. Прежде всего они глянули туда, где под скалой остались их сорок товарищей; но там теперь бушевали свирепые волны, разбиваясь о зубья скал и разбрызгивая далеко серебряную пену.

От монголов не осталось и следа, лишь временами,

когда волны на момент утихали, что-то чернелось на сером камне: это был единственный, еще уцелевший из всего отряда живой человек; одеревяневшими пальцами он судорожно цеплялся еще за скалу, как ни трепали и ни рвали его яростные волны. Он не кричал, не звал на помощь, его только бросало с каждой волной вверх и вниз, пока наконец он не исчез, как листок, смытый водою.

Бурунда, немой, посиневший от напряжения и ярости, оглядел долину. Страшные крики и вопли уже стихли. В водоворотах кучами кружились трупы, там и сям выставляя из воды то скрюченные пальцы, то ноги и головы. Лишь, как десять черных островов, стояли на своих каменных башнях десять кучек людей, но это уже было не войско, а перепуганные, бессильные и безоружные недобитые остатки, трепещущие и разбитые отчаянием. Хотя они могли еще перекликаться между собой, но помочь друг другу уже не могли и, находясь ли вместе или отдельно, были одинаково беспомощны в ожидании своей неминуемой гибели.

IX

— Как думаешь, боярин, — вдруг спросил Бурунда Тугара Волка, — что будет с нами?

— Все погибнем, — ответил Тугар Волк спокойно.

— И я так думаю, — подтвердил Бурунда. — И что больше всего меня злит — это то, что погибаем без боя, без славы, как котята, брошенные в пруд!

Боярин ничего не ответил. Новое событие обратило на себя общее внимание. Тухольцам, повидимому, наскучило дожидаться, пока вода поднимется настолько, чтоб похоронить под собой жалкие остатки монгольского войска. Им не терпелось скорей доконать врага. В лесу, повыше потока, тухольские дружинники рубили толстые ели, заостряли их с обоих концов, как колья, и привязывали к очищенным от ветвей стволам тяжелые камни, чтобы эти новоявленные тараны могли плыть под водой.

Дождавшись момента, когда среди озера образовалось от волн водопада течение, бегущее в нужном им направлении, прямо к месту монгольских стоянок, тухольцы стали пускать по нему стволы. Вскоре первый ствол со страшной силой ударил заостренным концом в кучу, на которой стояли монголы. Раздался грохот, и камни, придавленные

ногами монголов, сдвинулись с места, куча расселась. С громкими криками попáдали монголы в воду. Несколько человек ухватилось за предательское бревно. Течение подхватило их вместе с ним, понесло на середину озера, в водоворот, закружило и поставило бревно стоймя. Монголы соскользнули в воду и больше уже не показывались. Остальные, так внезапно лишившись своего убежища, продолжали барахтаться на месте, топча друг друга и взывая о помощи. Два-три монгола — повидимому, хорошие пловцы — пустились вплавь к берегу, но и их не миновала смерть: несколько больших камней, брошенных с берега, положили конец их плаванию.

Только немногим из монголов посчастливилось добраться до соседних каменных куч. Но и здесь они недолго пребывали в безопасности. Тухольцы, увидев успех своей первой попытки, начали пускать таран за тараном. Однако эти тараны не причиняли никакого вреда монголам. Течением их проносило мимо.

Тогда Мирослава подала тухольцам новую мысль: сбивать вместе по нескольку стволов и спускать такие плоты на канате вниз по водопаду, затем, подтянув плот к берегу, ставить на него десяток наиболее сильных, вооруженных тухольцев, из которых двое должны были длинными шестами направлять плот к монголам.

Быстро были сооружены два плота, спущены вниз по водопаду, который теперь, после подъема воды, стал вдвое короче. Двадцать смелых молодцов стали на плоты и поплыли на бой с монголами. Это был легкий, хотя и решительный бой.

Горсточка монголов, на которую они напали, была почти безоружна, перепугана, бессильна. Тухольцы быстро столкнули их длинными шестами в воду, а тех, которые упирались, посшибали стрелами и копьями. Жалобно завыли монголы на других кучах, предвидя неминуемую гибель.

Бурунда, увидев врагов и этот способ воевать, даже зубами заскрежетал от бешенства и схватился за оружие. Но напрасна была его ярость. Даже отравленные стрелы монголов были бессильны и не долетали до смелых тухольцев. Неистовому бегадыру только и оставалось, что, стоя по грудь в воде, в полном бездействии наблюдать, как тухольцы островок за островком уничтожают последние остатки монгольского войска. А тем временем тухоль-

цы свирепствовали. Стиснув зубы, присев на корточки на своих плотах, они неслись на монголов. Кое-где они встречали отчаянное сопротивление: текла кровь, раздавались вопли с обеих сторон, падали трупы с плотов и каменных куч, но дух монголов был уже сломлен, их сопротивление было коротким. Как огонь, пущенный по жнивью, переползая с покоса на покос, слизывает копну за копной сухое сено, так тухольцы очищали одну за другой каменные кучи, сталкивая монголов в воду, в холодные объятия смерти. Все они погибли до одного! От черных островков посредине озера не осталось и следа. Только вдали, в стороне, недалеко от берега, виднелся еще последний островок, высившийся среди бушующей стихии, как черная скала. Это был отряд Бурунды. Сотня монголов, Тугар Волк и Максим — вот все, что осталось от огромного войска, которое собиралось итти Тухольской дорогой в Угорскую землю и, переплыв Яик и Волгу, Дон и Днепр, обрело здесь, в этих водах, среди гор, холодную свою могилу.

Последняя жертва смерти, горсточка храбрецов стояла посреди водной равнины без всякой надежды на спасение, с одним желанием — дорого продать свою жизнь.

Вся Тухольская община собралась на берегу против этого последнего вражеского прибежища. Спустили еще два плота, чтобы тревожить монголов с тыла, в то время как спереди, с берегов, на них градом сыпались камни и стрелы. Однако бóльшая часть стрел не долетала до отряда Бурунды; те же, которые долетали, не причиняли им никакого вреда. Ближе подступить тухольцы не решились, боясь отравленных стрел; вскоре, видя, что стрельба бесполезна, они и вовсе прекратили ее.

Высоко на скале стоял старый Захар, не сводя глаз со своего сына, который ловко увертывался от стрел и камней. А поодаль от Захара, среди стрелявших, стояла Мирослава, бросая быстрые взгляды, опережавшие ее стрелы, на кучку врагов, среди которых теперь находилось все самое дорогое для нее на свете: отец и Максим. Сердце ее замирало от каждой пущенной тухольцами стрелы.

Наскучило тухольцам, стоявшим на плотах, тратить попусту стрелы. Они набрались храбрости и подплыли ближе. Монголы встретили их своими отравленными стрелами и ранили несколько человек; но тухольцы вскоре

заметили, что у врагов кончился запас их страшного оружия. С грозным криком ринулись они на монголов. Те молча, плотно сомкнувшись, ждали нападения, борясь одновременно и с тухольцами и со свирепыми волнами. Но тухольцы, остановившись в двух саженях от них, метнули свои рогатины, прикрепленные к руке каждого длинным ремнем. Десять монголов вскрикнули одновременно: десять тел скатилось в воду. Снова метнули молодцы свои рогатины, и снова упало в воду несколько человек.

— Будьте вы прокляты! — завопил Бурунда. — Так они всех нас выклюют, хамы поганые!

Но его гнев был теперь подобен бесплодному ветру, который только шумит, а никому не приносит вреда. Тухольские молодцы, как вороны, с криками носились вокруг вражьего стана, то здесь, то там поражая врагов меткими ударами своих рогатин. Продолжать оборону было невозможно. Монголы вынуждены были неподвижно стоять, точно связанные по рукам и ногам, и ждать смерти.

— Бегадыр, — обратился к Бурунде Тугар Волк, — не попытаться ли нам как-нибудь спасти жизнь?

— Зачем? — уныло спросил Бурунда.

— Все-таки жизнь лучше смерти.

— Правду говоришь. — молвил Бурунда, и глаза его сверкнули, но не жаждой жизни, а скорее жаждой мести. — Но что же нам делать? Как спастись?

— Может быть, они захотят теперь в обмен за пленника даровать нам жизнь и свободу?

— Попробуем! — сказал Бурунда, могучей рукой вытаскивая Максима из толпы и ставя его перед собой.

Тугар Волк замахал белым платком.

— Тухольцы! — закричал он, оборачиваясь лицом к берегу.

Воцарилась тишина.

— Скажи им, что если они хотят получить этого раба живым, пусть даруют нам жизнь и отпустят нас. Если же нет, мы сумеем погибнуть, но прежде на глазах у них умрет он!

— Тухольцы! — крикнул Тугар Волк. — Начальник монголов обещает вам вернуть пленника живым и здоровым и предлагает взамен, чтоб вы всех нас выпустили из этой долины живыми и здоровыми! В противном случае его ждет неминуемая смерть.

И, словно желая показать, что это не пустая угроза, Бурунда занес свой страшный топор над головой Максима.

У тухольцев перехватило дыхание. Старый Захар задрожал и отвернулся от зрелища, раздирающего ему сердце.

— Захар. — сказали старики тухольцы, обступив его, — мы думаем, что можно принять это предложение. Монгольское войско уничтожено, а эти несколько человек нам не страшны.

— Не знаете вы, братья, монголов, — ответил Захар. — Среди этой кучки людей находится один из самых страшных монгольских начальников, и он нам никогда не простит гибели своего войска. Он приведет новую несметную силу в наши горы, и кто знает, сможем ли мы еще раз разбить ее?

— Но твой сын, Захар, твой сын! Ведь его ждет гибель! Посмотри, над ним занесен топор!

— Пусть лучше погибнет мой сын, чем из-за него уйдет живым из нашего края хоть один враг!

Со слезами приблизилась Мирослава к старому Захару.

— Отец! — рыдала она. — Что ты надумал? За что хочешь погубить своего сына... и меня? Я люблю твоего сына, я поклялась делить с ним жизнь и служить ему! Его смерть будет и моей смертью!

— Бедная девушка, — сказал Захар, — чем я могу тебе помочь? Для тебя существуют только черные очи да гибкий стан, а я думаю о счастье всех. Здесь нет выбора, дочка!

— Захар, Захар! — говорили общинники. — Все мы считаем, что хватит уже крови, вражья сила сломлена, и община не хочет смерти этих последних. Тебе вручаем мы судьбу их и твоего сына. Смилуйся над своей собственной плотью и кровью!

— Смилуйся над нашей молодостью, над нашей любовью! — рыдала Мирослава.

— Можешь пообещать им все что угодно, лишь бы они вернули тебе сына. — сказал один из загорских удальцов. — Как только Максим будет свободен, ты лишь кивни нам, и мы отправим всех монголов на дно кормить раков.

— Нет!— сказал возмущенный Захар. — Это было бы нечестно. Беркуты держат свое слово, даже если оно да-

но врагу и изменнику. Беркуты никогда не запятнают ни своих рук, ни своего сердца предательски пролитой кровью! Довольно, дети, этих разговоров! Подождите, я им пошлю ответ своей собственной рукой!

И, повернувшись, он пошел к машине, где на гигантской «ложке» лежал огромный камень, и сильной, недрогнувшей рукой взялся за канат, державший «ложку» в горизонтальном положении.

— Отец, отец! — кричала Мирослава, порываясь к нему. — Что ты хочешь делать?

Но Захар, словно не слыша ее крика, спокойно нацеливал метательный снаряд на врагов.

Бурунда и Тугар Волк тщетно ждали ответа тухольцев. Спокойный, готовый ко всему, стоял Максим, склонив голову под занесенным топором Бурунды. Только Тугар Волк, сам не зная почему, дрожал всем телом.

— Э, что там долго ждать! — крикнул наконец Бурунда. — Один раз мать родила, один раз и погибать! Но прежде меня погибнешь ты, раб поганый!

И он со страшной силой взмахнул топором, чтоб одним ударом рассечь голову Максиму. Но в этот момент над головой Максима сверкнул меч Тугара Волка, и грозная, смертоносная рука Бурунды с топором, отсеченная одним взмахом и забрызганная кровью, упала, как сухое полено, в воду.

Заревел от ярости и боли Бурунда и левой рукой схватил Максима за грудь; глаза его с выражением смертельной ненависти впились в предавшего его боярина.

Но Максим наклонился и ударил его головой и плечами в левый бок с такой страшной силой, что Бурунда потерял равновесие и покатился в воду, увлекая за собой и Максима.

А в следующее мгновение заколебался с шумом воздух, и огромный камень, выброшенный из тухольской катапульты руками Захара Беркута, с грохотом обрушился на кучку врагов. До самых облаков взлетели брызги воды, загремели камни, душераздирающий вопль раздался на берегу, и через несколько мгновений поверхность озера снова была спокойной и гладкой, а от отряда Бурунды не осталось и следа.

Как мертвая, не дыша, стояла на берегу толпа тухольцев. Старый Захар, минуту назад такой сильный и несокрушимый, теперь дрожал, как малый ребенок, и горько

рыдал, закрыв лицо руками. У его ног в беспамятстве, неподвижно лежала Мирослава.

И вдруг внизу раздались радостные крики. Это удальцы на плотах, приблизившись к месту, где утонули Максим и Бурунда, неожиданно увидели вынырнувшего из воды Максима, здорового и крепкого, как всегда, и приветствовали его веселыми криками. Их радость быстро передалась всей общине. Даже те, которые потеряли своих сыновей, братьев и мужей,— даже они радовались спасению Максима, словно вместе с ним возвратились и все дорогие их сердцу, погибшие в бою.

— Максим жив! Максим жив! Ура, Максим! — неслись громовые крики, эхом отдаваясь по лесам и горам.— Отец! Захар! Твой сын жив! Твой сын возвращается к тебе!

Дрожа от глубокого волнения, со слезами на старых своих глазах, поднялся Захар.

— Где он? Где мой сын? — спросил он слабым голосом.

Весь мокрый, но с лицом, сияющим радостью, соскочил Максим с плота на берег и бросился к ногам отца.

— Отец мой!

— Сынок, Максим!

Ни тот, ни другой не могли произнести больше ни слова. Захар зашатался и упал в могучие объятия Максима.

— Отец мой, что с тобою? — воскликнул Максим, видя разлившуюся по лицу старика смертельную бледность и чувствуя, как неукротимая дрожь потрясает тело старика.

— Ничего, сынок, ничего, — сказал тихо, с улыбкой Захар. — Сторож зовет меня к себе. Я слышу его голос, сынок. Он говорит мне: «Захар, ты сделал свое дело, пора отдохнуть!»

— Отец, отец, не говори этого! — зарыдал Максим, припадая к нему.

Старый Захар, спокойный, улыбающийся, лежал на траве с просветленным лицом, обращенным к полуденному солнцу. Он легко снял руку сына со своей груди и сказал:

— Нет, сынок, не плачь по мне, я счастлив. Лучше посмотри, кто тут рядом. Здесь есть кто-то, кто нуждается в твоей помощи.

Максим оглянулся и оцепенел. На земле лежала Мирослава, бледная, с выражением отчаяния на прекрасном лице. Принесли воды, и Максим бросился к своей милой. Вот она вздохнула, открыла глаза, но опять прикрыла их.

— Мирослава, Мирослава! Сердце мое! — восклицал Максим, целуя ей руки. — Проснись!

Мирослава, словно пробудившись от сна, изумленными глазами всматривалась в лицо Максима.

— Где я? Что со мною? — спросила она чуть слышно.

— Здесь, здесь, среди нас! Подле твоего Максима!

— Максима? — вскрикнула она, вскочив на ноги.

— Да, да! Смотри, я жив, я свободен!

Долго-долго молчала Мирослава, не будучи в силах притти в себя от изумления. Потом она бросилась на шею Максиму, и горячие слезы брызнули из ее глаз.

— Максим, сердце мое!

Больше она ничего не могла сказать.

— А где мой отец? — спросила Мирослава через минуту.

Максим отвернулся.

— Не вспоминай о нем, сердце мое! Тот, кто взвешивает правду и неправду, взвешивает теперь его добрые и злые дела. Помолимся, чтоб добрые перевесили.

Мирослава вытерла слезы и посмотрела на Максима долгим, полным любви взглядом.

— Подойди сюда, Мирослава, — сказал Максим. — Вот наш отец, но и он покидает нас.

Захар смотрел на молодую чету светлым, радостным взглядом.

— Опуститесь возле меня на колени, дети! — сказал он тихо, слабеющим голосом. — Дочка, Мирослава, твой отец погиб. Он погиб так, как погибли тысячи других. Не печалься, доченька! Вместо отца судьба дает тебе брата...

— И мужа! — добавил Максим, сжимая ее руку в своей.

— Да благословят вас боги дедов наших, дети! — сказал Захар. — В тяжелые дни свела вас судьба вместе и соединила ваши сердца, и вы достойно устояли в самую страшную бурю. Пусть же ваш союз в сегодняшний победный день будет порукой в том, что и наш народ также превозможет тяжелые невзгоды и не разорвет своего сердечного союза с честью и человеческой совестью.

И он похолодевшими уже устами поцеловал в лоб Мирославу и Максима.

— А теперь, дети, встаньте и чуть приподнимите меня. Я хотел бы еще перед тем, как уйти, сказать кое-что общине, которой я старался искренне служить всю свою жизнь. Отцы и братья! Сегодняшняя наша победа — великое для нас дело. Чем мы победили? Только ли нашим оружием? Нет. Только ли нашей хитростью? Нет. Мы победили нашим общинным строем, нашим согласием и дружбой. Хорошо запомните это! Пока вы будете жить общинным строем, дружно держаться вместе, несокрушимо стоять все за одного и один за всех — до той поры никакая вражья сила вас не победит. Но я знаю, братья, и чует моя душа, что это был не последний удар по нашей общинной твердыне, что за ним последуют другие и в конце концов разобьют нашу общину. Плохие времена настанут для нашего народа. Откажется брат от брата, отречется сын от отца, и пойдут великие распри и раздоры по русской земле, и пожрут они силу народа, и попадет тогда весь народ в неволю к чужим и своим насильникам, и сделают они его покорным слугой своей алчности и своим рабочим волом. Но среди этих невзгод снова вспомнит народ свои прежние вольности, и благо ему, если он скорей и ясней их вспомнит: это спасет его от целого моря слез и крови, от целых столетий неволи. Однако раньше ли, позже ли, но он вспомнит жизнь своих предков и пожелает пойти по их стопам. Счастлив тот, кому будет суждено жить в те дни! Это будут прекрасные дни, дни весны, дни народного возрождения! Передавайте же детям и внукам вашим сказания о прежних днях и прежних порядках. Пусть в дни грядущих невзгод не гаснет среди них живая память об этом, как не гаснет в пепле живая искра! Придет пора — искра разгорится новым пламенем! Прощайте.

Тяжело вздохнул старый Захар, глянул на солнце, улыбнулся, и через минуту его не стало.

Не плакали по нем ни сыновья, ни соседи, ни другие общинники, хорошо зная, что по счастливому грех плакать. С радостными песнями обмыли его тело и отнесли на «Ясную поляну», к старинному жилищу древних богов. И, положив его в каменном гроте, лицом к золотому образу Солнца на потолке, завалили вход огромной плитой и замуровали.

Так опочил старый Захар Беркут на лоне тех богов, которые жили в его сердце и нашептывали ему всю его жизнь честные, обращенные на благо общины мысли.

Многое изменилось с той поры. Но с полной точностью сбылось пророчество старого общинника. Великие невзгоды градовой тучей прошли над русской землей. Прежние вольности давно забыты и, казалось бы, похоронены. Но нет! Не нашим ли дням суждено возродить их? Не мы ли живем в ту счастливую пору возрождения, о которой, умирая, говорил Захар, или, по крайней мере, на заре этой счастливой поры?

Пров. 1959

5050

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА

3 экз.

300 =

Цена ~~6 руб.~~